

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2017 Том 17

ISSN 1818-9601 (Print)
ISSN 2541-8998 (Online)
Издается с 2005 года

Серия Социология. Политология, выпуск 2

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918 и «Ученых записок СГУ» 1923–1962

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

- Бессчетнова О. В.** Патриотизм: мнение студенческой молодежи Саратовской области 127
- Кошелев А. А.** «Брендинг территорий»: к вопросу о теоретико-методологических аспектах определения понятия 133
- Могилевич Б. Р., Калинин А. А.** Многоязычие как социокультурный феномен 136
- Петрова И. Э.** Забота как концептуальный подход в социальной работе религиозных организаций 139
- Климова С. В.** Власть как партнер предпринимательского сообщества в условиях монархии и в современной России 144
- Сайганова Е. В.** Правовое регулирование государственной молодежной политики на региональном уровне (на примере Саратовской области) 152
- Петрова Ж. В.** Профессионально-трудовая занятость пенсионеров: геронтологическое направление социальной политики 156
- Шеляхина Н. В.** Формирование расистских установок в обществе посредством повседневного дискурса (на примере Германии) 161
- Баландина Т. М.** Социальные коммуникации в системе организационной культуры предприятия 166
- Сычева В. О.** Проблемы формирования профессиональной мобильности бакалавров 170

Слово молодым социологам

- Поликарпов П. Б.** Гендерный анализ оценки качества медицинского обслуживания в государственных и частных поликлиниках 174
- Максимова Е. В.** Значение, востребованность и ограничения в развитии инклюзий в современной России: субъективный аспект 178

Политология

- Шестов Н. И.** Мифологическое и фактическое в технологии патриотического воспитания 185
- Никифоров Я. А.** Социальный концепт «патриотизм» в русской общественной мысли 191
- Митрохин В. А.** Петр Струве: «На пути к здравомыслию...» (идейно-политическая борьба на страницах эмигрантской прессы 20–30-х годов XX века) 194
- Вилков А. А., Воронцов А. С., Понеделков А. В.** Политико-административные элиты: генезис, проблемы развития на современном этапе 198
- Мирзаханов Д. Г.** Партийно-политический аспект политизации ислама в 1990-е гг.: общероссийская и поволжская проекции 204
- Вилков А. А.** К вопросу об использовании «сослагательного» подхода к оценкам революционных событий 1917 года 209
- Герасимова О. Е.** Международно-правовые основы становления и развития института национально-культурной автономии 213

Слово молодым политологам

- Яковлев И. В.** Проблемы изучения локальной гражданственности в современных политологических исследованиях 221
- Камалетдинова А. И.** Участие СМИ в формировании «форумных» свойств мотивации электорального выбора в либерально-демократической политике 225
- Фантров П. П.** Политический краудсорсинг в системе обеспечения национальной безопасности России 231
- Зарипова А. Р.** Рост каталонского сепаратизма в условиях недовольства экономической автономией региона 236

Сведения об авторах

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56124 от 15 ноября 2013 года

Индекс издания по объединенному каталогу «Пресса России» 36016, раздел 30 «Научно-технические издания. Известия РАН. Известия вузов». Журнал выходит 4 раза в год

Заведующий редакцией
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Трубникова Татьяна Александровна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Степанова Наталия Ивановна

Верстка
Багаева Ольга Львовна

Технический редактор
Ковалева Наталия Владимировна

Корректор
Гаврина Марина Владимировна

Адрес учредителя, издателя и редакции:
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: (845-2) 51-45-49, 52-26-89
E-mail: izvestiya@sgu.ru

Подписано в печать 20.05.17.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 13,95 (15,0).
Тираж 500 экз. Заказ 60-Т.

Отпечатано в типографии Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2017

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в разделе Хроника. Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (20–40 тыс. знаков, включая пробелы).

Статья должна содержать аннотацию (до 5 строк), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: www.soziolit.sgu.ru/dlya-avtorov.

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегию серии в электронном виде по адресу: BegininalA@info.sgu.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: www.soziolit.sgu.ru.

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Sociology

- Besschetnova O. V.** Patriotism: the View of Students in Saratov Region 127
- Koshelev A. A.** "Branding of Territories": to a Question of Theoretical and Methodological Aspects of Definition of Concept 133
- Mogilevich B. R., Kalinkin A. A.** Multilingualism as a Sociocultural Phenomenon 136
- Petrova I. E.** Careas a Conceptual Approach of Social Work of Religious Organizations 139
- Klimova S. V.** Power as a Partner of Business Community under Conditions of Monarchy and in Modern Russia 144
- Saiganova E. V.** Legal Regulation of the State Youth Policy at the Regional Level (on the Example of Saratov Region) 152
- Petrova Zh. V.** Professional and Labour Employment of Pensioners: Gerontological Direction of Social Policy 156
- Shelyakhina N. V.** Background for Racism Development in Society Through Everyday Discourse (on the Example of Germany) 161
- Balandina T. M.** Social Communications in the System of Organization Managerial Culture 166
- Sycheva V. O.** Problems of Formation of Bachelors' Professional Mobility 170

A Word to Young Sociological Scientists

- Polikarpov P. B.** Gender Analysis of the Assessment of the Quality of Medical Care in State and Private Out-patient Departments 174
- Maksimova E. V.** The Value, Relevance and Limitations in the Development of Inclusion in Modern Russia: the Subjective Aspect 178

Politology

- Shestov N. I.** The Mythological and the Factual within the Technology of Patriotic Upbringing 185
- Nikiforov Ya. A.** Social Concept "Patriotism" in the Russian Social Thought 191
- Mitrokhin V. A.** Peter Struve: "On the Way to Good Sense..." (Ideological and Political Struggle on Pages of the Emigre Press of the 20–30th Years of the XX Century) 194
- Vilkov A. A., Ponedelkov A. V.** Political and Administrative Elites: Genesis, Problems of Current Development 198
- Mirzakhanov D. G.** Party-political Aspect of Politization of Islam in 1990s: Russia and Volga Region Projection 204
- Vilkov A. A.** Revisiting the "Conjunctive" Approach to Evaluation of Revolutionary Events-1917 209
- Gerasimova O. E.** The International Legal Framework of Formation and Development of the Institute of National-Cultural Autonomy 213

A Word to Young Politological Scientists

- Yakovlev I. V.** Problems of Studying the Local Citizenship in Modern Political Science Research 221
- Kamaletdinova A. I.** Participation of Media in Formation of "Forum" Properties of Motivation of the Electoral Choice in Liberal and Democratic Policy 225
- Fantrov P. P.** Political Crowdsourcing in the System of Ensuring National Security of Russia 231
- Zaripova A. R.** Growth of Catalan Separatism in the Context of Dissatisfaction with Regional Economic Autonomy 236

Information about the Authors

241

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛОВ
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ»**

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Короновский Алексей Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционного совета:

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Усанов Дмитрий Александрович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL COUNCIL OF THE JOURNALS
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES»**

Editor-in-Chief – Chumachenko A. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Koronovskii A. A. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Khalova V. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Council:

Balash O. S. (Saratov, Russia)

Buchko I. Yu. (Saratov, Russia)

Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia)

Makarov V. Z. (Saratov, Russia)

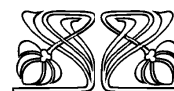
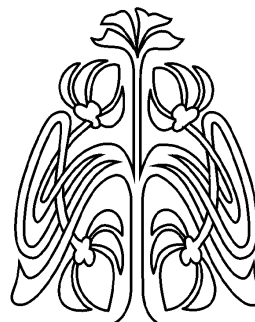
Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

Usanov D. A. (Saratov, Russia)

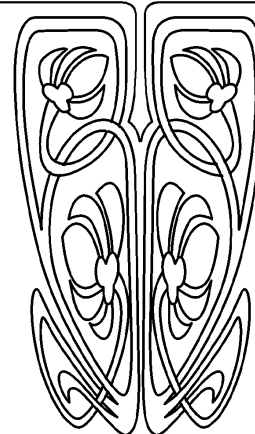
Ustiantsev V. B. (Saratov, Russia)

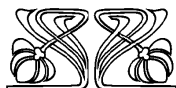
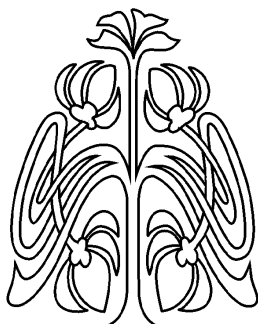
Shamionov R. M. (Saratov, Russia)

Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)

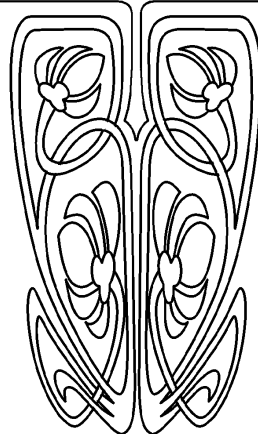

**РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ**

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Бегина Ирина Александровна, кандидат филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Айтчисон Брайан, докторант политологии (Лондон, Великобритания)
Баттерфилд Джим, доктор полит. наук, профессор (Каламазу, США)
Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)
Елютина Марина Эдуардовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук (Саратов, Россия)
Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)
Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)
Осадчая Галина Ивановна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)
Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)
Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY. NEW SERIES.
SERIES: SOCIOLOGY. POLITOLOGY»**

Editor-in-Chief – Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Vilkov A. A. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Beginina I. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Itchison B. (London, Great Britain)
Butterfield G. (Kalamazoo, USA)
Elutina M. E. (Saratov, Russia)
Golenkova Z. T. (Moscow, Russia)
Kalinnikova M. V. (Saratov, Russia)

Komkova G. N. (Saratov, Russia)
Kuznetsov I. I. (Moscow, Russia)
Osadchaya G. I. (Moscow, Russia)
Shhmatova N. V. (Saratov, Russia)
Shestov N. I. (Saratov, Russia)

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.35

ПАТРИОТИЗМ: МНЕНИЕ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

О. В. Бессчетнова

Балашовский институт (филиал) Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: sharon_oksana@rambler.ru

В статье представлены результаты повторного социологического исследования патриотизма студенческой молодежи (N = 320), проведенного в апреле–мае 2015 г. в Саратовской области методом анкетирования. В результате исследования выявлено, что при сохранении стабильно высоких внешних показателей патриотизма наблюдается расхождение между осознанием молодыми людьми понятий «патриот» и «быть патриотом», о чем свидетельствует значительное снижение числа лиц, готовых в случае необходимости сделать все возможное для своей страны и/или встать на ее защиту.

Ключевые слова: молодежь, патриотизм, Саратовская область, социологическое исследование.

Patriotism: the View of Students in Saratov Region

O. V. Besschetnova

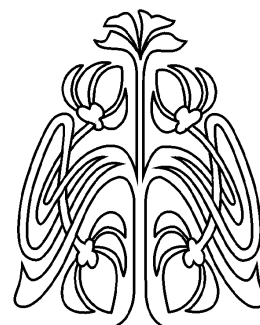
Patriotism is very ambiguous, the meaning and the value of which is estimated often diametrically opposite. It is viewed from the perspective of many humanities – philosophy, sociology, psychology, etc. The article contains the results of the research of the youth patriotism (N = 320), which was conducted in April – May 2015 in Saratov region. The study found that, while maintaining consistently high external indicators of patriotism, there is a discrepancy between the young people's awareness of the concepts of "patriot" and "to be a patriot", as evidenced by the significant decrease in the number of people who are ready if necessary to do everything possible for the country and stand in its defense.

Key words: youth, patriotism, Saratov region, research.

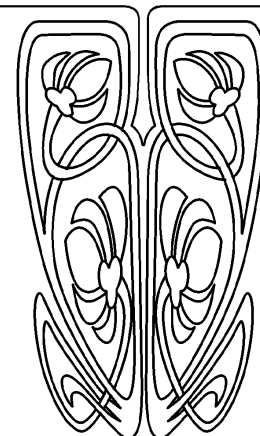
DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-127-132

Проблема патриотизма интересовала ученых, общественных деятелей, музыкантов, живописцев, писателей и поэтов всегда. Она неоднократно поднималась отечественными философами Н. А. Бердяевым, И. А. Ильиным, В. В. Розановым, В. С. Соловьевым, социологами Т. В. Беспаловой, Н. В. Дергуновой, А. А. Зиновьевым, М. Я. Курганской, Е. Л. Омельченко, З. В. Сикевич, педагогами Л. М. Архангельским, В. А. Сластениным, Л. В. Филатовой, И. Ф. Харламовым, писателями Н. М. Карамзиным, Л. Н. Толстым, Н. Г. Чернышевским, М. А. Шолоховым; поэтами А. Ахматовой, А. Блоком, А. Белым, А. С. Пушкиным, М. Ю. Лермонтовым, М. Цветаевой и многими другими.

«Патриотизм» – понятие неоднозначное, смысл и значение которого часто оценивается диаметрально противоположным образом. По мнению В. И. Даля, патриотизм – это любовь к Отчизне, а патриот – любитель Отечества, ревнитель о благе его, отчизне¹. Двадцать шестой президент США Т. Рузвельт полагал, что патриотизм означает «поддержку своей страны»². Другой точки зрения придерживался классик отечественной литературы Л. Н. Толстой, который считал патриотизм чувством безнравственным, так как вместо признания себя сыном Бога, как учит христианство, или хотя бы свободным челове-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

ком, руководящимся своим разумом, всякий человек, под влиянием патриотизма признает себя сыном своего отечества, рабом своего правительства и совершает поступки, противные своему разуму и своей совести³. Американский писатель М. Твен также рассматривал патриотизм как «моральную трусость»⁴, О. Уальд – как «великое бешенство»⁵, а Дж. Б. Шоу – как «убеждение, что твоя страна лучше других потому, что именно ты в ней родился», а патриота – «игрушкой в руках государственных мужей и орудием в руках завоевателей»⁶.

С философской точки зрения, патриотизм представляет собой «нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к Отечеству, преданность ему, гордость за его прошлое и настоящее, стремление защищать интересы Родины»⁷. С психолого-педагогических позиций патриотизм рассматривается как особое эмоциональное переживание своей принадлежности к стране/территории, культуре, языку, традициям, этносу, осознание своего гражданства (национальности).

В связи с несомненной актуальностью проблемы исследования в апреле–мае 2015 г. автором статьи было проведено повторное социологическое исследование среди учащейся молодежи, проживающей на территории Саратовской области в городской (г. Аткарск, Аркадак, Балашов, Маркс, Ртищево, Саратов, Энгельс) и сельской местности, методом анкетирования⁸. Объектом исследования выступили студенты в возрасте 17–22 лет, обучающиеся в вузах и колледжах Саратовской области (БИ СГУ, СГУ, Поволжский институт управления им. П. А. Столыпина (филиал) РАНХиГС, Ртищевский техникум железнодорожного транспорта, Саратовский областной базовый медицинский колледж, Социально-педагогический колледж). Предметом исследования являлся уровень патриотизма студенческой молодежи Саратовской области. Цель исследования – выявление динамических изменений и тенденций в осознании современной студенческой молодежью патриотизма как социального феномена. Задачи исследования включали: 1) изучение уровня патриотизма в среде студенческой молодежи Саратовской области; 2) раскрытие смысловой нагрузки понятий «патриотизм», «патриот»; 3) выявление отношения молодежи Саратовской области к патриотическому воспитанию; 4) анализ факторов, влияющих на формирование патриотизма у молодежи; 5) исследование наиболее эффективных методов работы, направленных на формирование патриотизма в молодежной среде; 6) проведение сравнительного анализа результатов социологических исследований 2010 и 2015 гг.

В качестве гипотезы исследования выдвинуто утверждение о том, что уровень патриотизма современной студенческой молодежи за послед-

ние пять лет претерпел изменения под влиянием социально-экономических и политических процессов.

Исследование проводилось на выборочной совокупности, включающей 320 человек, из них 72,5% – девушки, 27,5% – юноши, в возрастном диапазоне 17–18 лет – 25,8%, 19–20 лет – 30%, 21–22 года – 44,2%. Подавляющее число респондентов – 93,3% – не состояли в браке, состояли в незарегистрированном браке 3,4%, были замужем/женаты 2,5%, в разводе – 0,8%. По национальному составу 96,7% – русские, остальные – армяне, евреи, лезгины, чеченцы, украинцы, казахи. На вопрос анкеты «Имеет ли для Вас значение национальность человека при общении с ним?» 61,6% опрошенных дали утвердительный ответ (в 2010 г. – 25,7%), 10,0% – отрицательный (57,4%), 2,6% затруднились с ответом (15,3%). Трое респондентов дали собственный вариант ответа: «если армянская, то влияет»; «стараюсь побороть в себе предвзятость»; «если человек мне нравится по общению и внешности». Данные опроса свидетельствуют о повышении важности фактора национальной принадлежности у современной молодежи более чем в два раза, по сравнению с исследованием 2010 г., что можно объяснить не в последнюю очередь ростом уровня национального самосознания, событиями мирового масштаба последних лет (например, организацией Зимних Олимпийских Игр в Сочи 2014 г., празднованием 70-летия Дня Победы, присоединением Крыма к России, урегулированием международных политических конфликтов в Сирии и Ираке при посредничестве России), которые способствовали, хотя и временной, консолидации различных социальных групп и слоев, позволили испытать гордость за свою страну, осознать чувство единства со своими соотечественниками.

Результаты исследования показывают, что у 85,0% респондентов (в 2010 г. – 87,1%) есть родственники, друзья, знакомые отличной от них самих национальности, 11,7% (в 2010 г. – 12,9%) таковых не имеют, 3,3% затруднились ответить. Данный факт позволяет утверждать, что за последние пять лет уровень этнической толерантности молодежи к представителям других этнических групп продолжает оставаться довольно высоким и относительно стабильным.

Собственная национальная принадлежность важна для 47,5% (в 2010 г. – 60,9%), скорее важна для 30,8% (17,8%), не имеет значения для 15,8% (18,3%), 5,8% (3,0%) затруднились ответить. Данные обоих опросов свидетельствуют о сохранении устойчивой тенденции в данной сфере: если в 2010 г. важность национальности в той или иной степени отметили 78,7% респондентов, то в 2015 г. – 78,3%.

Сравнение результатов опросов 2010 и 2015 гг., отражающих положительные и отрицательные характеристики собственной нацио-

нальности, показало, что данные практически не изменились. По-прежнему, позитивными качествами россиян молодые люди называют доброжелательность, дружелюбие, открытость, гостеприимность, работоспособность, мотивируя это следующими высказываниями: «я русская – и это здорово!», «их много, всех не перечислить», «мы едины – мы сила». Среди негативных черт фигурируют лень, пьянство, ложь, простодушие, бесхитрость, наивность, безответственность, вспыльчивость, некоторые считают, что «их нет».

По данным опроса 2015 г., 27,5% опрошенных (в 2010 г. – 33,7%) выразили свое согласие с тем, что национальная принадлежность может повлиять на получение человеком образования, работы, карьерный рост; 25,0% (24,2%) с этим не согласны; считают это возможным при определенных обстоятельствах 45,8% (36,2%); затруднились ответить 1,7% (5,9%). Другими словами, более половины респондентов – 51,7% – считают национальную принадлежность важным фактором, влияющим на дальнейшую социализацию человека в обществе.

В связи с этим 40,8% (в 2010 г. – 59,9%) молодых людей полагают, что в развитых зарубежных странах человек имеет больше шансов сделать карьеру, улучшить свой материальный статус, получить образование, чем в России. Вместе с тем 36,7% так не думают, а 22,5% затруднились ответить. Таким образом, мнения респондентов относительно условий жизни в России и за рубежом разделились практически поровну.

На наш взгляд, отношение современной молодежи к уровню жизни в России наглядно иллюстрируют следующие данные: каждый третий опрошенный – 28,3% (в 2010 г. – 37,6%) – готов переехать в другую страну на постоянное место жительства, больше половины респондентов отнесли к этому с некоей долей сомнения («вероятно, нет») – 55,8% (в 2010 г. – 39,6%), категорично отказались («нет, никогда») – 8,3% (15,8%), 7,5% (7%) затруднились ответить. Повторное исследование демонстрирует тенденцию к снижению доли молодых людей, готовых покинуть родину и уехать за границу, что косвенно может свидетельствовать о появлении новых возможностей и перспектив на будущее в собственной стране, относительной финансовой стабильности. Вместе с тем можно заметить, что практически вдвое снизилось число тех, кто категорически отказался от переезда за рубеж, по сравнению с 2010 г., остальная часть респондентов не исключает для себя такой возможности.

Абстрагируясь от своей этнической группы, при гипотетической возможности стать представителем любой другой национальности большинство респондентов отдали предпочтение украинцам, белорусам, татарам, европейцам (англичанам, немцам, французам испанцам), реже – канадцам, бразильцам, корейцам и японцам.

Наибольший негатив респондентов, как и прежде, вызывают народы Средней Азии (узбеки, туркмены, таджики), Кавказа (армяне, чеченцы, дагестанцы), а также цыгане, евреи и американцы. Среди комментариев фигурируют следующие: «американцы не нравятся, их президент и народ», «американцы, они немного тугодумы», «армяне, они наглые, борзые, много из себя строят», «азербайджанцы, часть этой национальности меня не устраивает в моральных понятиях человека», «лезгины – они более (очень) агрессивные по отношению к близким и всем остальным», «цыгане очень наглые, злые люди», «таких много, более всего народы Кавказа». В основе данных утверждений просматривается личный субъективный опыт респондентов, связанный с их эмоциями и переживаниями, непосредственным взаимодействием с отдельными представителями другого этноса, который проецируется на весь народ в целом. Вероятно, негативное отношение к гражданам США вызвано не в последнюю очередь нестабильной внешнеполитической ситуацией на международной арене, введением санкций против России, военно-политическим противостоянием на Украине, охлаждением отношений между странами.

Вместе с тем часть респондентов полагают, что нет «хороших» и «плохих» этносов, у каждого народа есть хорошие и плохие люди, поддерживая данную мысль утверждениями: «таких нет», «для меня нет разницы, какая национальность, и нет нации, которые хорошие или нет, главное сам человек и какой он!», «в любой нации есть хорошие, так и плохие люди, тут уже зависит от человеческих качеств», «нейтрально ко всем».

К межнациональным бракам положительно относятся 8,3% респондентов (в 2010 г. – 18,3%), нейтрально – 65,0% (60,9%), отрицательно – 25,0% (16,8%), резко отрицательно 1,7% (3,9%).

На вопрос: «Вступили бы Вы в брак с представителем другой национальности?», утвердительно ответили 16,7% (в 2010 г. – 27,2%), 52,5% дали отрицательный ответ (36,6%), затруднились ответить 30,8% (35,6%). Результаты исследования позволяют сделать вывод о заметном снижении числа молодых людей, одобряющих межнациональные браки, и одновременно повышении доли лиц, проявляющих к ним негативное отношение, по сравнению с опросом 2010 г., несмотря на внешнюю лояльность.

Под понятием «патриотизм» 70,8% (в 2010 г. – 72,3%) молодые люди понимают «любовь к Родине, готовность служить ей», 24,2% (16,8%) – «морально-нравственную характеристику личности, приобретаемую в процессе обучения, воспитания, жизни в стране», 2,5% (5,5%) рассматривают его как «любовь к родному краю». Собственные ответы дали 1,6% респондентов, среди них: «все вышесказанное», «все предыдущие пункты», «все вместе взятое». Один опро-

шенный расценил патриотизм как «качество личности, присущее всем без исключения людям» – 0,8% (в 2010 г. – 5,4%).

Данные авторского исследования подтверждаются результатами опроса, проведенного с 21 по 25 февраля 2014 г. экспертами Института современной России при содействии социологов Левада-Центра на репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения среди 1603 человек старше 18 лет в 130 населенных пунктах 45 регионов страны. Исследование показало, что основу патриотизма составляют: любовь к своей стране – 68,0%; работа (действие) во благо страны – 27,0%; стремление к изменению положения дел в стране для обеспечения ей достойного будущего – 22,0%. Россияне в большей степени гордятся природными богатствами страны (38,5%), ее историей (37,8%), спортивными достижениями (28,9%), культурой (28,5%), размерами страны (28,0%). Только 2,0% респондентов гордятся системой здравоохранения, 5,2% – системой образования, 5,4% – экономическими успехами⁹. Анализ результатов национального опроса позволяет констатировать, что патриотизм в последнее время приобретает «негативные черты национализма», усиливается рост нетерпимости и ксенофобии в отношении представителей других этнических групп. Кроме того, полученные данные дают основание утверждать, что большая часть молодежи считает патриотизм приобретенной, а не врожденной характеристикой индивида, которая формируется в процессе социализации под влиянием обучения, воспитания, приобщения к культурным и морально-нравственным общественным нормам и ценностям.

Собственный уровень патриотизма 25,8% (в 2010 г. – 24,8%) респондентов оценили как «высокий», 60,0% (65,4%) – как «средний», 11,7% (9,8%) – как «низкий», а 2,5% опрошенных предпочли дать собственные ответы: «умеренный», «между высоким и средним», «затрудняюсь ответить». В той или иной степени считают себя патриотами 78,3% (в 2010 г. – 76,2%) респондентов, ответивших «да, считаю» насчитывается 42,5% и «вероятно, да» – 35,8%, с долей сомнения «не совсем» – 15,0% (в 2010 г. – 18,3%), не считают себя патриотами 4,7% (2,1%), а 2,5% (3,4%) затруднились с ответом. Как видим, процентные соотношения в обоих опросах носят относительно стабильный и устойчивый характер и констатируют отсутствие существенных изменений за последние пять лет.

В ходе анкетирования, комментируя утверждение о том, что патриотизм проявляется только в критические моменты жизни человека, например во время войны, 8,3% (в 2010 г. – 26,2%) молодых людей полностью с ним согласились, посчитали его не совсем верным 76,7% (62,9%) и в корне неверным 15,0% (10,9%), полагая, что патриотизм имеет место не только в военное, но и в мирное время.

В случае возникновения потенциальной военной угрозы России со стороны другого государства 46,7% (в 2010 г. – 98,0%) выразили готовность приложить все усилия для защиты своей страны. На открытый вопрос анкеты респонденты дали следующие комментарии: «готов помочь, чем смогу», «максимальная помощь моему государству», «пойду воевать», «в военкомат добровольцем», «готов(а) встать на защиту своей Родины», «стану волонтером и буду оказывать помощь пострадавшим», «рвать буду за свою Родину»; 37,5% затруднились с ответом, а 9,2% ответили «уеду в более безопасную страну», «в бункер», «бежать, эмигрировать», «уеду в тайгу», «перееду в другую страну»; 4,2% выбрали нейтрально-выжидательную позицию: «буду следить за ходом событий», «я нейтральный», «как ситуация будет развиваться».

Результаты опроса Левада-Центра 2014 г. также отмечают снижение на 6% числа россиян, связывающих патриотизм с необходимостью защиты страны от любых нападков и обвинений, и на 8% количества респондентов, ассоциирующих патриотизм с работой во благо страны¹⁰.

Анализируя результаты опросов 2010 и 2015 гг. можно сделать вывод о том, что уровень патриотизма молодежи за последние пять лет снизился практически вдвое, каждый четвертый респондент затруднился ответить, а число молодых людей, намеревающихся оставить Отечество в критический момент времени, возросло в семь раз.

Вместе с тем удивительным является то, что 83,3% (в 2010 г. – 73,3%) респондентов испытывают гордость за свою страну, 7,5% (7,4%) ответили отрицательно, 9,2% (19,3%) затруднились с ответом. Таким образом, считать себя патриотом и быть им, подтверждать это реальными делами и поступками готовы менее половины молодых людей, принявших участие в опросе.

По мнению 30,0% молодежи Саратовской области (в 2010 г. – 49,5%), национализм расценивается как любовь к Родине, защита прав и интересов своей национальности, 50,8% (32,7%) – как крайняя форма экстремизма, агрессии к представителям других этносов, 9,2% (11,4%) – как борьба с мигрантами, приезжими из других стран, 4,2% (9,4%) – как деятельность национал-социалистических организаций.

В исследовании «Национальное самосознание русских», проведенном коллективом лаборатории этнической социологии и психологии НИИ комплексных социальных исследований Санкт-Петербургского государственного университета в 2012–2013 гг. по половозрастной квотной выборке 458 петербуржцев, было выявлено, что 57,2% респондентов понимают специфику российской государственности («Россия – это Родина всех народов, которые живут на её территории»), вместе с тем равное число опрошенных считает «Россию родиной исключительно рус-

ских людей», в одном случае всех, «независимо от места проживания», в другом, – «её граждан русской национальнойности» (соответственно 18,3 и 17,9%)¹¹.

Отношение коренного населения к мигрантам можно охарактеризовать как устойчиво негативное, о чем свидетельствуют результаты национальных опросов. По данным Левада-Центра, в 2014 г. 73,0% россиян считали, что правительству следовало ограничить приток приезжих в Россию, это на 28,0% больше, по сравнению с началом 2000-х гг.¹² В нашем исследовании также выявлено сохранение стабильно устойчивой тенденции к оценке мигрантов как реальной угрозы для нашей страны, по мнению 67,5% (в 2010 г. – 66,4%) опрошенных.

По мнению 99,2% респондентов, семья и школа играют «большую», «значительную», «главную», «первостепенную» роль в процессе формирования чувства патриотизма у подрастающего поколения. Они утверждают, что патриотизм закладывается «через воспитание и уроки в школе», «уже в семье и школе прививается любовь к Родине», «там закладывается мировоззрение», «с раннего детства семья и школа формируют духовно-нравственное воспитание», «семья и школа – первая ступень в формировании характера человека», «великая роль, потому что от этого зависит отношение ко всему». И лишь один опрошенный оценил роль семьи и школы как незначительную (в 2010 г. – 3,0%). В исследовании уровня патриотизма молодежи Ульяновской области по двум возрастным группам (16–22 лет и 23–30 лет) в 2011–2012 гг. (N = 1000) также фигурирует значимость семейного и школьного воспитания¹³.

Данные авторского исследования совпадают с результатами международного исследовательского проекта MYPLACE, организованного Еврокомиссией и проведенного в 14 странах, в основном европейских. На территории России исследование проводилось НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург на территории Петербургского района Купчино и города Выборга, в котором приняли участие 1200 молодых людей в возрасте 16–25 лет. По словам руководителя проекта с российской стороны Е. Л. Омельченко, выявлена «большая прочность семейного и межпоколенческого канала передачи опыта»¹⁴.

По мнению украинских студентов (N = 700), принявших участие в исследовании патриотизма и идентичности молодежи Восточной Украины в 2013 г., патриотизм формируется, прежде всего, в семье, на примере родителей и рассказов о предках – 37%, а также под влиянием СМИ, национального искусства, образования, личной общественно-политической активности – 12% опрошенных. Основными причинами низкого уровня патриотизма украинские студенты называют разочарование политикой власти (20%), разобщенность патриотов (17%), различия в по-

нимании патриотизма и путей дальнейшего развития страны (11%)¹⁵.

Говоря о мерах, направленных на повышение уровня патриотизма у детей и молодежи, в авторском опросе респонденты указывают на необходимость: активизировать проведение патриотических мероприятий в школах и вузах во внеурочное время; шире задействовать СМИ в пропаганде патриотизма через показ «русских фильмов о войне», «документальных фильмов о героях России»; учить и знать отечественную историю; создавать и поддерживать молодежные патриотические организации; а также обращают внимание на важность личного примера взрослых: «нужно самим быть патриотом и побуждать это действие в других», «каждому нужно начать с себя», «быть примером для подражания», «не позволять другим национальностям нас унижать, т.к. на нас смотрят дети».

Вместе с тем четверть опрошенных не указывают конкретных форм работы по патриотическому воспитанию молодежи, а лишь констатируют факт ее необходимости, что подтверждается такими высказываниями, как «надо прививать любовь к Родине с малых лет», «правильное морально-патриотическое воспитание», «уделять больше внимания россиянам, чем мигрантам», «усилить меры государственной политики в этой области», «увеличить доходы граждан», «повысить уровень культуры», «поменять отношение людей друг к другу». Некоторые считают необходимым «вернуть коммунизм и Сталина», «твердить им (детям и молодежи. – О. Б.) изо дня в день: “Ты русский!”», «прививать детям хорошее воспитание». Небольшая группа респондентов полагает, что ничего делать не нужно, так как «патриотизм либо есть, либо его нет».

Анализ ответов респондентов позволяет выстроить классификацию направлений работы по повышению патриотизма среди детей и молодежи:

- культурно-просветительское (проведение лекций, классных часов, посещение музеев, просмотр отечественных патриотических фильмов и др.);
- образовательно-воспитательное (увеличение количества часов в учебных планах на изучение отечественной истории и русского языка, собственный пример взрослых);
- экономическое (повышение уровня жизни населения);
- политическое (поднятие престижа России на мировой арене).

Таким образом, по результатам проведенного исследования можно констатировать факт неоднозначной трактовки патриотизма в среде студенческой молодежи Саратовской области за последние пять лет. Несмотря на сохранение стабильно высоких внешних показателей патриотизма, наблюдается расхождение между

осознанием молодыми людьми понятий «патриот» и «быть патриотом», о чем свидетельствует значительное снижение лиц, готовых пожертвовать собой во благо страны, а в случае опасности встать на ее защиту. Вместе с тем практически все участники опроса отмечают важность семьи и школы в деле формирования патриотизма, который закладывается не стихийно, а должен целенаправленно формироваться у детей и молодежи. В связи с этим следует обратить внимание на необходимость разработки федеральной целевой программы, включающей комплекс мер, направленных на повышение роли патриотического воспитания подрастающего поколения в период извращения исторических фактов, возведения преступников в ранг национальных героев, роста фашистских и национал-социалистических движений и организаций.

Примечания

- ¹ См.: *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 4-е изд., стереотип. Т. 3 : П. М. : Рус. яз.–Медиа, 2007.
- ² *Roosevelt T.* The Great Adventure: present-day studies in American nationalism. 1st ed. N. Y. : Charles Scribner's Sons, 1918. P. 79.
- ³ См.: *Толстой Л. Н.* Христианство и патриотизм // Рус. лит. 1960. № 4. С. 182.
- ⁴ *Twain M.* Mark Twain's Notebook / ed. by Albert Bigelow Paine. N. Y. ; L. : Harper & Brothers, 1935. P. 394.
- ⁵ *Уайльд О.* Афоризмы / сост. К. В. Душенко. М. : Эксмо-Пресс, 2000. С. 167.
- ⁶ *Шоу Б.* Полное собрание пьес : в 6 т. Т. 1. Л. : Искусство, 1978. С. 321.
- ⁷ Педагогический энциклопедический словарь / гл. ред. Б. М. Бим-Бад. М. : Большая Российская энциклопедия, 2002. С. 386.
- ⁸ См.: *Бессчетнова О. В.* Патриотизм как морально-нравственная компонента личности современной учащейся молодежи // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2011. № 2 (104). С. 137–140.
- ⁹ См.: Подмена понятий : патриотизм в России. URL: <http://www.levada.ru/27-05-2014/podmena-ponyatii-patriotizm-v-rossii> (дата обращения: 01.06.2015).
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ См.: *Сикевич З. В.* Россия в русском самосознании // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 4 (8). С. 67–86.
- ¹² См.: Подмена понятий : патриотизм в России.
- ¹³ См.: *Дергунова Н. В.* Патриотизм в восприятии современной молодежи : на примере Ульяновской области // Вестн. ВолГУ. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2013. № 1 (23). С. 54–61. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/patriotizm-v-vospriyatii-sovremennoy-molodezhi-na-primere-ulyanovskoy-oblasti> (дата обращения: 31.05.2015).
- ¹⁴ *Петин В.* Исследование : чувство патриотизма в России передается от отца к сыну. URL: <http://www.rg.ru/2014/07/08/patriotizm-site-anons.html> (дата обращения: 01.06.2015).
- ¹⁵ См.: *Чернова Л. Е.* Влияние идентичности на патриотические чувства студенческой молодежи в транзитивном обществе // Humanities and Social Sciences. 2014. Vol. XIX. Research Journal 21. № 2. С. 35–44.

Образец для цитирования:

Бессчетнова О. В. Патриотизм: мнение студенческой молодежи Саратовской области // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 127–132. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-127-132.

Cite this article as:

Besschetnova O. V. Patriotism: the View of Students in Saratov Region. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 127–132 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-127-132.

УДК 316.013

«БРЕНДИНГ ТЕРРИТОРИЙ»: К ВОПРОСУ О ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ

А. А. Кошелев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: koshelev76@mail.ru

В статье затрагиваются вопросы теоретико-методологического понятия «брендинг территорий» как важного компонента государственной политики современного российского общества.

Ключевые слова: «брендинг», имидж, конструирования, система.

“Branding of Territories”: to a Question of Theoretical and Methodological Aspects of Definition of Concept

A. A. Koshelev

In article the questions of the theoretical and methodological concept "branding of territories", as important component of a state policy of modern Russian society are raised.

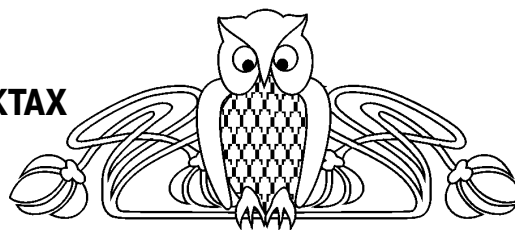
Key words: "branding", image, designing, system.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-133-135

Современное структурное реформирование системы российского социума транслирует все более комфортные условия для конкуренции не только для корпораций, но и территориальных образований, при этом ключевое значение принимают такие понятия, как «имидж» и «бренд». Особенно следует акцентировать внимание на понятии «брендинг территорий», так как данный инструмент является ключевым в социально-экономическом развитии региона, особенно в условиях санкций и прочих способов давления на суверенитет Российской Федерации.

Следует отметить, что при сравнительном анализе географических зон почти с одинаковыми условиями хозяйствования приоритет получают те территории, которые обладают устойчивым общественным восприятием, что способствуют конкурентной борьбе регионов за долю потребителей, туристов, инвесторов, повышая тем самым экономическое и социальное благополучие региона.

В науке и практике все более актуализируется вопрос комплекса действий, сфокусированных на рост уровня узнаваемости территории, как на региональном и федеральном, так и на международном уровне. Одним из элементов данного комплекса является территориальный брендинг, интегрирующий в себе определенные положительные образы, способствующие узнаваемости регионов России, что достаточно эф-

фективно влияет на социально-экономическую стабильность муниципальных образований.

Прежде всего, брендинг территорий – это проектный механизм по генерированию и менеджменту бренда, объединяющий зарождение идеи, создание бренда и его дальнейшее развитие в конкретном векторе, соответствующем необходимым требованиям. Брендирование территорий содержит использование технологий создания отличительного образа региона и формирование конкретного отношения к нему выделенной социальной страты.

По мнению О. Е. Афанасьева, «брендинг территорий» – это стратегия увеличения потенциальных и региональных возможностей территориальных образований с целью захвата внешних рынков, создания условий для инвесторов, туристов, новых жителей и квалифицированных переселенцев¹.

Теоретико-методологической основой определения понятия «брендинг территории» выступают концепции в области социологии города, теории и практики государственного муниципального управления, маркетинга, теории PR. Согласно мнению Д. Алкера, бренд – это соотношение плюсов и минусов, связанных символом, который поднимает или опускает потребительское значение продукта (будь то товар или услуга)². Регион, так же как и торговые марки, способен конструировать свой уникальный образ, который воспринимается в сознании людей, даже не посещавших регион, в виде эмоционального ассоциативного ряда. Например, Краснодарский регион за относительно короткое время посредством реализации зимних Олимпийских игр, приобрел статус одного из самых узнаваемых и дорогостоящих курортов Европы. Критериями оценки бренда региона являются такие динамические показатели, как комфортный образ, репутационные характеристики, инвестиционные проекты.

В научной литературе по социологии города, культурологии, маркетингу мнения различных ученых по определению понятия «брендинг территорий» расходятся. К примеру, известный специалист О. Ф. Русакова подчеркивает, что бренд – это специально сформированные символические модели презентуемых элементов, предназначенных для системного контроля потребностей и ценностных ориентаций обществу. Целью данного процесса является внедрение коммуникации особого типа³. Данная

точка зрения имеет субъективный характер, так как не всегда бренд территории – это результат преднамеренного конструирования. Зачастую базовый имидж чаще образовывается спонтанно, чем создается специально. Если проанализировать исторические аспекты, то можно выявить случаи, когда узнаваемость региона возникает самостоятельно. Еще задолго до появления специальных инструментов конструирования, основанных на принципах науки, многие территориальные образования уже имели собственный оригинальный имидж, который сформировался стихийно в зависимости от социокультурных или религиозных ситуаций (например, Ватикан). Впоследствии некоторые составляющие характеристики территории стали представлять особый интерес в глазах потенциальных инвесторов или просто гостей, трансформируясь в бренд.

А. Шестопалов пишет, что бренд, если рассматривать данное понятие абстрактно, является способностью дифференциации, отстройки территорий друг от друга⁴. По мнению В. Тарнавского, брендом территории можно считать своеобразный, известный и, главное, общественно одобряемый образ⁵. Т. Гердт полагает, что бренд – это своеобразная идентичность, особенность, связанная с определением места региона в ряду аналогичных территориальных элементов⁶.

Данное обозначение проблематики, по нашему мнению, отличается несколькими ограниченными качествами и не до конца определяет суть изучаемой проблемы.

М. Яндиев считает, что «бренд региона – это конструирование схожих эмоционально-поведенческих установок, предназначенных для решения социальных проблем, без учета каких-либо экономических факторов»⁷. Данное определение вызывает некоторые вопросы, связанные в большей степени с игнорированием социально-экономической сути, и, как следствие, не отражает объективных основ данного понятия. Кроме того, не совсем понятно, кто именно обеспечивает масштабы воспроизводства эмоций. Не четко прослеживается ответ на вопрос, почему выделяются ограничения в виде исключительно социальной направленности, ведь территориальный бренд функционирует в социально-экономических целях: привлекает в конкретную среду инвестиции, бизнес, кадры, при этом косвенно решая и ряд общественных проблем?

Д. Визгалов отмечает, что «бренд региона» является особой территориальной идентичностью, которая проявляется в специальных, креативных идеях, исторических и культурных детерминантах, формирующих особый статус региона»⁸. Данный подход больше соотносится с методологическими принципами символического интеракционизма в общественных взаимодействиях, что также несколько ограничивает роль социально-экономического фактора в определении изучаемого понятия.

Иными словами, предлагаемые определения отличаются абстрактными характеристиками в отношении изучаемой проблематики, где «бренд региона» – это либо сумма социально-экономических характеристик или эмоции, а также наличие уважения и способ рекламирования данной территории.

Несколько иначе воспринимает определение «бренда территорий» Г. Ханов, подчеркивая, что бренд – это комплекс инструментов PR в СМИ, направленных на формирование положительного восприятия имиджа объекта. То есть имидж – это специфический образ в сознании индивида, а репутация – объем преимуществ, выгодно отличающий один регион от другого⁹. В то же время можно предположить, что далеко не все составляющие имиджа и репутации территории входят в бренд.

Определение бренда территории вытекает из мысли, что он формируется на основе исключительно положительного имиджа совместно с определенными критериями репутации региона. «Брендинг территории» – это совокупность уникальных качеств, вечных социальных ценностей, характеризующих своеобразие, оригинальные потребительские качества данного сообщества, широко известные, получившие общественное признание и пользующиеся стабильным спросом как внешних, так и внутренних потребителей. Бренд складывается на базе ярко выраженного позитивного имиджа территории, в основе которого лежат уникальные возможности удовлетворения тех или иных запросов ее потребителей; бренд территории является высшим проявлением эмоциональных потребительских предпочтений.

Встречаются также редуционистские попытки в отношении характеристики понятия бренда территории, определяющие его как совокупность коммерческих и некоммерческих брендов, существующих в ее пределах¹⁰.

На наш взгляд, прежде всего, бренд территории – это системное понятие, интегрирующее в себе следующие элементы:

- специфический эмоциональный и социально-психологический образ, обусловленный историческими, географическими, производственными, социально-культурными и другими особенностями территории, ставший широко известным общественности;

- наличие большого продуктового портфеля в различных отраслях деятельности, что соответствует запросам и нуждам современного потребителя;

- представление определенных гарантий качества предлагаемых товаров и услуг, что повышает репутационную ценность территориального образования;

- набор конкретных конкурентных преимуществ, формирующий более привлекательный образ для реальных и потенциальных потребителей.

Таким образом, брендинг территорий – это, прежде всего, система, объединяющая в себе историко-географические, эмоционально-ассоциативные а также социально-экономические элементы, обладающая высоким уровнем узнаваемости в силу наличия уникальных отличительных характеристик. Это спонтанно сформированная и целенаправленно сконструированная идентичность, требующая особого понимания для последующего эффективного управления и контроля процессами в рамках того либо иного социума.

Примечания

- ¹ См.: *Афанасьев О. Е.* Бренд как фактор формирования туристического образа страны // Портал о брендинге территорий. URL: <http://www.region-brand.ru> (дата обращения: 29.12.2014).
- ² См.: *Алкер Д. А.* Создание сильных брендов. М., 2008. С. 12.
- ³ См.: *Русакова О. Ф., Русаков В. М.* PR-дискурс : теоре-

тико-методологический анализ (3.1. Общая характеристика имиджа и бренда : сходства и отличия) // Международная академия дискурс исследований. URL: <http://www.madipi.ru/index.php> (дата обращения: 29.12.2014).

- ⁴ См.: *Батуева Т.* Хочешь привлечь инвестора – подчеркни свое отличие! // Губернский деловой журнал. URL: <http://www.gubernskiy.ru/archive/2009/3/1737> (дата обращения: 04.01.2015).
- ⁵ См.: *Тарнавский В.* Страна как бренд // Интернет-портал для управленцев. URL: <http://www.management.com.ua/cases/case026.html> (дата обращения: 23.12.2014).
- ⁶ См.: *Гердт Т.* Актуальность брендинга городов // Русский бренд. URL: <http://www.russbrand.ru/2007/09/13/city-branding001/> (дата обращения: 06.01.2015).
- ⁷ *Яндиев М.* Бренд. Инструмент снижения стоимости заимствований? // Рынок ценных бумаг. 2007. № 20. С. 39.
- ⁸ *Визгалов Д.* Бренддинг города. М., 2011. С. 41.
- ⁹ См.: *Ханов Г.* Киров как бренд неузнаваем // Navigator-kirov.ru : [бизнес-портал]. URL: <http://www.navigator-kirov.ru/interview/260.html> (дата обращения: 09.01.2015).
- ¹⁰ См.: *Яндиев М.* Указ. соч. С. 39.

Образец для цитирования:

Кошелев А. А. «Брендинг территорий»: к вопросу о теоретико-методологических аспектах определения понятия // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 133–135. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-133-135.

Cite this article as:

Koshelev A. A. "Branding of Territories": to a Question of Theoretical and Methodological Aspects of Definition of Concept. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 133–135 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-133-135.

УДК 316.776.3

МНОГОЯЗЫЧИЕ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Б. Р. Могилевич, А. А. Калинин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: mogilevich@sgu.ru, naiperlit347@gmail.com

В статье представлен социокультурный контекст многоязычия. Показаны разные аспекты функционирования этого феномена с точки зрения различных исследовательских парадигм. Подчеркнуто, что многоязычие актуализируется в дискурсах глобальной социальной реальности. В этой связи основной функцией многоязычия является обеспечение эффективной социальной коммуникации в поликультурном мире.

Ключевые слова: многоязычие, социальная реальность, дискурс, глобализм, языковые и социальные контакты.

Multilingualism as a Sociocultural Phenomenon

B. R. Mogilevich, A. A. Kalinkin

The article deals with sociocultural context of multilingualism. The various aspects of this phenomenon functioning are presented from the point of view of many investigation paradigms. It is stressed, that multilingualism is reflected in global social reality discourses. In this connection, the main function of multilingualism is to provide effective social communication in polycultural world.

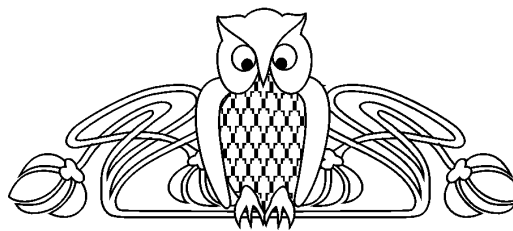
Key words: multilingualism, social reality, discourse, globalism, linguistic and social contacts.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-136-138

Глобальные характеристики современной социальной реальности проявляются во всех сферах человеческой жизнедеятельности, повсеместно распространяя универсальные ценности, при этом неизбежно происходит размывание устоявшихся этнокультурных идентичностей, составной частью которых является язык. Такие феномены, как глобализация и прогресс коммуникационных технологий, делают многоязычие неотъемлемым атрибутом современности. Язык представляет собой составную часть культуры, обуславливая восприятие и конструирование социальной реальности его носителями. Он возникает и развивается как социальный феномен, основной функцией которого является обеспечение социальной коммуникации в диахроническом и синхроническом аспектах. Социологический аспект функционирования языка предполагает наличие двух уровней:

- внешнего, как использования языка в окружении других языков;
- внутреннего, в виде социального и демографического расслоения в пределах одного языка.

Как социальный факт, обусловленный потребностями членов социума в коммуникации, любой язык коррелирует с образованием социаль-

ных институтов. Более того, усложнение социальной реальности и, соответственно, социальных связей является причиной эволюции языков. В свою очередь, любой язык представляет собой актуализацию разнообразных дискурсов как способов восприятия, интерпретации и конструирования социальной реальности. Многочисленные и разнообразные дискурсы возникают, развиваются, конфликтуют, исчезают и меняются. Неизменным остаётся один компонент – язык как необходимый и единственный механизм их конструирования. Современная социальная реальность в виде совокупности множества дискурсов создаётся посредством множества языков, т. е. многоязычия.

Существует два основных подхода к определению понятия «многоязычие»:

- полноценное владение языком или языками на уровне, близком к родному языку;
- знание только «базового минимума», достаточного лишь для ограниченного числа коммуникационных ситуаций.

Многоязычие является прямым следствием культурного, политического и экономического разнообразия социальной реальности. Многоязычие детерминировано исторически сложившейся интеракцией разных цивилизаций и народов, в этих условиях появляется рационально обоснованная причина использовать разные языки для исполнения разных социальных функций и ролей. Граждане многих независимых государств сталкиваются с необходимостью осваивать сразу несколько языков на достаточно хорошем уровне.

Современный мир наций представляет собой мир многочисленных языков, обладающих формальным статусом, так как дисциплинарное общество предполагает общие языковые правила. Многоязычие – это естественное явление в многонациональном мире, что обуславливает непонимание друг другом носителей разных языков. По мнению многих лингвистов, нет критериев определения понятности, а именно: критериев объема понятности; критериев границ окончания понятности; критериев границ начала понятности. Например, шведский, датский, норвежский, будучи разными языками, понятны их носителями. Разговорный язык, которыми пользуются жители Осло, ближе к стандартному датскому, по сравнению с разговорными диалектами норвежских северян. Установление языковых границ в пределах одного

государства приобретает политическое значение, так как все остальные приобретают статус диалектов как языков, носители которых не являются победителями при создании государства. Например, правительство Турции отрицает существование курдского языка, хотя курдами являются жители горных районов Турции¹. Также можно указать на китайский язык, который разбит на множество диалектов, к тому же некоторые из них могут так сильно различаться, что многие лингвисты рассматривают их как отдельные языки; в то же время языковая политика Китая не признаёт их таковыми, преследуя унификацию языка посредством распространения пекинского диалекта, зачастую рассматривая остальные диалекты как девиацию от литературной нормы. Эти примеры показывают, что современный мир наций и многоязычия характеризуется многочисленными языковыми конфликтами. В их основе лежат социокультурные противоречия национальных идентичностей. В качестве примера можно привести заявление франкоязычных партий в Бельгии о необходимости разделения государства на конференцию независимых государств – голландскоязычную Фландрию и франкоязычную Валлонию.

К настоящему времени в гуманитарных науках сформировалось два противоположных подхода к рассмотрению языка, этничности и социальной структуры общества в контексте глобализации – конструктивный и примордиалистский.

Конструктивный подход утверждает, что культурная идентичность детерминирует этничность через доминирование социальных, политических и экономических факторов. Данный подход сформировался благодаря теориям М. Вебера, Э. Дюркгейма и К. Маркса. Приверженцы этого подхода считают, что культурная самобытность не оказывает влияния на социальную идентичность, наоборот, эту функцию выполняют отличительные черты глобальной социальной реальности, а именно – массовость и стандартизация жизни.

Приверженцы примордиалистского течения утверждают, что местные социокультурные особенности в процессе глобализации не только не потеряли актуальности, а, наоборот, становятся ещё более выраженными в ответ на унификацию². А конструктивисты считают, что мир не может поддержать такое многообразие культур и языков. Подобный взгляд на данную проблему известен ещё со времён Римской империи. Примордиалисты, приводя различные исторические и культурные примеры, защищают текущее культурное и языковое многообразие и призывают к моральной ответственности поддерживать и возвеличивать социокультурные корни этносов и языков. Конструктивисты небезосновательно указывают на недостоверность и субъективизм примордиалистических идей, на нехватку доказательств, однако критикуются за постмодернистическое отрицание социокультурных ценностей, присущих всем людям.

Этот конфликт является следствием противоречия между глобализацией и стремлением сохранить культурную идентичность. Например, Евросоюз изначально стремился к равноправному представлению всех языков, используемых его субъектами. Но по мере расширения Евросоюза от этого принципа начинают постепенно уходить.

Конструктивисты утверждают, что Евросоюз может вовсе отказаться от принципа равноправности языков. Причины могут быть как чисто прагматическими, например экономия на работе переводчиков, так и обусловленными культурными конфликтами, неизбежно возникающими, когда языки начинают конкурировать друг с другом.

На самом же деле конфликт конструктивистов и примордиалистов является контрадикцией между эмпирическими данными и романтическим восприятием, и то и другое может применяться к одним и тем же проблемам, связанным с языком, в зависимости от поставленной цели. Например, французское правительство занимает примордиалистскую позицию при защите французского языка от англицизмов, при этом по отношению к языковым меньшинствам принимает конструктивистскую парадигму, не поощряя сохранения их языковой идентичности.

Другими словами, главным различием между этими двумя подходами является противоречие между миром единого рынка мегакультур, мегаязыков и мегаценностей и миром этнического и социокультурного многообразия.

Этот феномен современной жизни индивидов в мире глобальной культуры может быть представлен с точки зрения разных парадигм исследования:

- социальное многоязычие имеет место в странах с несколькими государственными языками – Канаде, Швейцарии, Индии, Бельгии и других, или в многонациональных государствах – Российской Федерации, странах Африки;

- индивидуальное многоязычие в виде свободного использования индивидами двух и более языков.

По своей сути многоязычие (полилингвизм, мультилингвизм) всегда присутствует в жизни людей, особенно в тех случаях, когда возникает необходимость установления и поддержания межкультурной коммуникации. В этом ракурсе многоязычие может быть рассмотрено в контексте уровня владения индивидом разными языками – от начального (элементарного) до уровня компетентности, где пятый, последний уровень означает владение языком на уровне его высокообразованных носителей. Рассмотрение феномена многоязычия в аспекте бинарной оппозиции «свой» – «чужой» выделяет:

- аддитивное многоязычие как позитивное отношение коммуникантов к «своим» и «чужим» языкам и культурам на уровне интеграции;

- субтрактивное многоязычие на уровне ассимиляции, когда «свой» язык замещается «чужим» или «чужими»³.

Глобальный контекст развития современного социума, характеризующийся, прежде всего, приоритетом информационных технологий в процессе получения информации, отводит важную роль в этом процессе феномену многоязычия. Действительно, полилингвизм стал одним из важных компонентов социальной реальности, главным образом, как механизм её конструирования. Этот процесс невозможен без учёта локальных и универсальных дискурсов, актуализированных при помощи широкого спектра разных языков. Без преувеличения, можно утверждать, что полилингвизм стал обязательным условием успешной социализации, инкультурации и аккультурации в современной социальной реальности. Сегодня интернационализация жизни требует от индивидов, групп, микро- и макросообществ включения мультилингвизма в контекст повседневности⁴. Ярким примером могут служить языковые контакты в области образования, экономики, политики, культуры. Глобализация и социальная открытость способствуют повышению престижа многоязычия, обеспечивая социальные и экономические преимущества и социальную мобильность его носителям. В частности, полилингвизм даёт возможность выполнять производственные обязанности, не доступные монолингвам. Например, ВВП Швейцарии на 10% обязан многоязычию, а билингвы зарабатывают на 3000 долларов в год⁵.

Социологический контекст многоязычия заключается в исследовании «языка в его социальном контексте»⁶. Это означает, что социологический акцент сосредоточен на способах использования языка в разных типах социума и факторах, влияющих на способы использования языка (социальный статус, гендерная принадлежность, возрастные и образовательные характеристики).

Вместе с тем многоязычие как способность индивида использовать два и более языка в зависимости от коммуникативной ситуации, представляет собой один из важных факторов выживания индивидов в современном глобальном мире⁷.

Следует отметить, что глобальная социальная реальность предполагает наличие «нового» многоязычия, представленного в виде двух компонентов:

- механизма обеспечения доступа к достижениям мировой цивилизации;
  - использования английского языка или другого, способного выдержать с ним конкуренцию.
- Одновременно многоязычие как общеми-

ровая тенденция является частью оппозиции «одноязычие» – «многоязычие», причём повсеместно наблюдается тенденция к усилению многоязычия. Знаменитое высказывание Л. Витгенштейна «границы моего языка – есть границы моего мира», представляет собой основной принцип многоязычия⁸.

В этой связи следует упомянуть динамику понимания концепта «образованный человек». В древнем мире обычное умение читать казалось фантастическим достижением⁹. Сейчас индикатором образованности по праву считается многоязычие. Более того, полилингвизм является важным механизмом разрешения межкультурных конфликтов и создания условий для полноценной социальной коммуникации. Его гуманистическая природа актуализируется в успешном взаимодействии представителей разных культур при сохранении их локальной этнокультурной идентичности.

Примечания

- 1 См.: *Entessar N.* The Kurdish Mosaic of discord // *Third Word Quarterly*. 1989. Vol. 11, № 4. P. 83–100.
- 2 См.: *Фишман Д.* Сегодняшние споры между примордналистами и конструктивистами : связь между языком и этничностью с точки зрения ученых и повседневной жизни // *Логос*. 2003. № 4 (49). С. 117.
- 3 См.: *Смокотин В. М.* Многоязычие и проблемы преодоления межъязыковых и межкультурных барьеров. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2010. С. 87–92.
- 4 См.: *Могилевич Б. Р.* Языковое конструирование глобальной социальной реальности // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2016. Т. 16, вып. 3. С. 286–289.
- 5 См.: *Agirdad D.* The Long-Term Effects of Bilingualism on Children in Immigration : Student Bilingualism and Future Earnings // *International Journal of Bilingual Education and Bilingualism*. 2014. Vol. 17, № 4. P. 449–464.
- 6 *Labov W.* The Study of Language in its Social Context // *Stadium Generale*. 1970. № 23. P. 36
- 7 См.: *Вайнрайх У.* Одноязычие и многоязычие // *Новое в лингвистике*. Вып. 6. Языковые контакты / сост., ред., вступ. ст. и коммент. В. Ю. Розенцвейг. М. : Прогресс, 1972. С. 25–26.
- 8 *Апель К.-О.* Витгенштейн и проблемы герменевтического понимания // *Апель К.-О.* Трансформация философии / пер. с нем. В. Куренной, Б. Скуратов. М. : Логос, 2001. С. 85.
- 9 См.: *Торфлер Э.* Метаморфозы власти = Powershift : Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21st Century, 1990. М. : АСТ, 2004. (Philosophy).

Образец для цитирования:

Могилевич Б. Р., Калинин А. А. Многоязычие как социокультурный феномен // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология*. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 136–138. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-136-138.

Cite this article as:

Mogilevich B. R., Kalinkin A. A. Multilingualism as a Sociocultural Phenomenon. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 136–138 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-136-138.

УДК 316.4

ЗАБОТА КАК КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД В СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

И. Э. Петрова

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н. И. Лобачевского
E-mail: irinapetrovay@yandex.ru

В статье представлена теоретическая концепция заботы и ее применение в исследовании социальной работы религиозных организаций современной России. По результатам авторского контент-анализа материалов экспертных интервью и публикаций выявлено понимание богословски обоснованной заботы как сути социальной работы в социальных службах различных конфессий. Забота и профессионализм зачастую противопоставляются друг другу, забота о человеке в целом – попыткам решить социально-психологическую проблему группы или индивида. В настоящее время забота о нуждающихся предстает механизмом адаптации в изменяющейся среде, существовании религиозных организаций в конкурентных условиях.

Ключевые слова: забота, социальная работа, религиозные организации, профессионализация.

Care as a Conceptual Approach of Social Work of Religious Organizations

I. E. Petrova

The article presents the theoretical concept of care and its application in the study of social work of religious organizations in modern Russia. As a result of the author's content analysis of materials of experts' interviews and publications revealed the understanding theologically justified concerns as the essence of social work in social services of various denominations. The care and professionalism are often opposed to each other, caring for the whole person – the attempts to solve the social and psychological problem of group or individual. Currently, care for the needy becomes an adaptation mechanism in a changing context, supporting the existence of religious organizations in a competitive environment.

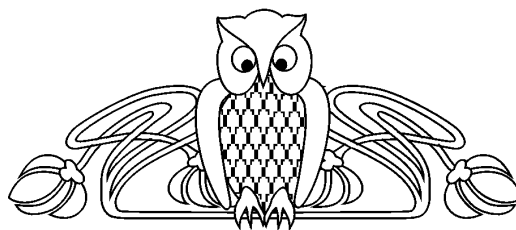
Key words: care, social work, religious organizations, professionalization.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-139-143

Забота как подход к анализу процесса оказания помощи нуждающимся

Феномен заботы в человеческом сообществе изучается религиозными и светскими исследователями – представителями различных направлений науки.

Д. Мэтьюз в статье «Этика заботы» в журнале Христианского братства медиков (Великобритания) критикует стереотипные объяснения необходимости заботы, представленные расхожими фразами: «естественный человеческий инстинкт», «я по натуре заботливый человек», «это

обеспечивает выживание человеческого рода», «я испытываю от этого удовлетворение», а также «однажды это может случиться и со мной». Этим проблематичным точкам зрения автор противопоставляет понимание заботы как «живое воплощение Божьего характера и любви» и призывает видеть в тех, кто нуждается в заботе и уходе, ценных членов нашего сообщества, а не обузу для здоровых и трудоспособных. Кроме того, исследователь предлагает заботиться о всем человеке в единении его духа, души и тела, а не просто решать проблему или лечить болезнь¹.

Забота в правовом поле представляется пристальным объектом внимания ученых. Л. Ю. Михеева в главе «Право на социальную заботу и его предпосылки» монографии «Опека и попечительство. Теория и практика» описывает необходимые предпосылки возникновения права человека на социальную заботу. В разные периоды времени и смены идеологических парадигм обществом признаются разные причины необходимости в получении заботы. Автор полагает, что в современных условиях многие нуждающиеся не могут получить необходимую заботу от семьи и потому вправе претендовать на предоставление заботы со стороны общественных сил. Исследователь типологизирует мотивы предоставления заботы, выделяя среди них потребность в заботе о ближнем, заботу из надежды на вознаграждение и др. В качестве важной предпосылки возникновения права на заботу Л. Ю. Михеева представляет способность государства к организации ее осуществления и заинтересованность его в благополучии своих граждан. Именно с этой концепцией соотносятся категории солидарность, общественный долг, правовое государство. Автор предлагает уточненное определение содержания права на социальную заботу и порядок его осуществления, критикуя действующее законодательство по вопросу воспитания пасивности и иждивенчества получателей заботы².

А. С. Мордовец в статье «Об уважении и заботе как нравственно-правовых категориях и принципах прав человека» анализирует категории забота и уважение как важнейшие исторически сложившиеся нравственные регуляторы общественных отношений. Будучи закрепленными в праве, уважение и забота становятся нравственно-юридическими феноменами. Этот подход, по мнению автора, позволяет преодолеть односторонний взгляд на эти понятия как только на моральное явление и исследовать их оценоч-

но, а также анализировать в качестве правового принципа³.

Более подробно о социальной заботе родителей в отношении детей пишет С. Б. Кордуба в диссертационном исследовании «Конституционная обязанность родителей заботиться о детях в Российской Федерации». Она определяет заботу родителей о детях «как меру должного поведения родителей, заключающуюся в их деятельности по воспитанию, содержанию, обучению, обеспечению здоровья и безопасности собственных детей»⁴. Автор выделяет специфические признаки этой обязанности, в том числе подтверждает ее естественный, традиционный характер. В качестве важных компонентов реализации заботы родителей о детях исследователь приводит гарантии – систему политических, социально-экономических, юридических мер, предпосылок, условий, способствующих соблюдению и исполнению родителями данной конституционной обязанности. В особенности следует отметить гарантию, названную первой, – проведение государственной политики в сфере заботы о семье, родителях, детях. По мнению автора, государственная политика в сфере заботы о семье, родителях, детях должна быть разнонаправленной и многоуровневой, значительное место в ней должна занимать деятельность государственных органов, осуществляющих профилактическую работу с родителями и детьми с целью предупреждения их социального неблагополучия, безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Таким образом, забота, в том числе социальная, является нравственно-юридическим явлением, закреплена существующим международным и национальным законодательством Российской Федерации и гарантирована деятельностью государственных органов РФ.

С точки зрения педагогики, современные российские авторы выделяют педагогическую заботу и анализируют ее реализацию в отношении детей и подростков в различных условиях.

В. В. Быстрова в диссертации «Педагогическая забота как условие воспитания подростков в ситуации социального неравенства» указывает, что педагогическая забота о подростках, страдающих от социального неравенства, должна быть направлена на становление у этих детей заботы о себе, которая впоследствии поможет им стать полноправными членами общества и заботиться о других⁵.

В российской психологии забота анализируется как психологическое явление, реализующееся в таких видах, как истинная забота, псевдозабота, дезадаптирующая забота. М. В. Андреева в диссертационной работе «Феноменология заботы личности (на примере учителей с разным уровнем успешности профессиональной деятельности)» определяет заботу как процесс, состояние и свойство личности (заботливость).

Автором разработан и апробирован инструмент диагностики заботливости личности. На основе авторского исследования показано, что высокоуспешных педагогов отличает более высокий уровень проявления истинной заботы по отношению к ученикам. Следует отметить подробное определение заботы, уточненное исследователем: «...забота заключается в осознании потребностей, целей, ценностей, смыслов, тенденций развития другого человека, переживании степени их реализации, а также действиях, направленных на создание условий для их осуществления в социально одобряемой форме с целью содействия благополучию другой личности, заботливость представляет собой свойство личности, детерминирующее ее способность осуществлять заботу»⁶.

Проявление истинной заботы становится, по мнению современных российских психологов, важным процессом, состоянием и способом эффективного развития учеников, подчиненных и коллег в различных коллективах и сообществах.

Социологические концепции заботы в современной российской науке

Понятие «забота» подвергается социологическому анализу в немногочисленных пока работах российских ученых.

О. О. Мельникова в статье «Медицинская помощь во время родов: забота и обезболивающие технологии» использует современные мировые теоретические концепции заботы, указывая на противопоставление медикализированного подхода и холистического, использование заботы в целом о всех потребностях человека, в отличие от технократической модели. Автор проводит анализ деятельности агентов заботы, показывая выделенный российскими исследователями «мягкий», заботливый подход к пациенту, а также разработанный в англоязычной научной литературе концепции «заботливый уход» (caregiving – заботливый уход со стороны родственников и близких) и «забота как работа» (carework – физический труд и «эмоциональная работа» без предварительного обучения). Вместе с тем О. О. Мельникова преимущественно использует категорию «профессиональный уход» для анализа медицинских услуг в родовспоможении⁷.

А. А. Темкина в публикации «Оплачиваемая забота и безопасность: что продается и покупается в родильных домах?» выявляет, что потребности рожениц связаны с разными видами заботы и обеспечением безопасности. По мнению автора, женщины оплачивают профессиональную заботу ради учета их индивидуальных потребностей, они платят за эмоциональную заботу, которая обеспечивает психологическую безопасность, а также оплачивают условия, обеспечивающие приватность и заботу во время родов. Исследо-

ватель использует такие понятия, как «персонифицированная забота», «интенсивная забота», «приватная забота», и делает вывод, что в современной системе родовспоможения сформировался особый рынок, на котором потребитель (женщина/родители) осуществляет выбор сервиса. По ее мнению, рыночные агенты продают «безопасность», достигаемую через осуществление заботы, а получатели услуги вырабатывают новые стандарты требований, надеясь получить профессиональную заботу высокого качества⁸.

Ж. В. Кравченко в статье «Мужчины в заботе о детях: сравнительный анализ России, Франции и Норвегии» уделяет значительное внимание заботе в категориальном аппарате социологии, подчеркивая непродолжительную историю применения понятия «забота» как аналитического инструмента. Автор использует категорию заботы как гендерно окрашенную и учитывает разносторонний характер этого феномена. Исследователь анализирует отцовскую заботу как социальную практику с точки зрения форм и степени взаимодействия, затрачиваемого времени, вложенных материальных ресурсов, а также степени удовлетворенности сторон качеством взаимоотношений⁹.

Ж. В. Чернова и Л. Л. Шпаковская в работе «Дискурсивные модели современного российского родительства» в качестве методологической рамки используют концепцию идеала заботы. Этот подход включает в себя конвенциональные разделяемые представления о том, что является «хорошей заботой», кто ее должен выполнять и где она может осуществляться. Авторы применяют разработанные в современной англоязычной традиции типологии моделей заботы (традиционная, постсовременная, современная модель холодной заботы и современная модель теплой заботы) и отмечают, что идеалы заботы выступают моральным основанием для определения, кто, как и на каких основаниях должен заботиться, а также как должна быть решена дилемма «забота/оплачиваемая работа»¹⁰.

Т. А. Костылева в диссертационном исследовании «Социальное служение религиозных организаций» использует понятие заботы о социально неблагополучных группах и отдельных лицах как часть церковного социального служения. Автор считает, что в «Основах социальной концепции Русской Православной Церкви» забота и попечение об обездоленных приоритетны по отношению к другим аспектам служения. Исследователь показывает, что забота использована в качестве актуального средства воздействия на человека, а также возможности для религиозной организации показать собственную значимость в секуляризованном обществе¹¹.

В. Шмидт и К. Панчоха применяют понятие «полноценная забота» в статье «Помогающие специалисты в заботе о пожилых в Чехии: опыт несистемного сопротивления непоследо-

вательной политике?». Авторы описывают представления о том, что институциональная забота является пережитком авторитарного периода, а существование социальных служб свидетельствует о неспособности семьи заботиться о зависимых членах. По мнению ученых, вслед за чешскими исследователями, можно противопоставить или комбинировать «северную» и «южную» модели заботы по критерию самостоятельного выбора долговременной стратегии обеспечения своей старости. Ученые анализируют участие различных агентов заботы в принятии решений о выборе модели, служб и услуг пожилым людям, но вывод делают о необходимости для специалистов социальной работы критически оценивать свою роль в этом процессе¹².

Концепция заботы в понимании экспертов социальной работы религиозных организаций

Результаты анализа темы заботы в понимании религиозных социальных служб представлены автором на основе контент-анализа собранных интервью и материалов опубликованных интервью священнослужителей и работников социальных отделов религиозных организаций (общим количеством 59) в период с 2008 по 2013 гг. Интервью в среднем длилось около одного часа. В массиве данных преобладают интервью представителей христианства и в особенности РПЦ. Для более подробного изучения темы кроме интервью в анализ были включены материалы дискуссий и конференций. Для обработки полученных данных применен метод контент-анализа с использованием специализированного пакета Лекта. Базовый словарь составил более 38 000 слов. Объем словаря для изучения интересующей проблемы – 145 семантических цепочек. В результате было получено 18 факторов, объясняющая способность модели – 25%.

Тексты с использованием слова «забота» и однокоренных встречаются практически в каждом факторе. Но распределены они совершенно неравномерно. В половине из всех факторов (9 из 18) встречаются в каждом из более 10 отрывков со словами о заботе, а в факторе «Общинная жизнь» это слово и словосочетания с ним можно найти 20 раз.

В каждом случае включение текстов о заботе в факторе имеет определенное значение. Так, слова о заботе очень мало (всего до 3 раз) присутствуют в подтемах «Организация и нормативная база социального служения», «Духовные причины социальных проблем», «Обучение социальной работе сотрудников религиозных организаций», а также «Социокультурные аспекты социального служения».

Значительное количество (от 6 до 10) отрывков со словами о заботе показательно для таких факторов, как «Клиенты социальной работы»,

«Медико-социальные услуги», «Отношение к труду и служению», «Христианство», «Публичность в социальном служении».

Действительно, отношение к клиентам выражается в общем подходе заботы:

...нуждающиеся должны чувствовать заботу о себе буквально каждый день. Проводить образовательные курсы, посещать их на дому, решать их повседневные проблемы – вот в чем выражается социальная работа (Мужчина, служитель, ДУМ РТ, Казань, 2013, интервью опубликовано в Интернете).

Медико-социальная помощь религиозных организаций включает в себя заботу о теле и душе нуждающегося:

Члены сестричества берут на себя заботу о болящих и страждущих в больницах, помогают сиротам, совершают патронажную службу на дому, организуют бесплатное питание для нуждающихся, помогают священнику при совершении треб. По особому благословению занимаются катехизической и миссионерской деятельностью или исполняют другие послушания. Это и медицинское служение, и социальное (по типу соцработников), и воспитательское (в детских домах), и катехизаторское (когда сестры только беседуют с людьми, обучают основам веры) (Женщина, сотрудник социальной службы РПЦ, Ростов-на-Дону, 2012, интервью опубликовано в Интернете).

Наибольший интерес представляет тема общинной помощи, которая включает в себя 20 текстов о заботе. Этот фактор содержит в качестве ключевых всего два основных словосочетания: община (жизнь общины) и социальная помощь. Тексты фактора хорошо представляют уровни и масштабы социальной помощи – от общины до религиозного объединения всероссийского масштаба.

Не всегда понятие «забота» содержательно наполнено, зачастую оно используется как синоним работы, действия, попечения. Но употребление термина не случайно.

Прежде всего, забота – это суть социальной помощи религиозных организаций, она исходит от Бога и проявляется через верующих:

Государственные служащие стремятся охватить всех, потому что считают, что Бога не существует; если не они, то кто же будет помогать? Мы знаем, что есть Бог, Который заботится о нас. Повторю: социальное служение должно иметь духовную составляющую. Ведь решить социальные проблемы государство не сможет (Мужчина, служитель, РПЦ, Москва, 2011, интервью опубликовано в Интернете);

В Основах социальной концепции Русской Православной Церкви говорится: «Заповедь Божия повелевает трудящимся заботиться о людях, которые по разным причинам не могут сами себе зарабатывать на жизнь, и делиться с ними плодами труда (Женщина, сотрудник со-

циальной службы РПЦ, Ростов-на-Дону, 2012, интервью опубликовано в Интернете).

Внутри общин, религиозных групп и организаций распространена забота о «своих» нуждающихся, членах церквей и объединений:

В Союзе баптистов развита внутренняя diakония – забота о пожилых, стариках, многодетных семьях (Мужчина, служитель, РСЕХБ, Москва, 2010, интервью опубликовано в Интернете);

Возвращаясь к тексту, процитированному вначале, я подчеркну, что социальная составляющая остаётся для церкви актуальной и сегодня. Церковь – это естественный социум, общность единоверцев, уже нашедших себя в дезориентированном окружении, это взаимная забота и помощь в самых трудных обстоятельствах (Мужчина, служитель, РСЕХБ, Москва, 2010, интервью опубликовано в Интернете).

Нравственный долг Церкви – помочь своему служителю, иначе он не сможет заботиться о спасении людей, претерпевающих немощи душевные и телесные, их духовном окормлении, утешении (Мужчина, служитель, РПЦ, Саранск, 2010, интервью опубликовано в Интернете);

Забота представляет пользу для обеих сторон, вовлеченных в этот процесс, – получающий и дающий обретают взаимное благо:

Первые христиане пребывали в молитве, преломлении хлеба и в общении, что само по себе является ориентацией на активное и многообразное социальное служение. Церкви Российского Союза ЕХБ активно служат среди беспризорников, одиноких, престарелых, инвалидов, алкоголиков и наркозависимых. Церковь заботится также и о глухонемых и слабослышащих. Я уверен, что это взаимообогащающий духовный опыт для верующих (Мужчина, служитель, РСЕХБ, Москва, 2010, интервью опубликовано в Интернете).

Вместе с тем забота воспринимается как возможность изменить жизнь церкви в новых условиях, адаптироваться к ним:

...сегодня Церковь восстанавливает присутствие ей формы служения. Введение новых должностей на приходах, создание попечительских советов – все это адаптированные к современным реалиям возможности просвещать, обрацать ко Христу людей, заботиться о них, создавать христианские общины (Мужчина, служитель, РПЦ, Иваново, 2011, интервью опубликовано в Интернете).

Многие служители говорят о заботе как составной части миссионерского служения:

Мы это можем сделать [привлечь в церковь] своим отношением, своей заботой, проповедью Евангелия: не словами, а делами. Социальное служение – это лучший вид миссионерства, но нельзя сделать эту работу только миссионерством (Мужчина, служитель, РПЦ, Москва, 2011, интервью опубликовано в Интернете).

Применение концепта заботы в изучении социальной работы религиозных организаций

представляется очень плодотворным. В современных российских условиях происходит процесс самоидентификации социальной деятельности различных конфессий по отношению к профессиональной социальной работе и более традиционному социальному служению. «Борьба» профессионализма и заботливого отношения ярко проявляется в интервью, материалах сайтов, научных статьях по результатам социологических исследований работы приходо-в. Истинная забота конструируется как забота, основанная на повелении Бога и обоснованная богословскими положениями. В христианской традиции России она обращена ко всему человеку в его триединстве – дух, душа и тело, и противопоставляется светской профессиональной социальной работе, уделяющей внимание только телу и душе. Клиенты социальной помощи оказываются перед выбором, согласны ли они с таким представлением о заботе и готовы ли на духовные изменения в своей жизни. Сотрудники социальных служб религиозных организаций подготавливаются для того, чтобы оказать истинную заботу нуждающимся и оценить потребность клиента в такой заботе. В целом предложение такой социальной помощи современным обществом может быть воспринято как миссионерство, желание лучше адаптироваться к условиям конкуренции и рынка в социальной сфере. Получатели услуг в своих интервью определенно подчеркивают ценность полученной заботы и выделяют момент начала изменений в своей духовной жизни.

Заботливое поведение, профессиональная забота – эти понятия являются достаточно новыми в анализе российской социальной работы религиозных организаций и в дальнейшем могут быть раскрыты более подробно в серии исследований.

Примечания

- ¹ См.: Мэтьюз Д. Этика заботы. URL: admin.cmf.org.uk/pdf/cmffiles/russian/05_ethics_of_caring.pdf (дата обращения: 11.11.2016).
- ² См.: Михеева Л. Ю. Право на социальную заботу и его предпосылки // Михеева Л. Ю. Опекунство и попечительство. Теория и практика / под ред. Р. П. Мананкова. М., 2004. С. 11–18.
- ³ См.: Мордовец А. С. Об уважении и заботе как нравственно-правовых категориях и принципах прав человека // Правовая культура. 2011. № 2. С. 167–175.
- ⁴ Кордуба С. Б. Конституционная обязанность родителей заботиться о детях в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 8.
- ⁵ См.: Быстрова В. В. Педагогическая забота как условие воспитания подростков в ситуации социального неравенства : автореф. дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2014.
- ⁶ Андреева М. В. Феноменология заботы личности (на примере учителей с разным уровнем успешности профессиональной деятельности) : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2009. С. 6.
- ⁷ См.: Мельникова О. Медицинская помощь во время родов : забота и обезболивающие технологии // Журнал исследований социальной политики. 2014. Т. 12, № 3. С. 337–352. URL: https://jsps.hse.ru/data/2014/10/05/1100184001/JISP_12_3_Мельникова.pdf (дата обращения: 10.11.2016).
- ⁸ См.: Темкина А. А. Оплачиваемая забота и безопасность : что продается и покупается в родильных домах? URL: www.intelros.ru/readroom/sociologiya-vlasti/soc1-2016/30772-oplachivaemaya-zabota-i-bezopasnost-cto-prodaetsya-i-pokupaetsya-v-rodilnyh-domah.html (дата обращения: 05.11.2016).
- ⁹ См.: Кравченко Ж. В. Мужчины в заботе о детях : сравнительный анализ России, Франции и Норвегии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. XV, № 1 (61). С. 65–85.
- ¹⁰ См.: Чернова Ж. В., Шпаковская Л. Л. Дискурсивные модели современного российского родительства // Женщина в российском обществе. 2013. № 2 (67). С. 14–26.
- ¹¹ См.: Костылева Т. А. Социальное служение религиозных организаций : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Омск, 2006. 26 с. URL: www.omgpu.ru/sites/default/files/files/dissert/3709/autoref.doc (дата обращения: 07.11.2016).
- ¹² См.: Шмидт В., Панчоха К. Помогаящие специалисты в заботе о пожилых в Чехии : опыт несистемного сопротивления непоследовательной политике? URL: <https://www.litres.ru/viktoriya-shmidt/pomogauschie-specialisty-v-zabote-o-pozhilyh-v-chehii-opyt-nesistemnogo-soprotivleniya-neposledovatelnoy-politike-18635845/> (дата обращения: 09.11.2016).

Образец для цитирования:

Петрова И. Э. Забота как концептуальный подход в социальной работе религиозных организаций // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 139–143. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-139-143.

Cite this article as:

Petrova I. E. Careas a Conceptual Approach of Social Work of Religious Organizations. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 139–143 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-139-143.

УДК 316.35

ВЛАСТЬ КАК ПАРТНЕР ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО СООБЩЕСТВА В УСЛОВИЯХ МОНАРХИИ И В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

С. В. Климова

Саратовский социально-экономический институт (филиал) Российского государственного экономического университета им. Г. В. Плеханова
E-mail: klimovasy@yandex.ru

На базе анализа документов, отражающих работу предпринимательских объединений в конце XIX в. – начале XX в. (на примере Саратовского биржевого комитета) и объединений малого и среднего предпринимательства (МСП) в современной России, раскрыты направления сотрудничества самодержавия в этот исторический период и не крупного бизнеса, отличие их взаимодействия от отношений МСП с властью в настоящее время. Результаты исследования свидетельствуют в пользу государственного патернализма в управлении развитием предпринимательства.

Ключевые слова: культура, коммуникация, бизнес, государство.

Power as a Partner of Business Community under Conditions of Monarchy and in Modern Russia

S. V. Klimova

The author studied the documentary materials that represent the work of public organizations of businessmen under of monarchy and in modern Russia. The research has shown successful communication not big business community with the government at the turn of XIX–XXth centuries under of monarchy. The study also revealed controversy of authority and modern small and medium-sized business community, dissatisfaction of this business community with interaction with the authorities. The study also has found communication barriers, the absence of joint work business community and authority to promote common social objectives. The author concludes that the culture of paternalism promotes partnerships authorities and small and medium-sized businesses.

Key words: culture, communication, business, state.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-144-151

Актуальность сопоставления российского предпринимательства в различных исторических контекстах вытекает из необходимости выделения социокультурных кодов, определяющих успешность предпринимательской деятельности. До своего «возрождения» в постсоветской России предпринимательство поступательно развивалось в среде монархического строя. Под влиянием либеральных реформ российского самодержавия последней четверти XIX в. – начала XX в. экономика России достигла высоких темпов развития, чего нельзя сказать о либеральных реформах конца XX в. – начала XXI в.

В монархической России государство являлось главным социальным партнером сословия предпринимателей, а патернализм – базой, на ко-

торой выстраивались отношения между ними¹. Ликвидация государственного патернализма² в постсоветской России приводит к гипотезе о существенных отличиях этих отношений «при царе» и сегодня. Наличие партнерства между социальными субъектами – универсальный критерий сравнения их взаимодействия, в том числе и в разных исторических контекстах, поскольку феномен партнерства имеет универсальную природу. Социологическая методология позволяет диагностировать соответствие характера социальных отношений этому критерию. Анализ характера отношений власти и предпринимательского сообщества был одной из задач исследования, проведенного автором в 2014–2015 гг. с целью изучения корпоративного продвижения предпринимателями своих интересов в последней четверти XIX в. – начале XX в. и на современном этапе. В статье отражены результаты решения этой задачи.

Концептуальные и методологические аспекты исследования

Предмет исследования – направления и формы взаимодействия предпринимательского сообщества с властью и разнообразными социальными агентами по поводу решения насущных проблем предпринимательства, объект – деятельность его общественных объединений. Понятие «предпринимательское объединение» заходило в структуру социологического анализа и интерпретировалось как агент слоя предпринимателей во взаимодействии с другими элементами социальной структуры, что отличает методологию исследования от направлений изучения объединений предпринимателей в предметном поле политологии, а также экономической науки, когда измеряется экономический эффект от участия предприятий в бизнес-ассоциациях³.

В связи с парадигмой исследования ключевые понятия «патернализм» и «партнерство» интерпретировались в социокультурном ракурсе. Исследования патернализма монархической России⁴ характеризуют его как норму и институализированную практику распределения благ теми, кто имеет материальные ценности и власть, более слабым членам общества для обеспечения выживаемости социальных групп и социума в целом. Правящая элита как партнер народа не-

сла за него нравственную ответственность. Несмотря на наличие в патернализме иерархии, в нем как в социокультурном феномене опекаемая сторона являлась полноценным партнером, так как принимала на себя определенные обязательства, и обе стороны осознавали свою общность. Патерналистские отношения ассоциированы с содержанием семейных ролей.

В методологии исследования социальное партнерство не соотносилось с его специальными значениями, например, партнерством в социально-трудовых отношениях. В широком смысле партнерство – это совместная работа при наличии единой позиции по какому-либо предмету⁵, что также предполагает наличие общей цели у партнеров. О социальном партнерстве можно говорить, когда субъектами таких отношений являются социальные общности и их агенты. Учитывая сформировавшееся в культуре России содержание патернализма, мы интерпретируем государственный патернализм как вид социального партнерства, в котором государство оказывает помощь более слабым группам в сотрудничестве с ними в целях сохранения общества и себя. В контроле отношений с обеих сторон задействованы нравственные критерии.

Для сравнения в монархической и современной России были выбраны межотраслевые организации, выражающие интересы не крупного бизнеса: Саратовский биржевой комитет, «Опора России», «Деловая Россия»⁶. Бизнес менее ресурсных по капиталу групп предпринимателей ближе к природе предпринимательства, так как их жизнедеятельность больше связана с предпринимательским риском как важнейшим свойством предпринимательского поведения.

Представительские функции биржевых комитетов – распорядительных и исполнительных органов биржевого общества – были учреждены «сверху». Согласно Высочайше утвержденному в 1870 г. Уставу Биржи, помимо регулирования биржевой торговли, императорская власть создала прямой канал связи с сословием предпринимателей, обязав биржевые комитеты «заботиться о нуждах и интересах торгового сословия»⁷ и наделив их для этого правом «возбуждать ходатайства в высших сферах власти»⁸. Сословие купцов того периода состояло как из торговцев, так и из промышленников, поскольку торговали они по большей части произведенными на собственных заводах и фабриках товарами.

Саратовский биржевой комитет, как «Опора России» и «Деловая Россия», существовал на собственные средства – за счет взносов членов общества и посетителей, оказания услуг – и называл себя общественной организацией. Подобно «Опоре» и «Деловой России», он принимал обращения членов предпринимательского сообщества. Независимо от отрасли деятельности и членства в биржевом обществе, местные торговцы и промышленники могли обратиться в биржевой комитет за

помощью. Он проводил совещание по поставленному вопросу с участием заявителей, возбуждал ходатайство в различные органы власти, взаимодействовал с властью по его решению, информировал предпринимательское сообщество. Комитет также устраивал при Саратовской бирже совещания местных представителей торговли и промышленности, приглашая на них нужных чиновников, в том числе высокого уровня бюрократической иерархии, и специалистов для обсуждения текущих и стратегических вопросов развития предпринимательства в губернии.

Исследовательские задачи решались на базе изучения текстовых документов, детально описывающих работу объединений предпринимателей. В первую выборку документов вошли 20 ежегодных отчетов Саратовского биржевого комитета за 38 лет (1880–1917 г.) его деятельности. Это хронологически структурированные протоколы его общих и частных совещаний, в которых зафиксированы устные речи выступающих и тексты ходатайств, с приложениями, дополненные копиями обсуждаемых законопроектов, отчетами о работе представителей комитета в учреждениях власти и на съездах предпринимателей, статистическими сведениями о торговле и промышленности в губернии. Рассмотренные комитетом вопросы изложены достаточно полно: объем текстов отчетов возрастал с каждым годом и составляет от 40 до 300 страниц. Отчеты Саратовского биржевого комитета относятся к разряду редких изданий и доступны для изучения в Государственном архиве Саратовской области. Вторая выборка составлена из 564 новостных сообщений 13 региональных отделений «Деловой России», опубликованных с января 2013 г. по май 2015 г. на сайте ее центрального отделения (www.deloros.ru). В формате «новостей» отделения «ДР» представляют отчет о своей работе: по датам описывают мероприятия и события, в которых были задействованы члены отделения, информируют об актуальных для регионального сообщества предпринимателей вопросах. Онлайн-документы должны содержать достоверную информацию, поскольку расположенные на официальном сайте организации сведения подвергаются публичной верификации. Выбирались отделения «Деловой России» с высокой, средней и низкой публикационной активностью, что соответствует таким же уровням работы. Как источник информации о деталях повседневной практики работы объединения малого предпринимательства были использованы все входящие (N = 178) и исходящие (N = 109) документы Саратовского регионального отделения «Опоры России» за 2013 г., изученные нами вместе с О. В. Филиповой.

Материал исследовался неформализованным (традиционный анализ) и формализованным (контент-анализ) методами. Традиционный анализ как метод анализа документов основан на общих логических операциях анализа и синтеза, сравнения, определения, осмысления,

оценивания информации»⁹. За смысловую единицу анализа при квантификации информации документов были приняты темы, обсуждаемые на заседания биржевого комитета, репрезентированные в сообщениях с сайта «Деловой России» и в деловой документации Саратовского отделения «Опоры России». Темы протоколировались в конспекте каждого отдельного документа. Процедура подсчета заключалась в определении частоты тем в выборках отчетов биржевого комитета и сообщений с сайта «Деловой России», т. е. интенсивности интереса предпринимательского сообщества к этим направлениям, и во всем годовом объеме деловых писем Саратовского отделения «Опоры России», т. е. интенсивности его коммуникации по каким-либо поводам.

Результаты реконструкции характера отношений предпринимательского сообщества в лице его объединений как своих социальных агентов с властью разных уровней как социального агента института государства в выбранных исторических периодах репрезентированы в нижеследующих разделах статьи.

Отеческая забота ради Отечества

В результате работы с текстами отчетов Саратовского биржевого комитета были сформированы категории анализа – признаки предмета, частотное распределение которых в выборке отражено в таблице.

Из полученных данных следует, что авангард купеческого сословия, каковым в полной мере являлся Саратовский биржевой комитет, несмотря на малую численность (не более 10 человек)¹⁰, чаще всего был занят вопросами взаимодействия с властью. Анализ содержания выделенных признаков раскрывает детали сотрудничества торговцев и промышленников с властью, иллюстрирующие особенность архетипа российской патерналистской культуры: помощь опекаемым сочетается с их участием в общем деле с покровителем¹¹.

По Уставу Биржи ее комитет вместе с прямым личным контактом с правительством по защите экономических интересов губернских предпринимателей приобрел трудоемкую обязанность «доставления сведений и заключений по товаропромышленным делам правительственным учреждениям»¹², что было необходимо самодежавию для разработки обоснованных стратегий и проектов развития экономики империи. Тем самым оно вовлекло губернские сообщества торговцев и промышленников в работу по получению экономической статистики и изучению актуальных экономических вопросов. С учетом патерналистских убеждений купцов – осознанием не только обязанности патрону, но и себя как части одного целого с ним, – можно понять, почему несколько человек делали большую работу по формированию статистической информации бесплатно: за служение монарху они получали символическую

Распределение тем в выборке ежегодных отчетов Саратовского биржевого комитета за 20 лет из всего периода его деятельности в течение 38 лет (с 1880 по 1917 г.) (в % от общего числа рассмотренных вопросов)

Темы, обсуждаемые на совещаниях комитета	%
Составление ходатайств в органы местного управления и высшие правительственные сферы	20,7
Представительство в органах власти и общероссийских совещаниях предпринимателей	18,2
Экспертиза законопроектов и строительных проектов, ответы на запросы губернской власти и правительства	13,7
Организация работы биржи	12,3
Сотрудничество с другими объединениями предпринимателей	9,0
Условия труда и оплаты наемных работников	7,1
Обеспечение судоходности Волги	7,0
Социальное служение	6,8
Конкурентная борьба	5,5
Тарифы на провоз товаров по железной дороге	4,3
Перевозка грузов	3,7
Обустройство железных дорог	3,3
Налоги и сборы	3,0
Экспертиза зерна	2,7
Правила торговли	2,7
Обеспечение кредита для предпринимателей	2,3
Поддержка отдельных отраслей торговли и промышленности	1,2
Качество телефонной и почтовой связи в Саратове	1,2
Навигационные тарифы	1,0

награду в виде нагрудного знака. Комитет был единомышлен с правительством в необходимости формирования экономической статистики для успеха предпринимательства. Он с энтузиазмом разъяснял важность этого дела купцам и судовладельцам, предоставлявшим источники первичных данных, даже если для этого потребуются раскрыть коммерческую тайну¹³. Кроме составления ежегодных статистических обзоров всех отраслей торговли и производства в губернии, биржевые комитеты выполняли текущие поручения сначала департамента торговли и мануфактур министерства финансов, позднее – других курирующих взаимодействие с ними правительственных структур. В этой совместной с высшей властью деятельности по развитию экономики государства губернское предпринимательское сообщество получало от нее разнообразную помощь.

При поддержке властных структур предприниматели решали вопросы конкурентной борьбы, тем самым наделяя власть статусом арбитра в своих делах. Министры и различные управления по принципу диспозиции судебного разбирательства рассматривали доказательства каждой стороны и выносили решения в интересах государства, но так, чтобы спорящие губернии были по возможности удовлетворены. Наибольшие разногласия вызывали тарифы на перевозку товаров по железной дороге. Прокладка новых железных дорог, которые к началу XX в. стали главным средством перемещения грузов, вызвала острые разногласия и лоббирование интересов в правительстве. Высшая власть помогала предпринимательскому сообществу той губернии, которое на тот момент больше нуждалось в ней. Отсюда риторика ходатайств биржевого комитета, в которых с опорой на статистику красочно рисуются, по мнению саратовских предпринимателей, крайне неблагоприятные условия, в которые они поставлены, по сравнению с «огромными преимуществами» других волжских губерний. Взывая к милосердию власти, комитет просил изменить тарифы, дабы не разорить купцов и производителей как верных подданных, развивающих своим трудом край и создающих рабочие места.

Существовал порядок перекрестного рассмотрения ходатайств: профильный департамент министерства, получив от биржевого комитета запрос по какому-либо нужному ему вопросу, для принятия решения пересылал его для обсуждения в биржевой комитет другой губернии, интересы которого тот также затрагивал. Примечательна настойчивость, с которой биржевой комитет писал ходатайства. Если обращение не приводило к цели, то он вновь и вновь объясняли свои нужды власти, пока диалог не заканчивался приемлемым результатом. Такая стратегия коммуникации возможна в том случае, когда предприниматели знают, что их просьбы будут услышаны.

В соперничестве на рынке торговцы и промышленники призывали на помощь государство

и для борьбы с монопольными соглашениями, которые однозначно считали препятствием для здоровой конкуренции. По заявлениям предпринимателей Саратовский биржевой комитет неоднократно возбуждал ходатайства в профильные министерства и Государственную думу о соглашениях нефтедобывающих синдикатов, баскунчакских соледобывателей, судовладельцев, крупных коммерческих банков о высоких ценах на нефть, соль, фрахт на грузы к открытию навигации по Волге, о понижении процентов по вкладам с просьбой принять меры. В 1912 г. цены на нефть предельно возросли, и биржевой комитет, пытаясь решить проблему, проводил одно совещание за другим, в том числе с участием членов Государственной думы. Для оценки предпринимательско-монополистов их собратья по классу применяли моральные критерии, обвиняя тех в нарушении интересов своей социальной корпорации в развитии общего дела. Председатель Саратовского биржевого комитета Ф. П. Шмидт заявлял, что «настоящее состояние цен свидетельствует о том, что нефтепромышленники, не считаясь ни с чем, заботятся лишь о получении наибольшего барыша», в то время как промышленность при таком состоянии цен на топливо развиваться не может¹⁴. Власть также считала монополию экономическим преступлением, но была солидарна с предпринимателями в том, что с этим злом нужно бороться рыночными методами. Власть поддерживала предложения биржевиков¹⁵ ликвидировать монопольные цены на нефть с помощью развития каменноугольной промышленности и рассматривала возможные административные решения, чтобы дать зеленый свет добыче и торговле углем.

Предприниматели видели во власти помощника в делах бизнеса еще и потому, что монархия использовала казну, спасая их от разорения. К примеру, правительственный департамент торговли в случае резкого повышения цен на хлеб возбуждал его причины с биржевыми комитетами. В 1907 г. в России хлеб подорожал из-за подъема цен на него на мировом рынке. Биржевики сочли повышение цен благоприятным для экспорта хлеба, но чтобы облегчить жизнь потребителям, от которых в конечном итоге зависит прибыль на внутреннем рынке, предложили правительству для снижения цен купить партию хлеба и продать по низкой цене. В этом же году они, наоборот, не приняли предложения правительства снизить поднявшиеся цены на сахар с помощью продажи сахара из казенных винных лавок, поскольку такая мера была бы вредна для бакалейной торговли, и предложили правительству снизить акцизы на сахар¹⁶. Обращаясь к власти, биржевики также стремились сделать доступными необходимые предпринимателям финансовые ресурсы, возбуждая ходатайства в министерство финансов о создании приемлемых условий кредитования и вкладов. Вместе с властью биржевые комитеты занимались организа-

цией системы осведомленности о кредитоспособности лиц и фирм.

Особые чувства купцы и промышленники питали к монарху. В глазах купцов император, обладавший единоличным правом сделать исключение из действия закона, был воплощением справедливости. И они получали этому подтверждение при весьма печальных для себя обстоятельствах. Например, Николай II повелел освободить саратовских торговцев от ответственности за нарушение гербового сбора, несмотря на несколько решений судов о взыскании, поскольку сумма долга была такова, что в случае его уплаты они пошли бы по миру вместе с семьями. Он разрешил им вывозить во Францию жмых, в то время как вступил в силу закон, запрещающий экспорт этого продукта, потому что из-за нарушения договоров с зарубежными партнерами купцы должны были оплатить огромные неустойки. В 1901–1902 гг., решая стратегические вопросы развития Поволжья, саратовские купцы вели напряженную борьбу с чиновниками, доказывая необходимость левобережного проведения астраханской железной дороги. После личного ходатайства саратовского губернатора перед Николаем II тот лично изучил дело и пришел к заключению о правильности точки зрения саратовских биржевиков. В результате единственный оппонент биржевиков – министр финансов – сдался, и правительственная комиссия решила вести дорогу по левому берегу, а царь повелел строить дорогу уже на следующий, 1903 год. Доверие к императору проявилось в период становления представительской власти в стране. «Русский Царь не поставит своему народу препятствия для народного представительства»¹⁷, – постановили биржевики перед изданием Высочайшего Манифеста 17 октября 1905 г.

Стараясь с отеческой справедливостью относиться к губерниям, самодержавие воспитывало в предпринимателях ответственность за регион, способствовало партнерскому объединению губернской власти и местного бизнеса ради общего дела процветания края. В инициативах, которые продвигал биржевой комитет, в первую очередь отстаивались интересы губернии. Масштабные проекты экономического развития территории нескольких губерний поддерживались биржевым комитетом, если они приносили пользу экономике края. Региональное мышление не только преобладало во всех просьбах к власти, но и отражалось в продвижении губернских кандидатур в органы государственного управления: в 1908 г. биржевые комитеты сельскохозяйственных регионов страны объединялись, чтобы провести своих представителей в Государственный совет в противовес индустриальным Московской губернии и западным губерниям. Обсуждая проект политической и экономической программы русских промышленников и торговцев, биржевики выступали за то, «чтобы одни области русского государства не

жили за счет других и не приводили к оскудению тех районов, которые много дают средств государству, но и много требуют обратно для своего существования»¹⁸. К примерам отстаивания местных интересов можно также отнести то, как поволжские губернии постоянно соперничали за землечерпальные машины государственного ведомства путей сообщения. Саратовский биржевой комитет посылал многочисленные ходатайства, чтобы отогнать эти аппараты из Самары или Царицына, доказывая их необходимость именно для Саратова, хотя на других участках Волги, судя по ответам власти, возникали не менее серьезные ситуации с каналом Волги.

Инструментом обеспечения равноправия в конкурентной борьбе предприниматели считали налоги. В 1903 г. биржевики возбудили ходатайство об установлении предельных норм обложения городами и земствами торгово-промышленных предприятий, обязательных для всех городов Российской империи. Общие земские и городские налоги не имели определенных норм и пределов и, кроме того, не были одинаковы по своей величине и характеру во всех городах страны, из-за чего одни имели привилегированное положение за счет других. В 1907 г. в ответе на запрос министерства финансов о недостатках действующего промышленного обложения биржевики выразили пожелание не облагать товар налогом дважды (в месте производства и в месте продажи), учитывать убыточность производителя, облагать налогом евреев, которые уходили от него, создавая временные торговые помещения. Судя по материалам отчетов, в целом налоги и их величина не вызывали острых разногласий между предпринимателями и властью: вопросы, связанные с налогами, редко ставились на обсуждение.

Тесно сотрудничая с властью, биржевики не позволяли ей переходить ту грань, за которой предприниматель мог считать себя несвободным актором экономического поведения. Например, биржевой комитет ответил отказом при попытке правительства возложить на него надзорные функции по уплате налогов по торговле членами биржевого общества и посетителями биржи, так как «биржевое общество представляет собой свободное соединение лиц торгово-промышленного класса в интересах как своих собственных, так и вообще развития торговли и промышленности»¹⁹. Вместе с тем отчеты показывают, что предпринимательское сообщество того времени широко применяло практику «мелкого подхалимажа» по отношению к государственным чинам, руководителям банков посредством поздравительных адресов по случаю разных сроков их службы. Николай II боролся с этим обычаем и своим указом разрешил справлять юбилеи должностных лиц государственных и общественных учреждений только после 50 лет службы.

Политика власти в области управления хозяйственной деятельностью была направлена на со-

вместное обсуждение и принятие решений с деловым сообществом, согласованную деятельность бизнеса. Власть привлекала предпринимателей к обсуждению стратегических и текущих вопросов управления торговлей, развития транспорта, промышленности и сельского хозяйства. По просьбе органов власти Саратовский биржевой комитет назначал постоянных и временных представителей от биржевого общества в различные комиссии, комитеты и совещания, собираемые местной управой, правительственными департаментами и отделами министерств. Николай II и правительство способствовали формированию общественных объединений предпринимателей и работе общероссийских совещаний предпринимателей – съездов. В 1905 г. царем были учреждены съезды биржевой торговли и сельского хозяйства. К 1906 г. в Российской империи действовали разнообразные отраслевые и территориальные общества предпринимателей, которые регулярно проводили съезды для выработки общих позиций и решений по насущным хозяйственным вопросам.

Коммуникация самодержавия и биржевых комитетов превратилась в весьма отлаженный механизм эффективного сотрудничества самодержавия и сообщества предпринимателей для общей цели – развития предпринимательства в империи. Это позволило абсолютному большинству биржевых комитетов, включая Саратовский, в 1912 г. заблокировать выдвинутый ходатаем крупного бизнеса – Московским биржевым комитетом – проект создания в России торгово-промышленных палат по западному образцу, согласно которому у биржевых комитетов отнималось право прямого ходатайства перед высшей властью. При монархии в России этот проект так и не был принят.

Контакт малого и среднего бизнеса с властью в современном контексте

Анализ источников, репрезентирующих работу «Опоры России» и «Деловой России», свидетельствует о том, что и в настоящее время власть сохранила позиции главного объекта коммуникации объединения предпринимателей, характер которой, тем не менее, существенно изменился.

По результатам изучения работы региональных отделений «Деловой России», отраженной в выборке сообщений с ее сайта, в практике продвижения экономических и социоструктурных интересов деловых людей преобладает участие в коммуникационных площадках при государственных органах (в 18,4% сообщений). Тема сотрудничества «ДР» с другими объединениями предпринимателей и бизнес-организациями, как и тема ее взаимодействия с общественными организациями, не принадлежащими к сфере бизнеса, присутствуют в сообщениях почти в четыре раза меньше.

Руководители «Деловой России», ее комитетов и активисты входят в составы экспертных, экспертно-консультативных, общественных советов, созданных при органах местной и федеральной власти, правоохранительных органах, Общероссийского народного фронта, участвуют в работе разнообразных круглых столов, конференций, форумов, выставок, на которых есть возможность обсудить проблемы бизнеса. «Деловая Россия» проводит экспертизы – организационные и персональные – законопроектов, вступивших в силу правовых актов и инициатив власти, касающихся предпринимательской деятельности (в 11,7% сообщений). С помощью этой работы предприниматели пытаются осуществить прямой диалог с властью, выдвигая конкретные правовые предложения для достижения социально-экономического успеха (5,1%). В свою очередь, федеральная власть разрабатывает собственные параметры бизнес-климата в стране и привлекает общественников к их оценке посредством региональных административных инструментов, внедряя идущие «сверху» инициативы «на местах» (4,4%). К ним можно отнести предложенную федеральной властью технологию процедур оценки регулирующего воздействия и измерения рейтинга состояния инвестиционного климата в субъектах РФ. Только в 2,3% сообщений в выборке шла речь о принятии общего решения предпринимателями региона и местными властями после совместного рассмотрения вопросов бизнеса. Зачастую диалог между ними не носит партнерского характера. Сообщения показывают, что в отношениях власти и делового сообщества ситуация «договаривались об одном, а власть решила по-другому» является стандартной.

Письменная коммуникация Саратовского регионального отделения «Опоры России» с социальными агентами показывает, что власть является основным социальным партнером для предпринимателей²⁰: 66,8% исходящих документов – письма общественной организации в органы власти информационного характера, 65,6% входящих документов – информационные обращения власти к общественникам. Характерно, что в обращениях к власти отсутствуют запросы или требования: объединение сообщает тому или иному органу местной власти о своих мероприятиях, приглашает на них представителей соответствующего учреждения.

Коммуникация в формате информирования не предполагает обратной связи, поэтому ответы власти на эти обращения к ней общественников отсутствуют, так же как и ответы объединения на доводимую до них информацию. В целом 70% писем, полученных «Опорой России», – уведомления о мероприятиях и событиях в контексте курса экономической политики и административных отношений без обратной документальной связи; характер коммуникации ее с органами власти свидетельствует о том, что диалог между ними не сложился, отчего малый бизнес находится вне принятия решений власти на местном уровне.

В материалах деятельности «Деловой России» и «Опоры России» есть признаки, которые не обнаружены в отчетах Саратовского биржевого комитета. Последний не обсуждал каких-либо факторов, заложенных в системе управления экономическими процессами, которые бы постоянно негативно влияли на развитие предпринимательства, несмотря на то, что биржевики нередко красноречиво высказывали жалобы чинам разных уровней власти. В деятельности региональных отделений «Деловой России» коммуникативная репрезентация так называемых системных проблем предпринимательства находится на втором месте после представительской работы (12,9%). Предприниматели к ним относят необоснованные проверки надзорных органов, чрезмерную налоговую нагрузку, поборы, монополии на рынке энергетики, административные барьеры, высокие ставки инвестиционных кредитов, необоснованное уголовное преследование, коррупцию. Судя по материалам отчетов Саратовского биржевого комитета, налоги, кредиты, государственные сборы, монопольные соглашения в тех или иных ракурсах интересовали предпринимателей последней четверти XIX в. – начала XX в., однако торговцы и промышленники их не оценивали как тормоз на пути к успеху. Тема коррупции и бюрократических барьеров для предпринимательской деятельности в выборке отчетов биржевого комитета вообще отсутствует. Отчеты также показывают, что предпринимателям России последней четверти XIX в. – начала XX в., в отличие от современных, была не известна практика давления власти на бизнес посредством своих силовых структур, т. е. незаконное преследование предпринимателей правоохранительными органами, нередко с участием других органов власти, в частных интересах их сотрудников.

В текстах сообщений с вышеуказанными большими вопросами для предпринимателей современной России сопрягаются их претензии по поводу того, что региональные власти недостаточно отстаивают интересы регионального делового сообщества на федеральном уровне, отсутствует взаимодействие муниципальной власти с местной предпринимательской средой и она плохо реагирует на положительные инициативы центральной власти. В то же время звучит критика федеральных законов, регулирующих бизнес-деятельность, которые способствуют развитию этих проблем. Предпринимательское сообщество выражает надежду на искоренение этого зла из жизнедеятельности предпринимателей, но видит явно недостаточную результативность коммуникации с властью по этому поводу. Для сравнения отметим, что в выборке отчетов Саратовского биржевого комитета не проявлено негативного отношения торговцев и промышленников к губернским органам управления. Губернатор и предпринимательское сообщество были единомышленниками в вопросах экономического развития региона, глава губернии вместе с предпринимателями-общественниками ходатайствовал в высших сферах власти о помощи для их решения.

Как следствие системных проблем, у делового сообщества возникает необходимость защиты своей деятельности. В выборке сообщений с сайта «Деловой России» тема работы общественного объединения по защите прав предпринимателя репрезентирована в 10,8% сообщений, в то время как в выборке отчетов биржевого комитета тема бесправия людей, занимающихся бизнесом, отсутствует. В отличие от практики работы биржевых комитетов, в анализируемых материалах работы современных объединений предпринимателей нет случаев обращения их к власти для согласования экономических интересов хозяйствующих субъектов, конфликт между которыми может породить криминальные ситуации.

Общественники указывают на проблемы обратной связи в коммуникационном процессе с властью и коммуникативные барьеры со всеми уровнями власти, из-за чего власть имеет только видимую открытость, но подчас недоступна предпринимателю для решения насущных вопросов его работы. Законы Российской Федерации позволяют предпринимателям лично обратиться к главе государства и руководителям разного уровня власти, есть такая коммуникационная практика, но, как правило, решения по коллективным и индивидуальным жалобам тормозятся процедурами администрирования на региональном уровне и органами местного самоуправления, куда их спускают для рассмотрения. Общественники также жалуются на отсутствие реакции региональной власти на их предложения, выдвигаемые от имени сообщества предпринимателей.

Предприниматели выражают озабоченность отсутствием информационных площадок для коммуникации с контрольно-надзорными органами и органами исполнительной власти для получения специальных знаний в области налогообложения и аудита, документооборота. Частично этот недостаток восполняют сами объединения предпринимателей проведением консультаций по правовым вопросам ведения бизнеса, стартапам. Тема организации консалтинговых мероприятий для предпринимателей репрезентирована в 3,7% сообщений выборки с сайта «Деловой России».

Государственная поддержка, к вопросам получения которой «Деловая Россия» привлекает внимание аудитории в массовой коммуникации, подразумевает комфортное для предпринимательской активности администрирование бизнеса. Но в коммуникативной самопрезентации сообщества деловых людей сегодня рефреном звучит рассогласование целей предпринимателей и власти, из-за чего желаемое не может быть достигнуто. Если на рубеже XIX–XX вв. в России социальный слой предпринимателей доверял власти и полагался на нее, то по прошествии столетия их отношения похожи на отчуждение друг от друга. В этой ситуации функции обще-

ственного объединения предпринимателей суммируются в роли адвоката предпринимательства и проводника профессиональной идеологии с целью выживания во враждебной среде.

Анализ первой выборки документов подтверждает, что практики работы власти с некрупным бизнесом в последнее десятилетие правления Александра III и периода правления Николая II определялись традициями русской патерналистской культуры. На них было основано налаженное партнерство между предпринимательским сообществом: самодержавие работало в единой связке с предпринимательским сообществом по решению экономических задач. Анализ двух других массивов документов рисует противоположную картину отношений некрупного бизнеса и власти в современной России, сложившихся вне системы государственного патернализма. Власть слушает просьбы малого и среднего предпринимательства о его нуждах, но остается к ним глухой. Реальное согласование решений власти с интересами некрупного бизнеса отмечается в единичных случаях. Отсутствуют объединяющие власть и МСП позиции по вопросам управления экономикой и бизнесом. Такое взаимодействие, скорее, похоже на видимость сотрудничества, чем на реальные партнерские отношения.

Примечания

- 1 См.: Федотов В. И. Торгово-промышленные палаты. 2-е изд. Ч. 1. История. Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2006.
- 2 О последствиях отказа от государственного патернализма в социальной политике см.: Кара-Мурза С. Г. Государственный патернализм – цивилизационное измерение // Научный эксперт : ежемесячный электронный журнал. 2009. № 12. URL: http://www.marusrand.ru/text/Jornal12_2009.pdf (дата обращения: 17.09.2016).
- 3 См.: Яковлев А. А., Говорун А. В. Бизнес-ассоциации как инструмент взаимодействия между правительством и предпринимателями : результаты эмпирического анализа // Журнал новой экономической ассоциации. 2011. № 9. С. 98–127.
- 4 См.: Ермоленко Т. Ф. Патернализм в России : культурологический анализ : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Ростов н/Д, 2000.
- 5 См.: Большая энциклопедия : в 62 т. Т. 35. М. : ТЕРРА, 2006. С. 427.
- 6 В РФ среди МСП абсолютно преобладает малый бизнес (См.: Итоги сплошного наблюдения за деятельностью субъектов малого и среднего предпринимательства в

2010 году. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/prom/small_business/inter_itog/index.html (дата обращения: 26.04.2016)). Поэтому различие между «Опорой России», представляющей малый бизнес, и «Деловой Россией», продвигающей интересы среднего и малого бизнеса, по величине капиталов их членов можно считать не существенным. В аграрных районах Российской империи, к которым относилась Саратовская губерния, как и большинство ее регионов, не было крупного бизнеса. В царской России крупным бизнесом считались большие заводы и фабрики, расположенные в отдельных индустриальных районах империи.

- 7 Отчет Саратовского Биржевого комитета за 1893 г. Саратов : Типография губернского земства, 1894. С. 2.
- 8 Там же.
- 9 Маслова О. М., Пугачёва М. Г. Виды документальных источников и методы их анализа // Методы сбора информации в социологических исследованиях / отв. ред. В. Г. Андреев : в 2 кн. М. : Наука, 1990. Кн. 2. С. 43.
- 10 Среди предпринимателей членов биржевого общества было очень мало. В 1903 г. в Саратове в нем состояло всего 4,5% купцов первой и второй гильдий, которые имели право быть его постоянными членами (См.: Отчет Саратовского Биржевого комитета (за 1902–1903 гг.). Саратов : Паровая типо-литография Т-ва Г. Х. Шельнгорн, 1904. С. 83).
- 11 См.: Ермоленко Т. Ф. Указ соч. С. 14.
- 12 Отчет Саратовского Биржевого комитета за 1893 г. С. 2.
- 13 См.: Отчет Саратовского Биржевого комитета (за 1902–1903 гг.). С. 126.
- 14 Отчет Саратовского Биржевого комитета (за 1912–1913 гг.). Саратов : Паровая типо-литография Т-ва Г. Х. Шельнгорн, 1915. С. 25.
- 15 В статье под «биржевиками» подразумевается Саратовское биржевое общество вместе с его биржевым комитетом.
- 16 См.: Отчет Саратовского Биржевого комитета (за 1907–1908 гг.). Саратов : Паровая типо-литография Т-ва Г. Х. Шельнгорн, 1909. С. 81–83.
- 17 Отчет Саратовского Биржевого комитета (за 1905–1906 гг.). Саратов : Паровая типо-литография Т-ва Г. Х. Шельнгорн, 1907. С. 95.
- 18 Там же. С. 91.
- 19 Отчет Саратовского Биржевого комитета (за 1907–1908 гг.). С. 74–75.
- 20 Ведущую роль муниципальной и региональной власти для сохранения бизнеса подтверждают опросы предпринимателей (см.: Орлова Л. В. Региональные общественные организации предпринимателей : отношение и оценки // Социс. 2010. № 5. С. 140–142).

Образец для цитирования:

Климова С. В. Власть как партнер предпринимательского сообщества в условиях монархии и в современной России // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 144–151. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-144-151.

Cite this article as:

Klimova S. V. Power as a Partner of Business Community under Conditions of Monarchy and in Modern Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 144–151 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-144-151.

УДК 316.4

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ (на примере Саратовской области)

Е. В. Сайганова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: SaiganovaEV@yandex.ru

В данной статье рассматриваются особенности развития нормативно-правовой базы государственной молодежной политики, концепции и стратегии по реализации государственной молодежной политики на территории региона, основные законодательные инициативы, целенаправленные программы для молодежи в рамках государственной молодежной политики.

Ключевые слова: молодежь, закон, регулирование, государственная молодежная политика.

Legal Regulation of the State Youth Policy at the Regional Level (on the Example of Saratov Region)

E. V. Saiganova

This article discusses the features of development of the regulatory framework of the state youth policy, concept and strategy for implementation of the state youth policy in the region, key legislative initiatives, targeted programs for youth in the framework of the state youth policy.

Key words: youth, law, regulation, state youth policy.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-152-155

Особенностью осуществления молодежной политики на региональном уровне является то, что административно-территориальным единицам государством делегируются соответствующие властные полномочия по управлению политикой в отношении молодежи в данном регионе, выделяются ресурсы из государственных источников (в дополнение к местным), предоставляется соответствующая организационно-методическая помощь. Общим для всех регионов являются принципы, функции государственного управления, формы и методы проведения этой политики, что обусловлено ее объектом и целью, определенной государством. Одновременно специфика отдельных регионов требует учета особенностей в подходе к реализации государственной молодежной политики. Прежде всего, они заключаются в выделении приоритетных направлений деятельности ее субъектов, основанных на различиях определенных условий, в частности, таких из них, как демографическая ситуация, региональные, этнические и культурные традиции, финансово-экономическое положение региона, природно-географические, исторические условия, положение и проблемы

молодежи в регионе, т. е. зависят от факторов, в большей или меньшей степени определяющих в конкретной местности.

Важнейшей функцией органов по работе с молодежью на этом уровне является согласование общегосударственной молодежной политики со спецификой региона и конкретной местности. К их компетенции в сфере молодежной политики можно отнести: определение общих социально-экономических, организационных, правовых основ и направлений молодежной политики в регионе; правовое регулирование отношений в сфере молодежной политики; формирование органов управления и бюджета в части расходов на реализацию молодежной политики; контроль и обеспечение выполнения государственных, национальных, отраслевых программ в сфере молодежной политики; разработка и реализация региональных молодежных программ; организация подготовки, переподготовки, повышения квалификации кадров, осуществляющих реализацию этой политики; ведение реестра молодежных общественных организаций и объединений, действующих на территории региона; содействие их развитию¹.

К компетенции органов местного самоуправления в сфере молодежной политики относятся: планирование, организация, регулирование осуществления молодежной политики на территории местного сообщества; издание нормативных документов; обеспечение выполнения государственных, национальных, отраслевых, региональных и разработка и реализация местных программ по молодежи; формирование местных бюджетов на реализацию молодежной политики; создание, реорганизация и ликвидация учреждений, ведущих работу с молодежью; ведение реестра и сотрудничество с молодежными объединениями; координация деятельности учреждений и организаций, осуществляющих политику в отношении молодежи.

Деятельность региональных исполнительных органов по реализации молодежной политики не ограничивается предоставлением социальных услуг. Главной организационной формой и одновременно инструментом управленческой деятельности в этой сфере являются комплексные целевые программы. На общегосударственном уровне утвержден ряд программ, включающих различные аспекты работы с молодежью, вместе с тем решение многих вопросов молодежи осуществляется путем реализации государственных

программ, которые нацелены на все население, на какую-то проблему.

На региональном и местном уровнях, кроме деятельности по реализации национальных молодежных программ, соответствующие советы утверждают региональные и городские социальные программы. Вместе с тем существуют проблемы, негативно сказывающиеся на реализации программ и накладывающие негативный отпечаток на эффективность молодежной политики.

Молодежная политика на территории Саратовской области реализуется в соответствии с федеральным и региональным законодательством:

– Стратегией государственной молодежной политики в Российской Федерации на период до 2016 года;

– Законом Саратовской области «О молодежной политике в Саратовской области» от 9 октября 2006 г.;

– Законом Саратовской области «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» от 23 июля 1983 г.;

– Законом Саратовской области «О военно-патриотическом воспитании в Саратовской области» от 22 декабря 2010 г.;

– ведомственной целевой программой «Молодежь Саратовской области» на 2012–2014 годы;

– долгосрочной областной целевой программой «Патриотическое воспитание молодежи Саратовской области» на 2012–2015 годы;

– «Концепцией развития волонтерской (добровольческой) деятельности молодежи в Саратовской области на 2011–2015 годы» от 8 июня 2011 г.;

– «Концепцией развития движения студенческих отрядов в Саратовской области на 2012–2016 годы» от 31 октября 2012 г.

Реализация молодежной политики на территории области осуществляется по четырем основным направлениям:

– привлечение молодежи к участию в социально полезной деятельности;

– создание условий для развития творческого и научного потенциала молодежи;

– подготовка молодежи к участию в общественной жизни страны, государственной деятельности и управлении, профессиональная ориентация молодежи;

– информационное развитие системы работы с молодежью.

Рассмотрим главные положения основного законодательного акта в сфере государственной молодежной политики – Закона Саратовской области «О молодежной политике в Саратовской области»².

Настоящий Закон в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральным законодательством и законодательством области определяет правовые, социально-экономические и организационные механизмы осуществления

молодежной политики в Саратовской области и направлен на обеспечение прав молодых граждан, молодежных и детских объединений, защиту их интересов и привлечение их к непосредственному участию в формировании и реализации молодежной политики. Он регулирует отношения, возникающие при формировании и реализации молодежной политики на территории области.

Субъектами правоотношений, возникающих на основе настоящего Закона, являются: молодые граждане (молодежь); молодежные парламентские структуры; молодежные и детские общественные объединения; органы государственной власти области, реализующие молодежную политику; органы местного самоуправления; специализированные учреждения по работе с молодежью; иные юридические и физические лица, принимающие участие в осуществлении молодежной политики в области.

Под молодежной политикой в Законе понимается деятельность органов государственной власти области, направленная на создание необходимых условий для самореализации молодых людей, выбора ими жизненного пути, ответственного участия их во всех сферах общественной жизни области.

Основной целью молодежной политики в области является повышение уровня социальной защищенности и социального развития молодежи путем создания экономических, политических, правовых условий и гарантий для наиболее полной самореализации молодежи в обществе³.

Основными задачами молодежной политики в области являются:

– защита интересов и обеспечение законных прав молодежи;

– привлечение молодежи к нормотворческой деятельности в сфере молодежной политики;

– предоставление молодежи гарантий в сфере труда, занятости, содействие ее предпринимательской деятельности;

– создание условий, направленных на физическое, духовное и интеллектуальное развитие молодежи;

– поддержка молодой семьи;

– подготовка молодежи к службе в Вооруженных силах Российской Федерации, содействие военному и патриотическому воспитанию молодежи;

– развитие творчества и инициативы талантливой молодежи;

– содействие предоставлению молодежи достоверной информации, необходимой для ее активного участия во всех сферах общественной жизни;

– поддержка детей и молодежи с ограниченными физическими возможностями (инвалидов);

– содействие осуществлению международного молодежного сотрудничества;

– противодействие распространению в молодежной среде асоциальных явлений;

- поддержка молодежных и детских общественных объединений;
- создание необходимых условий для работы социальных служб по работе с молодежью;
- поддержка молодежных средств массовой информации;
- создание условий для улучшения демографической ситуации в области;
- развитие молодежного парламентаризма.

Важнейшим фактором и условием эффективного решения молодежных вопросов является создание экономических условий для функционирования системы государственной молодежной политики (ГМП). Финансово-экономический механизм представляет собой систему инструментов органов государственного управления, что в совокупности обеспечивает материально-финансовые возможности для реализации политики государства в отношении молодежи.

Финансово-экономическая деятельность государственных органов и органов местного самоуправления в сфере молодежной политики имеет следующее содержание объектов финансирования: обеспечение программ и мероприятий в отношении молодежи; обеспечение функционирования учреждений молодежной политики; финансовая поддержка деятельности молодежных общественных организаций; прямое финансовое обеспечение молодежи: предоставление молодым гражданам долгосрочных кредитов (на получение образования, приобретение жилья); предоставление грантов Президента РФ для реализации творческих проектов одаренной молодежи; материальное обеспечение молодежи (помощь, специальные стипендии, выделение средств на стажировку в ведущих научных учреждениях и т. п.)⁴.

Субъекты государственного управления в указанной сфере осуществляют финансово-экономическую деятельность с помощью определенных экономических инструментов и рычагов, среди которых необходимо отметить: бюджетное финансирование; государственные дотации, субвенции; образование специальных фондов; привлечение внебюджетных средств; содействие инвестиционной деятельности; предоставление молодым гражданам экономических льгот, кредитов, грантов; финансовая поддержка деятельности молодежных общественных организаций. Осуществляя анализ финансового обеспечения молодежной политики, следует учитывать ее сложную секторальную структуру, ведь определенный объем бюджетных средств, выделяемых на реализацию молодежной политики, касается и расходов на образование, культуру и искусство, средства массовой информации, физической культуры и спорта, кредитования молодых семей на строительство жилья и др. Бюджетные средства могут направляться на мероприятия, осуществляемые для разновозрастных групп

населения, но в то же время являются необходимыми и полезными для молодежи. Поэтому точно вычислить сумму средств, направляемых на цели ГМП, чрезвычайно сложно, если вообще возможно.

В условиях ограниченности бюджетных назначений на реализацию молодежной политики актуальность приобретает внебюджетный механизм финансирования, однако он является малоразвитым в нашем регионе. Важнейший источник внебюджетных поступлений – финансирование мероприятий за счет предприятий, учреждений и организаций. Другой формой ресурсного обеспечения молодежной сферы выступают деятельность различных общественно-политических, общественных фондов, гранты от международных фондов и т. д.

Среди неоднозначных результатов рыночных преобразований существенное изменение ресурсного, прежде всего финансового, обеспечения мероприятий социально-экономической политики во всех отраслях социальной сферы ограничивает возможности государства в проведении активных социальных преобразований. Проблемы реализации на уровне региона также связаны с ненадлежащим финансово-материальным обеспечением этой сферы, ведь социально-экономическое развитие можно обеспечить только при растущем использовании управленческих ресурсов.

Анализ финансово-материального положения государственных структур сферы молодежной политики свидетельствует о его крайне низком уровне, остается актуальным вопрос о надлежащем материально-техническом и технологическом обеспечении выполнения государственными служащими их функций. Хотя за последние годы увеличилось финансирование социально-культурных учреждений, учреждений и мероприятий, связанных с реализацией молодежной политики и социальной защиты молодежи, оно крайне мало. Недостаточное финансирование социальных программ не позволяет говорить о положительной динамике развития социальной помощи молодежи.

К общим недостаткам финансирования, связанным с неэффективным использованием бюджетных назначений на реализацию молодежных программ и мероприятий, можно отнести: отсутствие системы рационального планирования ресурсов; недофинансирование ряда программ; его эпизодический характер; разрыв между широкой охвата программ и ресурсным наполнением; «распыление» финансовых ресурсов из-за большого количества бюджетных программ; ориентация программ на краткосрочную перспективу; непрозрачность финансирования, отсутствие аудита эффективности использования средств.

С учетом изложенного можно сделать вывод, что действующая система разработки, финансирования и реализации программ го-

сударственной поддержки молодежи является несовершенной и не способствует решению острых социальных проблем. Она не обеспечивает своевременного и надлежащего контроля за рациональным и экономным использованием бюджетных назначений.

Подытоживая сказанное, следует отметить, что сделано немало для развития молодежной политики, однако состояние дел в молодежной среде свидетельствует о том, что работа в этом направлении должна углубляться, качественно меняться. На наш взгляд, ряд препятствий, затрудняющих решение важных государственных задач по реализации молодежной политики, касается системных процедурных и институциональных проблем, имеющих место в молодежной сфере.

Концептуальная и непроработанная структура как на региональном, так и на федеральном уровне определяет ненадлежащее ресурсное (кадровое, финансово-материальное, информационное) обеспечение сферы, тем самым существенно затрудняет деятельность органов управления и не позволяет им в полной мере решать проблемы молодых граждан, обеспечивать гарантированные им государством права.

Стоит сказать и о неразвитости форм участия населения в социальном управлении, низкой социальной активности самой молодежи. Существующие в России институты прямой демократии не дают возможности гражданам в полной мере осуществлять свои управленческие функции. Отмечается слабое взаимодействие представителей власти с общественным мнением, низка информированность властных структур о состоянии общественного мнения, а потому ее не учитывают при принятии решений.

Итак, мы пришли к выводу, что государственная молодежная политика в Саратовской области не является достаточно системной и структурированной, о чем свидетельствуют выделенные основные противоречия ее производства, в частности:

- несоответствие официально провозглашенных целей, задач молодежной политики государства средствам и механизмам ее осуществления;
- недостаточный ресурсный потенциал и неадекватность организационно-управленческой деятельности потребностям молодежи, современным процессам в молодежной среде;

– несоответствие между развитием различных форм активности молодежи, общественности и отсутствием действенных механизмов их участия в процессе производства молодежной политики государства.

Нормативно-правовая база в сфере государственной молодежной политики призвана обеспечить воплощение правовых норм в процесс этой политики. На наш взгляд, это связано со многими причинами: несовершенством правового обеспечения молодежной политики; низкой эффективностью внедрения законодательной базы; недостаточным и слабым контролем за соблюдением законодательства о молодежи, низким уровнем заинтересованности и участия молодежи.

Таким образом, важным направлением для развития и повышения эффективности государственной политики в сфере поддержки молодежи является совершенствование ее нормативно-правовой базы. Для укрепления правовых основ управления в молодежной сфере необходимо сосредоточить усилия на оптимизации правового регулирования разносторонних отношений с привлечением и участием молодежи как на федеральном, так и на региональном уровне.

Примечания

- 1 См.: Беловицкая А. А., Соловьева Л. А., Зозуля А. В., Мунина О. В., Сайганова Е. В., Ситникова С. В., Арефьева Е. О., Марунова Т. Р. Информация об основных результатах реализации молодежной политики в Саратовской области / под ред. С. Г. Ивченкова. Саратов, 2014.
- 2 См.: О молодежной политике в Саратовской области : закон Саратовской области от 09.10.2006 № 94-ЗСО (с изм. от 27.05.2009; 01.08.2013). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
- 3 См.: Стратегия государственной молодежной политики в Российской Федерации до 2016 года : утв. распоряжением Правительства РФ от 18.12.2006. № 1760-р. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
- 4 См.: Концепция государственной молодежной политики в субъектах Российской Федерации, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ, до 2025 года от 17.04.2012 № 506-р. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

Образец для цитирования:

Сайганова Е. В. Правовое регулирование государственной молодежной политики на региональном уровне (на примере Саратовской области) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 152–155. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-152-155.

Cite this article as:

Saiganova E. V. Legal Regulation of the State Youth Policy at the Regional Level (on the Example of Saratov Region). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 152–155 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-152-155.

УДК 316.346.3

ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТРУДОВАЯ ЗАНЯТОСТЬ ПЕНСИОНЕРОВ: ГЕРОНТОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Ж. В. Петрова

Саратовский государственный технический университет
имени Гагарина Ю. А.
E-mail: jannav.petrova@rambler.ru

Статья посвящена изучению специфики социально-экономической политики государства в отношении профессионально-трудовой занятости пенсионеров по возрасту. Определены и содержательно охарактеризованы инновационные стратегии содействия занятости вышедших на пенсию граждан.

Ключевые слова: инновация, социальная политика, профессионально-трудовая занятость, пенсионер.

**Professional and Labour Employment of Pensioners:
Gerontological Direction of Social Policy**

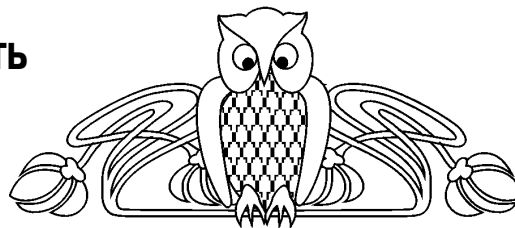
Zh. V. Petrova

The article is devoted to the study of specific socio-economic policy of the State with respect to vocational and employment of retirees by age. Defined and meaningful are characterised by innovative strategies to promote the employment of retired citizens.

Key words: innovation, social policy, vocational and employment, pensioner.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-156-160

Трансформационные процессы, произошедшие в последние десятилетия, определили первоочередные задачи социально-экономической политики государства в отношении категории пожилых граждан. В связи с увеличением удельного веса лиц старших возрастов возрастают их социальная значимость в обществе и степень их влияния на общественные процессы¹. Данная группа населения традиционно стала относиться к группе риска, так как уровень и качество жизни этой категории все чаще характеризуются как находящиеся на, а чаще даже за гранью бедности. Современные социально-экономические реалии транслируют необходимость решения обостряющихся проблем старших возрастных групп. Общечеловеческие гуманистические ценности являются фундаментом политических решений и конкретных мер помощи пенсионерам на межгосударственном и национальном уровнях. В отношении граждан, прекративших профессионально-трудовую деятельность в связи с выходом на пенсию, вопросы содержания и приоритетности мер государственной социальной политики находятся в прямой зависимости от специфики социально-экономического развития страны и определяются научно обоснованным критерием,

характеризующим остроту и значимость выдвигаемых в сложившейся социально-экономической ситуации проблем, исходя из материальных и целого ряда других ресурсов государства.

Социальное обслуживание пожилых людей, ориентированное только на возможность предоставления услуг, преследующих цель, заключающуюся в обеспечении максимально возможной независимости жизни пожилых людей в своем собственном доме, предоставлении тех или иных льгот, содействии посредством различных социальных служб разовому решению возникающих проблем, не является сегодня достаточно эффективным и не дает переступившим пенсионный порог людям возможности оставаться активными и полезными гражданами. Обостряющиеся вопросы финансовой незащищенности вследствие крайне низкого размера пенсий создают условия для снижения качества жизни пожилых людей. Обзор данной проблемы нельзя осуществлять односторонне, анализируя ее только с позиции необходимости поддержания и защиты пожилых граждан. Увеличивающаяся численность пенсионеров представляет собой существенную нагрузку на государственный аппарат и требует детального анализа и поиска инновационных стратегий социальной политики, направленных на решение проблем пожилых людей не только за счет средств, выделяемых на их содержание и обеспечение, но и за счет содействия их интеграции в общество посредством социальной, экономической, в том числе и трудовой активности.

Профессионально-трудовая занятость вышедших на пенсию граждан, несмотря на достаточно пристальное внимание, выдвигает множество еще не разрешенных задач и определяет все новые и новые перспективы рассмотрения данного вопроса. Например, традиционное определение возрастного периода жизни после 55–60 лет как старости в современных условиях не может считаться правомерным. Этот факт подтверждается общим увеличением жизни после достижения 55-летнего возраста, с одной стороны, и длительным периодом физической, профессиональной и эмоциональной сохранности вышедших на пенсию граждан – с другой. При этом само значение понятия «пожилое население» так и не получило в современной науке однозначного определения. Несмотря на большое количество научных работ, раскрывающих проблемы граждан старшего поколения и уделя-

ющих огромное внимание различным социальным феноменам, закономерным с точки зрения процесса старения общества, четкого разграничения между терминами «старый» и «пожилой» так и не произошло, идентификационные характеристики социальной группы пожилых так и остались до конца не изученными.

Анализируя данный аспект вопроса, необходимо выявить и определенные гендерные аспекты. Если исходить из общепризнанного мнения, что нижнюю границу пожилого возраста можно идентифицировать с момента выхода на пенсию (для женщин – 55 лет, для мужчин – 60), то мужчины пожилого возраста «падают» в данную категорию на пять лет позже. Примерно треть мужчин выходят на пенсию досрочно, в возрасте 55 лет, в связи со спецификой трудовой деятельности, осуществляемой во вредных условиях. Таким образом, достигая возраста 55 лет, мужчины в течение еще пяти лет пополняют категорию среднего возраста. Еще одним интересным фактом выступают многочисленные исследования, свидетельствующие о высокой сохранности женского организма и здоровья в течение всей жизни, с чем связано и то, что средняя продолжительность жизни у женщин больше. Прежние стереотипные представления о пенсионерах как иждивенцах опровергаются индивидуальными возможностями, способностями и желанием большинства пожилых людей продолжать трудиться на прежнем месте или заниматься иной социально продуктивной деятельностью в весьма преклонном возрасте. При этом большая часть граждан, подходя к пенсионному возрасту, по-прежнему чувствуют силу и энергию и совсем не желают прекращать работать. Насыщенный образ жизни заставляет весь организм работать на привычной волне. Геронтологические риски представляются жизненными ситуациями, в которые попадают или могут попасть в перспективе пожилые мужчины и женщины в современном обществе, так как располагают различными социальными ресурсами, имеют неоднородные интересы и исполняют различные социальные роли. Перспектива остаться после достижения пенсионного возраста без работы является одной из самых распространенных ситуаций риска в современном российском обществе.

Возможности государства в удовлетворении потребности в трудовой деятельности крайне низкие и, несомненно на все существующие законодательно установленные нормы, во многом зависят от возраста, здоровья, занимаемой должности, взаимоотношений между коллегами. Следует учитывать тот неопровержимый факт, что главным регулятором общественной жизни выступает государственная власть, поскольку именно она утверждает начала законности, равенства и свободы. При этом в отношении вышедших на пенсию граждан реализация государственной социальной политики сталкивается с необходи-

мостью разрешения некоторых вопросов общего и частного характера, среди которых необходимо выделить следующие: административные (отсутствие четкой концепции обеспечения жизнедеятельности пожилых людей, проблемы, связанные с изменениями законодательных актов и иных нормативно-правовых документов, затруднения координации деятельности специальных служб в интересах пожилых людей и т. д.); частные (географическая, территориальная доступность мероприятий, физическая возможность присутствия на них конкретного индивида). Все это в определенной степени оправдывает недостаточность и на сегодняшний день довольно низкую эффективность предпринимаемых государством шагов, направленных на улучшение качества жизни пожилых людей, положение которых по сей день достаточно критично и требует проведения значительной работы соответствующими службами. В связи с усилением внимания к проблеме старения делается акцент на необходимости сохранения статуса пожилых людей как социально активных членов общества.

В рамках социально-экономической политики государства в сфере профессионально-трудовой деятельности пенсионеров по возрасту необходимо осуществить комплекс мер, направленных на юридическую защищенность прав и закрепленных законодательством интересов пожилых граждан, а также на превенцию дискриминационных практик по возрастному признаку в профессионально-деловой сфере. Существующую базу законоположений, защищающих всех граждан, следует дополнить нормами по поддержанию прав пожилых лиц, нуждающихся в особой защите в виду того, что данная категория лиц может быть охарактеризована как группа риска.

Таким образом, обоснованной представляется обоюдная зависимость пенсионеров по возрасту от государства и государства от лиц, достигших пенсионного возраста. Вовлечение самих пожилых людей в решение собственных проблем и проблем сверстников, усиление их социальной активности, внедрение инновационного принципа социального партнерства в жизнь городского сообщества, основанного на обоюдной зависимости предприятий и организаций различных форм собственности, объединяющих свои усилия с пожилыми людьми и сообща продвигающихся к достижению поставленных целей, представляется оптимальным способом решения озвученной проблемы. Данная стратегия, с одной стороны, позволит пожилым людям оставаться активными членами профессионально-трудовой сферы, с другой – снизит нагрузку на государство, предоставляя вышедшим на пенсию гражданам самостоятельно решать существенную часть возникающих проблем как материальной, так и духовной сферы.

Это доказывают и результаты исследования, проведенного автором в 2014–2016 гг. в городах

Саратове, Марксе, Пензе, Тольятти, посвященного мотивации пролонгирования профессионально-трудовой деятельности достигших пенсионного возраста граждан. Исследование было проведено при помощи метода анкетного опроса с применением методики многоступенчатого квотно-пропорционального отбора. При формировании выборочной совокупности учитывались пол и возраст респондентов. Объем выборки составил 1200 респондентов. В анкете участникам предлагалось выбрать несколько ответов, поэтому общая сумма процентов больше 100. При анализе полученных результатов были выявлены следующие отличия.

Пролонгирование профессионально-трудовой деятельности после достижения пенсионного возраста определяют как необходимый фактор дальнейшей жизнедеятельности 84,2% опрошенных. Доход от профессиональной трудовой деятельности является преобладающим и позволяет гражданам самостоятельно себя обеспечивать. Данный вывод обосновывается результатами анализа ответов респондентов на вопрос «Какие из представленных источников дохода Вы считаете для себя возможными после выхода на пенсию?». Среди предложенных пяти позиций ответы респондентов распределились следующим образом: «продолжение профессионально-трудовой деятельности на прежнем месте» – 61,7%, при этом 32,9% сотрудников предполагали возможность понижения в должности, работу на 0,5 ставки; «поиск нового вида трудовой деятельности», развитие «своего дела» – 22,5% граждан; «государственная пенсия» выступила одним из источников дохода у 89,9% опрошенных, при этом только 51,7% считали ее основным источником; «помощь близких родственников» являлась возможным средством жизнедеятельности для 19,6% респондентов; «личные сбережения» рассматривали как возможный резерв 10,8% граждан.

Большинство опрошенных рассматривали профессионально-трудовую деятельность как неотъемлемую часть своей жизни. При этом были выявлены следующие мотивационные отличия: процентное соотношение ответов на вопрос «Что для Вас является стимулом к продолжению профессионально-трудовой деятельности?» менялось в зависимости от возрастных границ респондентов: от 67,3% в группе 55–60-летних до 32,4% среди опрошенных 60–65 лет. Это объясняется, с одной стороны, низким уровнем установленной государством пенсии, с другой – высокой трудовой активностью в течение первых пяти лет после достижения пенсионного возраста для мужчин и женщин и необходимостью обеспечивать материальную поддержку детей и внуков. При этом категория респондентов, выбравших ответ «продолжаю работать, чтобы иметь средства к существованию», преобладала и составляла 64,8%. Второе и третье места определили ответы респондентов «работа явля-

ется возможностью повышения социального статуса, позволяет сохранять активную жизненную позицию» – 48,2%, «необходимость оказывать материальную помощь детям и внукам» – 46,9%.

Примерно треть опрошенных в качестве факторов, способствующих стимулированию трудовой активности, отдали первенство вариантам «содействие государства в продолжении профессионально-трудовой деятельности» и «ориентация работы служб занятости, адресная работа по трудоустройству с вышедшими на пенсию гражданами». Количество респондентов, выделивших отмеченные варианты составило 39,2 и 39,7% соответственно.

Подавляющее большинство принявших участие в анкетировании граждан планировали продолжение профессиональной деятельности по специальности после выхода на пенсию. Ответы на вопрос «Какие виды профессионально-трудовой деятельности, на Ваш взгляд, возможны для пожилых людей на пенсии?» распределились следующим образом: вариант «продолжение прежней профессиональной деятельности по специальности» выбрали 69,1% опрошенных, «работа по новой, полученной после выхода на пенсию специальности (переобучение)» сочли возможной для себя 41,1% респондентов, готовы трудиться по «инновационным формам занятости (работа на удаленному доступу, гибкие формы занятости и работа на дому, периодическая сезонная занятость и т. д.)» 39,9% граждан. Этот момент является подтверждением того, что значительное место в структуре ценностных ориентаций вышедших на пенсию граждан по-прежнему отдается трудовой деятельности. Интересным в процессе проведенного исследования стал тот факт, что около половины респондентов считали значимой и возможной профессионально-трудовую деятельность, связанную с оказанием помощи и услуг старшей возрастной группе. Об этом свидетельствует распределение ответов на вопрос «С какими возрастными группами населения Вы предпочли бы работать в рамках своей профессии или в случае получения новой специальности (переобучения)?». Вариант «готов(а) работать со всеми возрастными группами населения» выбрали 53,2% респондентов, «хотел(а) бы посредством профессиональной деятельности обеспечивать взаимосвязь между поколениями» – 31,6%, «считаю важным в рамках профессиональной деятельности оказывать помощь и поддержку людям старшей возрастной группы» – 49,2% респондентов. Последний показатель в ходе проводимого исследования представляется очень важным, поскольку позволяет посредством задействования пожилых граждан в профессионально-трудовой деятельности не только способствовать сохранению межпоколенческого диалога, но и решать многие социально-экономические проблемы пожилых людей с помощью самих же представителей данной возрастной группы. Данная стратегия

является инновационной и пока не находит активного внедрения, хотя ее истоки имеют давнюю историю своего существования (советы старейшин, профсоюзные организации ветеранов на предприятиях и т. д.). Обладая значительным профессиональным опытом и имея огромные знания в рамках целого ряда специальностей, многие вышедшие на пенсию граждане могли бы оказывать услуги своей категории граждан (юридические консультации, составление и ведение документации, профессиональное обучение и переобучение, а также обеспечение досуга пожилых людей). Об этом свидетельствуют ответы респондентов на вопрос «Какие виды профессионально-трудовой деятельности Вы считаете приемлемыми для себя?». Возможность оказывать различные «консультационные услуги» в сферах своей прежней профессиональной деятельности выбрали 63,2% респондентов, «ведение документации, составление отчетов» отметили 49,6% опрошенных, «услуги в сфере образования» готовы оказывать 41,3%, работать в сфере «оказания социальной помощи и поддержки различных категорий граждан» выразили готовность 30,2%, заниматься организацией «сферы досуга и культурно-массовых мероприятий» – 22,8% опрошенных.

Пожилые люди в силу целого ряда причин вынуждены продолжать трудиться после выхода на пенсию. И эффективность проводимых государством мер по обеспечению возможности вышедшим на пенсию гражданам пролонгировать свою профессионально-трудовую деятельность, применение инновационных форм и методов интеграции представителей позднего возраста в трудовое пространство может выступать одним из показателей продуктивности процесса управления государством. Потребность в содействии на государственном уровне профессионально-трудовой занятости пенсионеров по возрасту, необходимость разработки инновационных стратегий и внедрения инновационных форм занятости вышедших на пенсию граждан отмечают почти все респонденты. Это доказывают ответы опрошенных на вопрос «Какие из перечисленных вариантов содействия профессионально-трудовой деятельности вышедших на пенсию граждан Вы считаете значимыми?». «Внедрение инновационных форм занятости (гибкий график работы, возможность выполнения профессиональной деятельности вне рабочего места, периодическая (сезонная) занятость)» было актуально для 94,7% опрошенных; «необходимость расширения спектра образовательных услуг в сфере повышения квалификации и переквалификации» назвали приоритетной 59,1% граждан; «гибкие формы кредитования, льготы для начинающих «свое дело» определяли необходимым фактором 29,7% граждан.

Результаты проведенного исследования позволяют судить о преобладании у сотрудников пенсионного возраста установки на пролонгирование профессиональной деятельности. Имея

желание, возможность, а самое главное, продиктованную самой социально-экономической ситуацией необходимость в сохранении трудовой активности, достигшим пенсионного возраста гражданам необходимо чувствовать поддержку государства и рассчитывать на готовность пойти навстречу их возможностям и жизненным потребностям. Именно поэтому обращение взгляда государственных структур на проблемы пожилых граждан, разработка инновационных подходов и стратегий в сфере профессионально-деловой занятости граждан, достигших пенсионного возраста, позволят не только снизить нагрузку на государство, но и дать возможность вышедшим на пенсию гражданам оставаться активными членами социума.

В связи с вышесказанным необходимо определить и содержательно охарактеризовать следующие инновационные стратегии государственной политики.

1. Разработка и внедрение адресных нормативно-правовых рамок для содействия в пролонгировании профессионально-трудовой деятельности пенсионеров по возрасту. Это позволит избежать дискриминационных практик при приеме на работу и непосредственно в процессе осуществления повседневной профессиональной деятельности сотрудников. Законодательные нормы должны закреплять специфику осуществления профессиональной деятельности сотрудников пенсионного возраста, учитывать необходимость чередования времени труда и отдыха, регламентировать работы по гибкому графику, возможности выполнения определенных профессиональных видов деятельности на дому, работу по удаленному доступу, периодическую сезонную занятость и т. д.

2. Формирование информационно-образовательной среды, условия которой соответствуют потребностям вышедших на пенсию граждан. Внедрение профессиональных тренингов, позволяющих проявить свои знания и деловые качества, образовательных программ, нацеленных на процесс адаптации к новым формам трудовой занятости. Формирование общепрофессиональных компетенций, способствующих раскрытию новых профессиональных возможностей сотрудников третьего возраста. Поддержание инициатив, содействующих продуктивному диалогу между поколениями в профессионально-деловом пространстве.

3. Развитие консультационных и кредитных практик целевой поддержки предпринимателей пенсионного возраста. Данное направление социальной политики государства позволит пожилым гражданам обрести экономическую независимость, оставаться интегрированными в трудовую среду. Консультативные практики могут проводиться в форме семинаров, лекций, мастер-классов (с привлечением юристов) и раскрывать специфические стороны предпринима-

тельства. Возможность воспользоваться гибкой системой кредитования, более длительными сроками погашения кредитов, снижением процентных ставок позволит пенсионерам обрести уверенность в собственных силах, повысить самозанятость данной группы населения.

4. Разработка и внедрение социально ориентированных проектов, социальных инициатив и повседневных практик в интересах пожилых людей с участием некоммерческих организаций, бизнес-структур. Это позволит в дальнейшем стимулировать и поддерживать активную жизненную позицию людей старшего поколения, так как будет способствовать развитию инновационных форм социального обслуживания, в том числе различных образовательных и досуговых программ: вокалотерапии, фототерапии, социального туризма, творческих мастерских, литературно-музыкальных объединений, конкурсов, спортивно-оздоровительных мероприятий и т. п.; создавать условия для самореализации вышедших на пенсию граждан и содействовать продлению активного периода их жизни, в том числе посредством вовлечения данной группы населения в различные формы активного и познавательного досуга.

5. Усиление внимания государственных структур и общества в целом к социальной проблеме взаимной интолерантности, превенции дискриминации по возрасту и конфликтов поколений. Одна из глобальных задач современной социально-экономической политики государства состоит в формировании в обществе уважения к «личности пожилого человека»; обеспечении поддержки наиболее уязвимых категорий пожилых людей, основанной на консолидации ответственности государства и общества. Рационализация государственной политики, обращение внимания на возрастные аспекты профессионально-трудовой деятельности будут в перспективе способствовать снижению дисбаланса социальной уязвимости, повышению социальной компетентности граждан указанной возрастной категории, помогут развивать способности установления социальных контактов и взаимодействия в различных, в том числе профессиональных социальных группах. Пожилые люди получают возможности творческой самореализации, личностного самоопределения, профессионального роста, стремления к расши-

рению социальных связей и освоению новых профессионально-деловых и социальных ролей.

XXI в. неизбежно внесет свои коррективы: старение работоспособного населения создаст немало новых проблем во многих странах, исключением не станет и Россия. Демографические процессы, связанные с глобальным постарением общества, и в дальнейшем будут активизировать необходимость трансформации геронтологических стереотипов, обострять потребность в активизации и поиске новых социальных технологий пролонгирования активности представителей данной возрастной группы. Инновационность всякий раз означает преодоление постепенности, скачок, поступательность². В связи с этим необходимы кардинальные перемены в сферах социально-экономического положения пенсионеров по возрасту, обеспечение духовного и материального благополучия данного периода, защищенности представителей позднего возраста государством от трансформационных рисков, которым способствуют сформировавшиеся в современном обществе негативные установки, стигматизация образа пожилого человека. Самые важные, требующие неотложных решений проблемы – это преодоление сложившегося стереотипа о трудоспособном возрасте, расширение прав и возможностей для реализации потенциала пожилых людей, разработка и осуществление инновационных программ их профессиональной подготовки и переподготовки. Центральное место при этом должен занимать принцип социально приемлемого и реально возможного совмещения полноценного участия пенсионеров в общественной жизни, правозащиты их общественными и государственными институтами, гарантии правовых условий для удовлетворения их потребностей и реализации накопленного в течение жизни потенциала.

Примечания

- ¹ См.: *Елютина М. Э., Трофимова О. А.* Конструирование исследовательского дизайна в современной социологии старости // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2015. Т. 15, вып. 4. С. 28–33.
- ² См.: *Борцов А. С.* Особенности инновационного развития // Современные стратегии социальных и гуманитарных исследований : сб. науч. ст. Саратов : КУБиК, 2015. С. 5–8.

Образец для цитирования:

Петрова Ж. В. Профессионально-трудовая занятость пенсионеров: геронтологическое направление социальной политики // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 156–160. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-156-160.

Cite this article as:

Petrova Zh. V. Professional and Labour Employment of Pensioners: Gerontological Direction of Social Policy. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 156–160 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-156-160.

УДК 316.733

ФОРМИРОВАНИЕ РАСИСТСКИХ УСТАНОВОК В ОБЩЕСТВЕ ПОСРЕДСТВОМ ПОВСЕДНЕВНОГО ДИСКУРСА (на примере Германии)

Н. В. Шеляхина

Саратовский социально-экономический институт (филиал)
Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова
E-mail: s_nataliya@inbox.ru

В статье поднимаются вопросы возрождения расистских установок в западном обществе на примере Германии. В качестве одной из важнейших предпосылок возникновения расизма называется агрессия по отношению к представителям других этничностей, выражаемая в языковой форме. В результате проведенного контент-анализа одного из немецких форумов составлен глоссарий уничижительных, оскорбительных обозначений для мигрантов в Германии.

Ключевые слова: языковой расизм, миграция, экстремизм, толерантность, этнолингвистика.

Background for Racism Development in Society Through Everyday Discourse (on the Example of Germany)

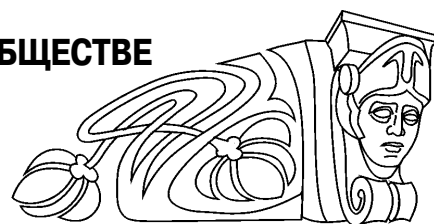
N. V. Shelyakhina

The article raises the questions of the revival of racist attitudes in the Western society on the example of Germany. Aggression towards people of other ethnicities expressed in linguistic form is considered as one of the most important prerequisites for the racism emergence. As a result of the content analysis of one of the German forums, the glossary of derogatory offensive nicknames for migrants in Germany is presented in the paper.

Key words: language racism, migration, extremism, tolerance, ethnolinguistics.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-161-165

Вопросы миграции, смешения культур становятся все более актуальными в современном обществе. В связи с нарастанием фобий, агрессии к иностранным рабочим, мигрантам трансформационным процессам подвергается и современный язык, в котором находят отражение социальные установки по отношению к данным гражданам, что влечет появление в языке оскорбительной, уничижительной лексики, относящейся к мигрантам или вообще к представителям других рас. За последний год, к сожалению, в связи с изменениями социально-политической ситуации в мире отмечается эскалация агрессии, неприязни к представителям других наций, ожесточение межнациональных конфликтов даже между родственными, близкими народами, имеющими общие корни. Данные процессы находят моментальную реакцию в языковых процессах, а именно в распространении расистских экстремистских лозунгов, оскорбительных обозначений по отношению к другим национальностям.

Ареной для возрождения радикальных течений становится, к сожалению, Германия как одна из самых популярных стран для мигрантов в Европе. Регулярно проводятся прорасистские марши, совершаются поджоги в мигрантских кварталах, развиваются молодежные экстремистские движения, ксенофобские настроения, в целом в обществе прогрессируют социальная ненависть, расовая неприязнь, выплескивающиеся в крайне агрессивные формы.

Вместе с тем отметим пассивную позицию законодательных и властных органов Германии по отношению к преступлениям на почве расизма. Наблюдается некое нежелание связывать рост социальной агрессии с развивающимся расизмом в обществе, иногда даже создается впечатление, что в стране поддерживаются и поощряются данные радикальные действия и высказывания¹. Для немецкого современного общества характерным является рост исламофобских настроений. По данным исследования немецкого фонда, для 57% немусульман Германии ислам представляет угрозу, а 61% полагают, что ислам не сможет ассимилироваться в европейском обществе. В сложившейся обстановке турки видят угрозу для себя, и, как следствие, происходит их массовое возвращение на историческую родину. Особенно пугает турков движение PEGIDA «Патриотичные европейцы против исламизации Запада»².

Сталкиваясь с «иными», непохожими на членов своей группы индивидами, возникают предрассудки на почве расизма, сексизма, формируемые в обществе медийными установками, практиками сегрегации в социальных институтах, порождающие агрессию, неприязнь, ненависть, в том числе расовую, к внешне иным людям. Здесь играют роль как социальные стереотипы, конструируемые обществом, так и эмоциональные установки по отношению к определенным социальным группам, стремление упростить восприятие окружающей среды в поиске «виноватых», а также способы самореализации, самоутверждения своей позиции за счет представителей других групп как выражения социального превосходства³. Таким образом формируется сплоченность внутри своей группы на основе неприязни к другой. Стимулирует внутригрупповую сплоченность также ситуация межгруппового соревнования, возникающая при стремлении утвердить свое превосходство над индивидом за счет достижения более высоких позиций в каком-либо отношении.

Мы опираемся в нашей рефлексии на теорию М. Дойча, согласно которой межличностные действия внутри группы основаны либо на кооперации, либо на конкуренции: при установках на сотрудничество достигается большая сплоченность внутри группы, эффективнее реализуется достижение общей цели; при установке на конкуренцию, напротив, действует разрушительно на связи. Те же положения относятся и к межгрупповым взаимодействиям, при которых установки на диалог дают больший эффект, чем при установках на конкуренцию, что порождает конфликты⁴. Таким образом, важное значение при сплоченности группы имеют установки на сотрудничество, кооперативные действия для достижения общих целей. Несомненно, согласно вышеприведенным теориям симметрии аттитюдов, мотивации, кооперации внутри группы формируется сплоченность внутри социальной группы, что тоже соотносится с действиями внутри виртуальных сообществ соцсетей, где также наблюдается сплочение членов группы на основе мотивации, кооперативных действий при достижении общих целей либо сплочение пользователей на основе неприязни к другой социальной группе или группам.

Но интереснее всего оказывается тот факт, что существующее напряжение в обществе имеет свои истоки в далеком прошлом и назревало десятилетиями. И данную ситуацию отражает этнолингвистический контекст наших исследований: межэтническая неприязнь очевиднее всего выражается вербальным способом, а именно в оскорблениях и уничижительных обозначениях выходцев из других стран. Настоящее положение дел сложилось не за один день, а безобидные и шуточные прозвища трансформировались в оскорбления, лозунги на политических митингах, маршах и шествиях. И сейчас появились новые, ужасающие по степени вложенной ненависти, прозвища – «колорады», «ватники» и т. д.

Но данные установки возникли не за один день и не за один год: конфликт назревал очень давно, и это наглядно отражено в языке прежде всего. Нами были предприняты попытки установить некий глоссарий обозначений для мигрантов как предпосылка развития ксенофобских установок в Германии как страны, где сейчас происходит молчаливое попустительское проявление различных форм дискриминации мигрантов, возрождается движение неонацизма, способствующие дальнейшему разжиганию расовой ненависти. Данное исследование было проведено в 2013 г. на основе контент-анализа немецкоязычного сайта «Weg-weiss-was», на форуме которого был задан вопрос, какие уничижительные, презрительные обозначения мигрантов вращаются в обиходе современного немецкого языка? В ходе контент-анализа были установлены следующие обозначения для мигрантов или же иностранцев.

Прежде всего презрительные обозначения в Германии характерны для иностранных граждан арабского, азиатского или африканского происхождения. Для турков существует презрительное Kummeltürken (турецкий иностранный рабочий). Kummel означает тмин, этимология, возможно, связана с обильным употреблением тмина турками в пищу. Изначальное, устаревшее пренебрежительное значение этого слова – провинциал, филистер. Также крайне уничижительное обозначение для людей турецкого или арабского происхождения – «канаки» (Kanaken). (В английском kanaka – туземный рабочий сахарных плантаций.)

Оскорбительный оттенок имеют расистские выражения «лакрица», «брикет» для людей с темным цветом кожи. Расистское обозначение индивидов с кожей, имеющей темный цвет, – «обезьяны». В этом случае имеется много различных презрительных обращений, самое распространенное из которых – «негр» или еще более негативное – «нигер».

Обращение «косоглазые» характерно прежде всего для китайцев и других выходцев из Восточной Азии. Японцев называют «япсы» (Yapsen). В новых федеральных землях распространено обозначение «фиджи» (Fidschi) для лиц вьетнамского происхождения⁵. В словаре Дудена приводится следующее толкование Фиджи: «группа островов в юго-западной части Тихого океана, а также население этого островного государства и их язык». Однако данное обозначение используется и как уничижительное ругательство для граждан с азиатской внешностью, выходцев из Индокитая, прежде всего вьетнамцев. Этимология данного обозначения скорее всего связана со схожестью звучания географических названий «Фиджи» и «Вьетнам» (Fidschi und Fidnam). Презрительное обращение к людям с Ближнего Востока – дословно «глаза из нефти» (Ölauge). «Головы-ящики» (Kastenköpfe) применяется для мигрантов из азиатских стран бывшего Советского Союза. «Пожиратели бананов» (Bananenfresser) употребляется как ругательство для латиноамериканцев.

«Ботинки со шнуровкой» (Schnürschuhkammeraden) раньше использовали для австрийцев, сейчас же скорее для нацистов. Обращение «товарищ со шнуровкой» возникло в Первую мировую войну, когда немецкие солдаты так называли австрийских товарищей по оружию, которые носили сапоги со шнурками, в отличие от немцев, носивших голенища. Для австрийцев также существуют еще более оскорбительные обозначения, образованные с помощью вульгарных глаголов, такие как Klippenkotzer, Schluchtenscheißer (от ругательства Scheiße). Последнее многие расценивают скорее как забавное, нежели дискриминирующее. Данные обозначения связаны с географическим ландшафтом Австрии: Schlucht – ущелье

лье, Klippe – скала. Вторая часть слова – kotzen – переводится как «рвать» (тошнить). В адрес австрийцев также употребляется обозначение Schluchtenjodler, передающее национальный колорит данной страны: первая часть слова обозначает «ущелье», вторая – этническое пение с переливами.

В некоторых местностях слово «русский» уже является ругательством. Для беженцев из бывшей ГДР существует обозначение «жалкий беженец» (Elendsflüchtlinge). Для итальянцев принято обозначение «итакер» (Itaker). В южном Бадене итальянцев называют «чинки» (Tschinken). Это название зародилось, когда итальянские гастарбайтеры во время обеденного перерыва или после праздничного ужина играли в карточную игру Cinque Amore, во время которой выкрикивалась цифра «пять» («Cinque»). Итальянские мигранты появились там уже на стыке XIX и XX столетий во время строительства железной дороги и туннелей. Некоторые семьи остались в этой местности, где впоследствии появились сочетания типично немецких имен и итальянских фамилий, например Дитер Бьяччини. В просторечии потомков таких семей называют «туннельные чинки» (Tunnel-Tschinken). Также для итальянцев распространено презрительное обращение «пожиратели спагетти» (Spaghettifresser). Катцельмахер – Katzelmacher – устаревшее обращение к итальянскому мигранту (бывшее обозначение профессии). Сейчас это грубое сленговое обращение к иностранному рабочему из Южной Европы. Название «Катцельмахер» носит снятый в 1969 г. германский фильм о гастарбайтере из Греции, которого третирует группа молодежи из мюнхенского предместья. Кстати, в фильме используется оскорбление «греческая собака».

Для американцев принято сокращение «ами» (Ammi). Также существует обозначение Polacken (поляки), что совпадает с звучанием нации на русском, вместо немецкого Polen. В шведском, как и в русском, языке это общепринятое нейтральное обозначение для нации, в Германии же оно имеет негативный оттенок. Голландцев иногда называют «сырные головы» (Käsköpfe). «Пожиратели улиток», «...лягушачьих лапок» – прозвища французов. При желании серьезно оскорбить француза к нему обращаются «францак» (Franzack). В местности Кель (Баден) малоприятным обращением для француза является Wackes или Wackesse (ненормальный). Это распространено у западной границы во Фрайбурге, Маркгрэфланде и используется только среди старшего поколения. «Обезьяны с острова» (Inselaffen) используется как обозначение для британцев.

Тем не менее, существуют обращения, которые со временем теряют оскорбительные оттенки и используются для выражения некой этнической гордости. Например, таким словом

является «чучи» (Tschuschen) – это обозначение медленно, но верно приобретает нейтральный оттенок. Так называют себя дети и внуки бывших югославских гастарбайтеров. Подобное происходит и с понятием «канаки», хотя скорее это прижилось только в молодежной культуре. В Австрии «чучами» называют всех выходцев из других стран, иногда это прозвище конкретизирует чехов, персов, арабов.

Таким образом, очевидно, что прозвища, касающиеся национальностей, имеются не только относительно мигрантов с темным цветом кожи и стран третьего мира, но и из соседних благополучных европейских стран. Кроме того, прозвища друг для друга – забавные или насмешливые – имеют и собственно немцы из различных федеральных земель. Так, жителей Северной Германии, в частности Гамбурга, в остальной Германии называют «рыбные головы» (Fischköpfe). В Мюнхене приезжих называют «цугросты» (Zugroaste) – дословно «приехавшие на поезде». Все небаварцы для баварцев являются «прусаками» на их диалекте (Preißen). Сегодня это название имеет шуточный оттенок, для усиления пренебрежения по отношению к небаварцам используется обозначение Saupreißen (где Sau – свинья). Баденским эквивалентом здесь выступает «ригшмекта» (Riigschmeckta (диал.)) в значении «смешанный, небаденский».

Итак, выделяется целый глоссарий обозначений, принятых для иностранцев, мигрантов, а также самих немцев из разных областей Германии:

- темные немцы – Dunkeldeutsche – индивиды с темным цветом кожи;
- бимбо – Bimbos – тип;
- фиджи – Fidschis – вьетнамцы;
- поющие с переливами в ущельях – Klippenkotzer, Schluchtenjodler – австрийцы;
- «братья» – Brüder;
- «брикетты» – Briketts – «черные»;
- Amerikanski;
- Franzmänner;
- «спагетти» – Spagethis – итальянцы;
- «всезнайки с Запада» – Besserwessis (основано на игре слов Besserwisser (всезнайка) в сочетании с Wessis (немцы из бывшей ФРГ)). После падения берлинской стены немцы по обе ее стороны стали называть себя «осси» (Ossis – «восточники») и «весси» (Wessis – «западники»). А поскольку западные немцы после переворота многое перестроили и восстановили в бывшей ГДР, возникло ощущение, что они все знают лучше «восточников» (также в силу своего более самоуверенного менталитета);
- чертовы прусаки – Saupreiß – все небаварцы в Баварии;
- колбасники – Weisswurschtler – баварцы (от Weisswurst – вареная телячья колбаса, производящаяся на Юге Германии);

провинциалы, деревенщина – Hinterwäldler, Provinzler;

саксы – Sachsen – саксонцы;

«рыбные головы» – Fischköpfe – северные немцы;

Ösis – австрийцы.

Несмотря на то что в Австрии государственным языком также является немецкий, в стране, не менее привлекательной для мигрантов, существуют свои прозвища для иностранцев. Помимо вышеупомянутых «чужей» распространены также:

юги – для югославов;

кюммельтурки;

балканцы;

кравоты – хорваты или в общем выходцы из стран Юго-Востока;

цыгане – румыны;

«погонщики ослов» или «...мулов» – выходцы с юга Балканского полуострова или в общем южных стран;

«погонщики верблюдов», «муллы» – арабы;

«босоногие» – мигранты из южных стран,

Африки, стран третьего мира;

«узкоглазые» – Schlitzauge – азиаты;

«пожиратели риса» – азиаты в целом, в частности японцы и китайцы;

«бахвал», «воображала», «хвастун» – Piefke – немцы;

«ами» или «долбанные ами» – Ami oder Scheißami – американцы;

поляки;

«итакеры» – итальянцы;

«ромункели» – румыны;

«валахи» – выходцы из стран бывшего Восточного блока, собственно из Валахии – историческая область на юге Румынии, между Карпатами и Дунаем; делится рекой Олт на Мунтению (Большую Валахию) и Олтению (Малую Валахию);

негры – выходцы из Африки или Карибского залива;

«угольные мешки» – африканцы;

мавры – темнокожие;

«банановые медведи» – мигранты из стран Карибского залива и Центральной Америки.

Общими обозначениями являются «грязный сброд», «чертовы иностранцы» (Scheißausländer), новички («приехавшие на поезде» Zuagroaster), а также «бимбо», «мавры» (Murl, Mohr) для темнокожих. Социальные паразиты, халявщики, тунеядцы, прихлебатели, народные вредители (Sozialschmarotzer) – так презрительно называют беженцев, мигрантов в общем. Один из участников форума отмечает, что 14 лет назад в политический дискурс Германии вошли обобщающие диффузные, дискредитирующие лозунги, в том числе обозначение «социальный паразит», касающиеся мигрантов, тогда Европа наложила санкции на Германию, сейчас же данный дискурс снова в моде в большей части Европы, и не-

которые политики намеренно обращаются к этой теме для разжигания страха и экстремистских установок в обществе. В ходе интервью с женщиной-соработником из Германии было установлено, что крайне экстремистское расистское обозначение «скоты» (Viehzeug) в адрес гастарбайтеров используется неонацистами, где отражена установка к ним как к индивидам низшего сорта.

В разговоре подтвердилось, что проблема дискриминации, расизма в Германии существует. Понятно, что наиболее агрессивную позицию здесь занимают экстремистские молодежные субкультуры, в частности неонацисты, чья агрессия выражается как в оскорблениях, так и в демонстрации физической силы – в групповых нападениях, даже убийствах. Причем проблема неонацизма острее стоит в Восточной Германии, нежели в Западной.

Один из участников форума, живущий у восточной границы с Чехией, ссылается на исследования, проведенные в этой области, показывающие, что лишь минимальный процент (0,08%) рабочих мест занят приезжими, а также число и тяжесть преступлений не возросли в связи с ускорением миграционных процессов. Количество индивидов, злоупотребляющих социальными услугами, среди иностранцев меньше, чем среди коренных жителей. Из всего вышеописанного становится очевидно, что мигранты не представляют явной угрозы для местного населения, это осознают многие участники форума, понимающие, что иностранные рабочие приезжают в Германию, прежде всего, за более высокой оплатой труда. В одном из постов на форуме выражается мнение, что общество входит в ту фазу развития, когда проводить какой-то период жизни в качестве гастарбайтера считается вполне естественным процессом, на который надо смотреть как на обогащение социальной жизни, вместо того чтобы поддаваться социальным страхам.

Итак, согласно данному глоссарию, очевидно, что в повседневный обиход в Германии вошли презрительные и даже оскорбительные ругательства по отношению к мигрантам. Возникли они с увеличением количества мигрантов в стране и закрепились в языке с нарастанием социальной агрессии и расовой неприязни к представителям иных этничностей. Глоссарий наглядно отражает современные враждебные установки по отношению к мигрантам, индивидам, представляющим малочисленные народы в принимающем обществе. Результаты этих настроений мы наблюдаем в данный период времени, где оскорбительные прозвища используются в качестве лозунгов в различных расистских акциях и в дальнейшем являются инструментом для разжигания межэтнических конфликтов и вооруженных столкновений в ходе геополитических манипуляций.

Примечания

- ¹ См.: Комиссия по борьбе с расизмом критикует Германию. URL: <http://inosmi.ru/world/20140226/217924641.html> (дата обращения: 04.03.2015).
- ² См.: Адилгызы Л. Марши PEGIDA пугают турок в Германии. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2015/01/150112_pegida_fears_turks (дата обращения: 04.03.2015).
- ³ См.: Myers D. G. Social Psychology. 7th ed. 2002. URL: <http://bookitut.ru/Soczialjnaya-psikhologiya.html> (дата обращения: 29.04.2015).
- ⁴ См.: Deutsch M. A theory of co-operation and competition // Human Relations. 1949. № 2. P. 129–152.
- ⁵ См.: Duden – Das grösste Wörterbuch der deutschen Sprache : in 10 Bänden. 3 Auflage, Band 3. Mannheim : Dudenverlag, 1999.

Образец для цитирования:

Шеляхина Н. В. Формирование расистских установок в обществе посредством повседневного дискурса (на примере Германии) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 161–165. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-161-165.

Cite this article as:

Shelyakhina N. V. Background for Racism Development in Society Through Everyday Discourse (on the Example of Germany). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 161–165 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-161-165.

УДК 60.5

СОЦИАЛЬНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В СИСТЕМЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ ПРЕДПРИЯТИЯ

Т. М. Баландина

Саратовский социально-экономический институт (филиал)
Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова
E-mail: balandinatm@gmail.com

В статье исследованы концепции социальных коммуникаций, парадигмы организационной культуры, интегрируется теоретический контекст взаимозависимости развития социальных коммуникаций и организационной культуры на современном предприятии. Обосновывается, что в условиях роста неопределенности и динамичности культурного пространства организации необходимо формирование новой инновационной организационной культуры.

Ключевые слова: социальные коммуникации, организационная культура, саморазвитие, инновации, персонал, ценности.

Social Communications in the System of Organization Managerial Culture

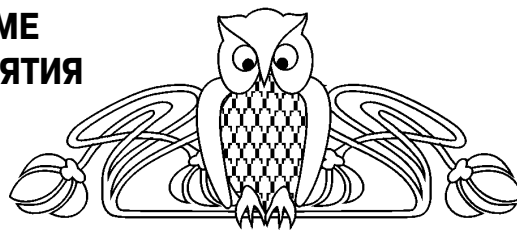
T. M. Balandina

The concepts of social communications and managerial culture paradigm are researched in the article. It interprets theoretical context of interdependence between social communications' development and managerial culture in modern organization. It gives proof that it is necessary to form new innovational managerial culture in conditions of uncertainty and dynamic of cultural area development.

Key words: social communications, managerial culture, self-development, innovations, staff, values.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-166-169

Обращение к рассмотрению социокультурного развития организационных систем через призму коммуникационных изменений характерно для современной социологии. Именно трансформация коммуникационного пространства является содержательной основой новой теории организационных изменений. Однако плюрализм современной социологической мысли оборачивается неопределенностью в ее отдельных разделах, отсутствием интеграции исследований процессов динамичных изменений коммуникационного пространства общества, а также обновления организационной культуры на современных предприятиях. Одновременно анализ закономерностей «развития коммуникационного пространства, пронизывающего все сферы жизнедеятельности общества и собирающего их в единое целое, чаще всего остаются за пределами исследовательского внимания. Даже формирующаяся новая отрасль социального знания – коммуникативистика – не восполнила пока эту лауну»¹. Проявляется противоречие, согласно которому, с одной стороны, становит-

ся общепринятым рассмотрение частных социокультурных процессов через призму социальных коммуникационных изменений, с другой стороны, в научных исследованиях не представляется анализ тенденций развития коммуникационного пространства общества в целом, не определяется влияние коммуникаций на системные сферы жизнедеятельности общества, организационную культуру как его важнейший подсистемный компонент.

Для преодоления данного противоречия рассмотрим теории социальных коммуникаций, концепции организационной культуры, интегрируем теоретический контекст взаимозависимости развития социальных коммуникаций и организационной культуры на современном предприятии.

Парадигма организационной культуры разработана в США в 80-е гг. прошлого века. В это время концепции социального менеджмента, теоретические доктрины коммуникативного планирования, теории организационных систем, общей социологии явно не справлялись с решением проблем социального развития предприятий. Разрешение кризисных ситуаций ученые видели в формировании новой социологической концепции социокультурного развития организации, совершенствовании корпоративной культуры, конструировании необходимых культурных ценностей работников как показателей развития человеческого капитала предприятия. В данный период в научных исследованиях впервые представляются идеи, определяющие современную теорию и практику организационной культуры предприятия.

В последующем разрабатываются методологические основы анализа организационной культуры в рамках социального коммуникационного пространства. Социологи приходят к выводу, что организационная культура отдельных предприятий и их коммуникационные системы становятся важным направлением исследования социальной науки. В этой связи отмечается, что культура организации имеет не только общесоциальное, но и социально-коммуникационное проявление. Формируется традиция рассматривать организационную культуру как культуру работников предприятия, определяемую ценностями, коммуникационными практиками и другими атрибутами, принадлежащими организационно-

му социуму и представляемую «преимущественно неформальными социальными отношениями участников организации»².

Современные ученые раскрывают связь коммуникационных, духовных и социальных проявлений организационной культуры³. Обосновывается вывод, согласно которому социальная форма культуры определяет качественные особенности осуществления людьми своей трудовой деятельности, практик организации коммуникационных связей в рамках изменяющейся системы социальных ценностей, норм, принципов, ролей⁴. Акцент делается на то, что в процессе проявления организационной культуры коммуникации приобретают форму социальных связей и взаимозависимостей. Они проявляются в форме социальных отношений по совместному взаимодействию людей. Коммуникации обеспечивают эффективные действия и взаимодействия «в социальных группах, общностях, сообществах (корпорациях) в процессе их жизни и деятельности»⁵.

Несложно заметить, что в контексте данного методологического подхода культурное пространство общества, как и отдельной организации, имеет коммуникационный и социокультурный компоненты. Коммуникационная составляющая включает в себя информационные системы, образуемые в результате реализации совокупности коммуникационных актов. Последние – это относительно завершённые операции смысловых взаимосвязей и взаимодействий, осуществляемых неизменными (одними и теми же) участниками коммуникаций. Совокупные коммуникационные акты, с одной стороны, являются проявлением той или иной формы организационной культуры, с другой стороны, они отражают конкретные социокультурные процессы и действия акторов труда. Данные процессы определяют: 1) социокультурную реализацию субъектов коммуникационного процесса – отправителей (коммуникаторов) и получателей (реципиентов) информационных сообщений; 2) проявление средств коммуникации (коды, используемые в знаковых формах, информационные потоки), каналы сообщения (средства информационной передачи); 3) предмет коммуникации (знания); 4) «эффекты коммуникации – последствия коммуникации, выраженные в изменении внутреннего состояния субъектов коммуникационного процесса, в их взаимоотношениях или в их действиях»⁶.

Таким образом, организационная культура – это не только сложная системная субстанция, характеризующаяся ценностями, традициями, нормами, этикетом, ментальностью работников, но и коммуникационные акты, представляющие относительно цельные операции смысловых вертикальных и горизонтальных взаимосвязей и взаимодействий, осуществляемых неизменным составом участников коммуникаций. Организа-

ционная культура характеризует культурное пространство организации. Она определяется двойственным комплексом: с одной стороны – это социальные модели и стили коммуникационного взаимодействия, образцы трудовой деятельности, характеризующие работников отдельных организаций; с другой – система ценностей, коммуникационных практик, ментальности, которые отличают работников данной организации по отношению к другим организациям.

Можно сделать промежуточный вывод о том, что неопределенность и динамичность внешнего и внутреннего пространства организации являются фактором формирования новой формы инновационной организационной культуры. Администрация современного предприятия вынуждена конструировать ценности инновационного развития персонала, мотивировать работников на поиск, обработку и внедрение новых знаний, обновление форм коммуникационного взаимодействия. Активно развиваются ценности организационного самообучения и самоорганизации. Само современное предприятие внешне проявляет себя как динамично развивающаяся инновационная система. Последняя имеет пять основных функциональных черт: 1) ориентация на систематический поиск, развитие и обновление современных коммуникаций; 2) постоянное выявление проблем трудового развития; 3) оптимизация коммуникаций и поиск новых знаний, внедрение их в процессе труда; 4) систематическое обучение работников.

По сути, базовые содержательные компоненты инновационной системной организации связаны с оптимизацией коммуникационных систем и поиском, обработкой и внедрением знаний, а также образовательным развитием профессионального потенциала работников. Внедрение новых знаний осуществляется на основе изучения опыта предыдущих коммуникаций, практик передачи, хранения и использования информации, предыдущих моделей и истории организационного коммуникационного взаимодействия, а также обучение на основе использования успешного коммуникационного опыта, современных достижений трудового взаимодействия.

Данные промежуточные выводы подтверждаются результатами анализа эмпирических исследований на современных предприятиях. Так, в результате исследования «Трансформация организационной культуры современной обучающейся организации», проведенного на ОАО «Пивкомбинат “Балаковский”», а также ОАО «Мясокомбинат “Балаковский”» (N = 601), выявлены тенденции, определяющие формирование инновационной организационной культуры работников.

На данных предприятиях внедряется новая система коммуникаций, 83% персонала постоянно обновляют коммуникационные практики, повышают уровень своего профессионального

потенциала. Подавляющее большинство обследуемых работников указывают на то, что они не только имеют потенциал обновления коммуникации трудового взаимодействия, но и систематически внедряют новые коммуникационные технологии в процессе трудового взаимодействия.

Основную ценность трудовой деятельности 45% респондентов связывают с возможностью получения высокой заработной платы, 43% работников полагают, что в современных условиях резко возрастает значение ценности образовательного профессионального развития, адаптивного применения новых профессиональных знаний, приобретенных способностей в процессе трудовой коммуникации. Опрошенные отмечают рост образовательного фактора в реализации процесса карьерного продвижения работников – 56% считают, что образование в новых условиях стало основным критерием перехода персонала на очередную карьерную иерархическую ступеньку на предприятии.

В целом трудовые практики работников определяются формальными правилами и положениями организации, заранее прописаны процедуры взаимодействия коллективов различных подразделений предприятия. 29% респондентов считают, что исследуемое предприятие является уникальным по имеющемуся материальному и человеческому потенциалу. Данная организация большинством работников видится как большая трудовая семья, где осуществляется важный период их жизнедеятельности. Также работники определяют свою организацию как динамичную, новаторскую систему; 51% респондентов связывают развитие организации с последующим ростом творчества и инициативы, способностью членов трудового коллектива идти на социально оправданный трудовой риск. Последнее стало возможным в результате формирования демократического стиля управления отдельными структурными подразделениями предприятия – 39% респондентов указывают на демократизацию системы управления. При этом они подчеркивают, что трудовая организация по-прежнему является жестко координируемой, в ней имеются четкие и понятные коллективу планы и цели.

В целом констатируют повышение темпов роста организации как в системе коммуникационных взаимодействий, так и в рамках трудовых практик, отмечают рост инновационной активности персонала 41% работников. Перспектива развития предприятия связывается работниками с последующим ростом инициативы, стимулированием практик новаторских разработок и внедрений на предприятии; 51% работников предлагают и в дальнейшем развивать данный сегмент организационной культуры. Прослеживается новая тенденция, связанная со стремлением профессиональных лидеров оказывать помощь, развивать новые коммуникативные практики, осуществлять наставничество молодых работников

предприятия; 30% респондентов отмечают, что на предприятии и в перспективе должны развиваться наставничество, совершенствоваться различные виды рационализаторской деятельности.

Таким образом, можно сделать следующие обобщения и выводы. Традиционный подход к развитию персонала организацией строится на догматической идеологии, которая характеризуется неизменными условиями внутренней и внешней коммуникационной среды предприятия. В современных условиях рост внешней и внутренней неопределенности и динамичности культурного пространства организации определил необходимость формирования новой инновационной организационной культуры работников современных предприятий.

Инновационный подход к развитию организации предполагает ее рассмотрение как динамично саморазвивающейся социальной системы, характеризующейся рядом новых тенденций: 1) превращение в базовый фактор роста социальных коммуникаций, общей и специализированной информации, знаний, инновационных идей; 2) переход к сетевым коммуникационным структурам, системным комплексам информационного контроля, адаптивным моделям коммуникационного взаимодействия персонала; 3) введение эффективной системы мотивации трудовой активности работников; 4) оптимизация горизонтальных взаимодействий и связей между работниками за счет сокращения вертикальных практик коммуникации; 5) рост ценности новаторства, трудового творчества, преданности целям и идеалам организации.

По сути, в современных условиях необходимо, с одной стороны, формирование демократичного стиля управления персоналом, с другой – становление новой системы горизонтальной и вертикальной коммуникации. Данные изменения призваны создать условия раскрепощения, самостоятельности, творческой инициативы, интеллектуального новаторства персонала организации. Сегодня управление персоналом должно быть приспособленным к внутреннему и внешнему адаптивному изменению. Важно добиваться саморазвития профессионального потенциала работников, обеспечить возможность информационной аккумуляции и инновационного роста на каждом трудовом участке, в каждом трудовом коллективе. Управление персоналом должно акцентировать свои усилия на целевом развитии коммуникационной среды как показателя организационной культуры, создавать и реализовывать постоянные проекты совершенствования трудовой деятельности работников. Необходимо отказаться от излишней централизации управленческой власти. Важна демократизация управленческой деятельности, перестройка системы контроля за процессами в структурных единицах организации. Должны быть сформированы отдельные структуры, направляющие свою дея-

тельность на оптимизацию коммуникаций, сбор, анализ и обработку информации по внешней и внутренней среде, а также определяющие развитие организационной культуры в целом.

Сегодня главная задача управления организацией связана с созданием условий коммуникационного саморазвития, систематического накопления новых знаний, самовозрастания практик рационализаторства, деятельной инициативы и творчества на каждом рабочем месте. Работник инновационной организации – это не просто обладатель рабочей силы, это личность, имеющая уникальные профессиональные знания, инновационные идеи, способная их передавать, анализировать, аккумулировать в процессе трудовой деятельности. Работник нового типа – это главный ресурс организации, ее основной субъект и объект коммуникационного взаимодействия, важный фактор инновационного развития и самосовершенствования.

Таким образом, обновление коммуникативной системы, формирование демократических принципов организационной культуры в целом предполагают накопление инновационных потенциальных возможностей работников. Данное развитие осуществляется в рамках организационного образовательного обучения и накопления профессионального опыта как устойчивого источника всякого роста, создания конкурентных преимуществ организаций, их динамичной адаптации к изменяющимся условиям социальной среды. В новых условиях организации, которые не развивают коммуникационные системы, а значит, не изменяются в условиях быстрых перемен внешней социальной среды, представляются бесперспективными. Исходя из данной аксиомы, управление организацией сегодня должно ориентироваться на важнейший компонент – коммуникационное пространство инновационного типа. Отсюда одна из целей управления – формирование работников инновационного типа,

развитие их личностных качеств, прогрессивная динамика в области их ценностей, норм, представлений, стилей коммуникационного взаимодействия. Формируется стратегическая задача управления – создание условий обучения в процессе выполнения профессиональных функций и вне рабочего времени, обеспечение возможностей работников творчески генерировать идеи не только в процессе обучения, но и на уровне практик коммуникации и трудового взаимодействия. Важно создать условия, при которых знания не только постоянно развиваются, но быстро передаются внутри организации, а также накапливаются в процессе трудовой деятельности, что и определяет прогрессивные возможности инновационного развития организации в целом и ее отдельных структурных подразделений в частности.

Примечания

- 1 Тихонова С. В. Динамика коммуникационного пространства // Социальные коммуникации : управление и конструирование : сб. науч. ст. Саратов : Научная книга, 2007. С. 54.
- 2 Добраев В. Л. Организационное поведение. М. : ЭКМОС, 2002. С. 239.
- 3 См.: Быченко Ю. Г., Лопухин В. Ю. Человеческий фактор экономики в условиях перехода общества на инновационный путь развития // Вестн. ПАГС. 2011. № 1 (26). С. 155–162.
- 4 См.: Баландина Т. М. Социальный механизм управления развитием организационной культуры // Вестн. СГСЭУ. 2012. № 1 (40). С. 169–173.
- 5 Капитонов Э. А., Зинченко Г. П., Капитонов А. Э. Корпоративная культура : теория и практика. М. : Альфа-Пресс, 2005. С. 53.
- 6 Голуб О. Ю., Тихонова С. В. Теория коммуникации. Саратов : Научная книга, 2006. С. 8.

Образец для цитирования:

Баландина Т. М. Социальные коммуникации в системе организационной культуры предприятия // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 166–169. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-166-169.

Cite this article as:

Balandina T. M. Social Communications in the System of Organization Managerial Culture. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 166–169 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-166-169.

УДК 316.444.5

ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ БАКАЛАВРОВ

В. О. Сычева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: Visicheva@mail.ru

В статье рассматриваются основные научные трактовки понятия «профессиональная мобильность», раскрываются основные характеристики и структурные элементы профессиональной мобильности, а также содержание понятия «профессия» и требования, предъявляемые к выпускникам вузов работодателями.

Ключевые слова: профессиональная мобильность, профессия.

Problems of Formation of Bachelors' Professional Mobility

V. O. Sycheva

The article discusses basic scientific treatments of the "professional mobility" concept, basic characteristics and structural elements of professional mobility, and also the content of "profession" concept and employer's requirements to graduates.

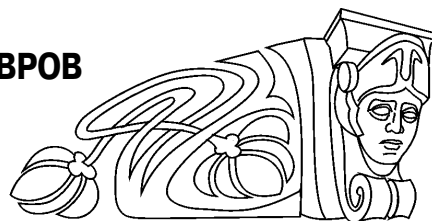
Key words: professional mobility, profession.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-170-173

Проблема формирования профессиональной мобильности выпускников высших учебных заведений – бакалавров – как предмет исследований в научной среде в последние годы приобрела особую актуальность. Среди причин, обусловивших этот интерес, можно назвать следующие.

Во-первых, возросло значение компетентности специалиста (бакалавра) в связи с внедрением на предприятиях сферы услуг передовых технологий, устройств, которые стали неотъемлемой частью оборудования предприятия с усложнением и расширением профессионального опыта, появлением новых форм представления и обработки информации, возрастанием требований общества к специалистам. Таким образом, происходит изменение качества профессиональной мобильности, выражающееся в росте ее интенсивности и смещении акцента на ее индивидуализированный характер¹.

Во-вторых, заметно обострилось противоречие между ускоренным темпом приращения знаний в обществе и ограниченными возможностями их усвоения отдельно взятым человеком. Данное обстоятельство заставляет образовательные учреждения менять парадигму всестороннего развития личности на новую парадигму развития способностей и качеств человека и их максимально полной реализации в обществе². Важно отметить, что данная парадигма предполагает обучение «длиною в жизнь». Соответственно, до сих пор актуальным остается вопрос

содержания такого «качества» выпускника, как профессиональная мобильность.

В-третьих, в связи с внедрением в высшей школе в России Болонской системы образования требуется уточнить, насколько данная система учитывает требования рынка при подготовке выпускников лучше, чем существовавшая ранее система, а также какие качества, по мнению работодателей, должны присутствовать у выпускника вуза для успешного трудоустройства.

Как известно, по мнению многих исследователей, профессиональная мобильность является формой трудовой мобильности, которая представляет собой способность работника соответствовать требованиям развития общества, уровню научно-технического прогресса, а также готовность к изменениям и перемещениям³.

В самом широком смысле профессиональная мобильность – это готовность работника осваивать новые профессиональные функции, выполнять новые задачи. Эту готовность возможно осуществить при соблюдении следующих условий:

- наличие у человека смежных и дополнительных профессий;
- степень освоения текущей профессии;
- хороший уровень теоретических знаний;
- уровень мотивации, направленной на готовность к изменениям.

Как видим, ключевым словом в понятии «профессиональная мобильность» и в двух условиях осуществления данного вида мобильности является термин «профессия».

В результате анализа понятия «профессии», проведенного А. А. Ангеловским, в современной научной литературе можно выделить несколько подходов к определению данного термина: 1) деятельностный (экономический) подход, в котором профессия рассматривается как общественно значимый вид трудовой деятельности людей, определяемый разделением труда и его функциональным содержанием; 2) стратификационный (социологический) подход, где профессия представляет собой большую группу людей, объединенных одним видом занятий, трудовой деятельности; 3) личностный (психологический) подход, в котором профессия представлена как качественная определенность личности, совокупность конкретных (общих и специфических)

знаний, умений, навыков, а также личных качеств человека⁴. Стоит отметить, что личностный подход к определению профессии позволяет рассматривать профессиональную мобильность как качественную характеристику личности, которую возможно сформировать.

В основном своем изначальном понимании профессия означает рациональную, долгосрочную, экономическую деятельность, связанную с владением специальными знаниями, умениями и навыками. Поэтому «получить профессию» возможно только в специализированных учреждениях, предлагающих образовательные услуги по определенной специальности. Под «готовностью к изменениям» мы понимаем не только способность человека адаптироваться к динамичной социальной, профессиональной, трудовой среде, но и способность выбирать направления изменения уровня своих навыков, умений и знаний: повышение уровня владения ими, специализация и углубление или получение новых. Следовательно, можно отметить, что профессиональная мобильность поддается целенаправленному развитию и саморазвитию.

Таким образом, под профессиональной мобильностью мы понимаем совокупное, интегративное качество личности, сформированное самостоятельно и в рамках образовательных учреждений, объединяющее знания, умения, навыки, профессиональный опыт, позволяющий отвечать профессиональным требованиям рынка труда и развивать карьеру в направлении одной или нескольких профессий.

Для анализа общих требований, предъявляемых работодателями в начале 2015 г. на региональном рынке (г. Саратов) к работникам сферы сервиса, нами были отобраны объявления, размещенные в Интернете, по вакансиям следующих специалистов: менеджер по работе с клиентами и менеджер по продажам. Выбор данных профессий был обусловлен несколькими факторами:

1) данные вакансии являются наиболее востребованными на рынке труда на протяжении нескольких лет, что характеризуется не только количеством требуемых специалистов на рынке труда, но и лидирующими позициями в перечне объявлений о поиске специалистов на ведущих порталах. Эта тенденция характеризуется следующими причинами: высокой текучестью, высокой мобильностью (вертикальной и территориальной) специалистов этих профессий, а также, согласно мнению экспертов, работники, имеющие опыт работы в сфере торговли, и в перспективе будут иметь спрос на рынке труда. Так, по мнению ведущего консультанта агентства Penny Pans Personnel Анастасии Селиванчик, к 2020 г. по-прежнему востребованы будут сотрудники отделов продаж разных сфер бизнеса⁵;

2) данные профессии отражают основные качественные характеристики работника сферы

услуг. Так, основными характеристиками работника сферы услуг, в которых отражается характер видов деятельности и содержания профессий, являются: тесный личный контакт продавца (исполнителя, производителя) услуги с потребителем (в том числе участие потребителя в производственном процессе); высокая степень индивидуализации сервисного продукта (подстройка под индивидуальные потребности клиента); высокая трудоемкость выполняемых работ (в том числе и для обеспечения большей «освязаемости» сервисного процесса);

3) эти профессии для многих работодателей предполагают выполнение такой функции, как налаживание эффективных коммуникаций с клиентом организации, и в виду этого считаются профессиями, схожими по количеству и содержанию основных выполняемых функций.

Таким образом, нами было выявлено, что среди общих требований к работнику, т. е. требований, не зависящих от специфики и отрасли деятельности конкретного предприятия, выделяются рекомендуемые требования: грамотная речь, четкая дикция, умение работать на аудиторию и с отдельным клиентом, развитая коммуникабельность, умение вести переговоры, стрессоустойчивость, ответственность.

Для анализа содержания понятия профессиональной мобильности будущих выпускников для работы в сфере сервиса в феврале 2015 г. нами было проведено анкетирование бакалавров направлений «Туризм» и «Сервис», которые выпускаются из вуза.

В результате проведения социологического исследования было выявлено, что больше половины респондентов (64%) считают продолжение обучения необходимым с целью повышения своего уровня образования, качества образования по специальности путем поступления в магистратуру или получения большего количества разнотипных (дополняющих) знаний и навыков путем получения второго образования. Однако на вопрос, достаточно ли одного высшего образования (одной специализации) для построения карьеры, только 53% ответили, что недостаточно, остальные 47% уверены, что одного высшего образования достаточно. Данный результат может также свидетельствовать о неуверенности выпускников в скором трудоустройстве по специальности из-за высокой динамичности внешней среды.

По данным исследования можно сделать вывод, что 26% бакалавров уже получают или имеют на текущий момент вторую профессию, а кратковременное обучение на курсах (семинарах и тренингах) проходят 39% от общего числа респондентов.

Регулярно повышать свою квалификацию во время трудовой деятельности и тем самым повышать свою ценность на рынке труда планируют 91% респондентов, не менее одного раза в год –

46% несколько раз за год – 29%. Данный факт дает основание полагать, что выпускники понимают, что актуализация знаний, умений и навыков является критической для развития карьеры в сфере услуг, которая характеризуется высокой скоростью внедрения инноваций.

Стоит отметить, что, по результатам исследования, сопоставимыми по ценности для профессии знания, получаемые посредством самообразования и посредством посещения образовательных курсов, тренингов и семинаров, считают больше половины (51%) респондентов, исходя из чего, мы можем сделать вывод о том, что самообразование не теряет своей ценности (полезности) для молодых кадров. Важным аспектом при получении знаний в период трудовой деятельности является и высокая ответственность будущих работников сферы услуг, выражающаяся в готовности самостоятельно оплачивать свое дальнейшее обучение (91%).

Среди причин, повлиявших на выбор специальностей «Туризм» и «Сервис», по степени важности, исходя из процентного соотношения, можно выделить:

- престижность вуза (24%);
- интерес к специальности, профессии (17%);
- советы родственников и близких друзей (10%);
- образ востребованной, высокооплачиваемой и интересной работы по профессии (10%);
- высокая доля коммуникаций в профессии (7%);
- соответствующие баллы по результатам ЕГЭ (7%).

Среди требований, которые, на взгляд опрошенных, предъявляют к работникам работодатели предприятий сферы услуг, можно выделить следующие: коммуникабельность, знание иностранного языка, ответственность, стрессоустойчивость, терпение, гибкость. Важно отметить, что большинство качеств, выделенных выпускниками, являются личными, а не профессиональными, а также то, что почти все качества, обозначенные студентами, совпадают в большинстве своем с требованиями, предъявляемыми к специалистам на рынке труда, при том, что только 20% опрошенных ответили положительно на вопрос «Читали ли Вы, какие требования предъявляются к специалистам Вашей профессии?».

Как известно, основными каналами профессиональной мобильности являются: личные связи, семья, личностный потенциал, опыт и результаты профессиональной деятельности, эффективное использование результатов образования⁶. По данным проведенного нами исследования, каналы профессиональной мобильности распределились по значимости следующим образом:

- личностный потенциал;

- опыт и результаты профессиональной деятельности;
- эффективное использование результатов образования;
- личные связи;
- семья.

Интересен тот факт, что выпускник, в первую очередь, планирует при трудоустройстве ориентироваться исключительно на собственные ресурсы (личностные качества, полученные знания и навыки).

Также одной из причин интереса к проблеме мобильности молодых специалистов для нас является тот факт, что в профессиональной среде сферы сервиса одним из основных требований к работнику выступает готовность к командировкам и переезду в другой город или регион, т. е. профессиональная мобильность приобретает дополнительную характеристику и представляется как территориальная профессиональная мобильность.

Известно, что основными целями кратковременного (командировки) и длительного (частые переезды в другой город или переезд на длительное время без возвращения в течение определенного срока в место постоянного проживания) территориального перемещения работника являются:

- образовательные (повышение квалификации, участие в семинарах, тренингах, конференциях, форумах);
- деловые (заключение договорных отношений, налаживание работы филиала компании, осуществление антикризисного управления, контролирующих функций, проведение маркетинговых мероприятий);
- профессиональные (выполнение задач и работ по трудовому договору).

В результате исследования было выявлено, что самостоятельно осуществить переезд в другой регион России для построения карьеры готовы 90% респондентов. Среди удерживающих от переезда факторов основным является фактор семьи (семейные обстоятельства, связанные с родственником) – 65%, второй по значимости – материальные (финансовые) трудности. Среди оставшихся факторов можно назвать страх переезда, сложности с трудоустройством, незнание языка, неблагоприятную социально-экономическую ситуацию, проблемы со здоровьем.

В целом, можно отметить, что формирование профессиональной мобильности бакалавров для работы в сфере услуг представляет проблему учета современных и динамично меняющихся требований рынка труда в процессе обучения и воспитания качеств, позволяющих будущему работнику отвечать актуальным требованиям работодателя. Формирование профессиональной мобильности, как по мнению работодателей, так и по мнению самих обучающихся, осуществляется в рамках образовательного процесса в учеб-

ном учреждении. В настоящее время процесс трансформации российской системы образования продолжается, а нам можно надеяться, что необходимость формирования основных качеств личности, лежащих в основе профессиональной мобильности будущих специалистов, будет учтена в новых образовательных стандартах.

Примечания

- ¹ См.: Ковалева А. И. Профессиональная мобильность // Знание. Понимание. Учение. 2012. № 1. С. 298.
- ² См.: Виневская А. В. Готовность к профессиональной мобильности бакалавра специального образования как

условие его социально-педагогической деятельности // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-а. 2012. № 5 (69). С. 21.

- ³ См.: Бреев Б. Д. Движение трудовых ресурсов и его некоторые особенности. М.: Наука, 1974. С. 48.
- ⁴ См.: Ангеловский А. А. Анализ понятий профессия, профессиональное сознание, профессиональная деятельность, профессионализм // Изв. Самар. науч. центра РАН. 2010. Т. 12, № 5 (2). С. 307.
- ⁵ См.: Батенева Т. Сильны математики // Российская Бизнес-газета. № 944. URL: <http://www.rg.ru/printable/2014/04/22/professii.html> (дата обращения: 26.05.2015).
- ⁶ См.: Ковалева А. И. Указ. соч. С. 298.

Образец для цитирования:

Сычева В. О. Проблемы формирования профессиональной мобильности бакалавров // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 170–173. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-170-173.

Cite this article as:

Sycheva V. O. Problems of Formation of Bachelors' Professional Mobility. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 170–173 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-170-173.

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

УДК 316.752.4

ГЕНДЕРНЫЙ АНАЛИЗ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА МЕДИЦИНСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ В ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ЧАСТНЫХ ПОЛИКЛИНИКАХ

П. Б. Поликарпов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: polikarpovpb@mail.ru

В статье представлена оценка воздействия медицинских услуг, оказываемых на мужчин и женщин, в платных и бесплатных поликлиниках г. Саратова. В основу гендерного анализа положены такие критерии, как частота посещения, степень удовлетворенности уровнем оснащенности и качеством обслуживания. В результате проведенного исследования на основе гендерных оценочных данных делаются выводы о различном уровне обслуживания и степени удовлетворенности получением медицинских услуг.

Ключевые слова: гендер, общественное мнение, удовлетворенность медицинскими услугами, качество бесплатных и платных медицинских услуг.

Gender Analysis of the Assessment of the Quality of Medical Care in State and Private Out-patient Departments

P. B. Polikarpov

In this article the influence assessment of medical services rendering to men and women in state and paid out-patient departments in Saratov is given. As basis for the analysis the degree of satisfaction with research level and service quality is put. After carrying out the study, based on gender estimated data the conclusion was made about the different level of the medical care and the degree of satisfaction with the quality of the medical services.

Key words: gender, public opinion, satisfaction with quality of the medical services, quality of free and paid medical services.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-174-177

Как известно, важнейшим общественным благом, основой нормальной жизнедеятельности, функционирования и развития человека является здоровье¹. С другой стороны, к сожалению, здоровье – ненадежное состояние, абсолютно здоровья не бывает. За него приходится бороться, и в этом «бою» в современных условиях важным институциональным фактором поддержания здоровья выступает здравоохранение со

всеми соответствующими структурными единицами данного социального института.

Одна из наиболее важных и наиболее сложных проблем здравоохранения – обеспечение качества и доступности медицинской помощи², обеспечение всех необходимых условий для удовлетворения потребностей населения в медицинском обслуживании на всех его ступенях³.

Как правило, амбулаторную медицинскую помощь больным на приеме и на дому оказывают поликлиники. Это специализированные учреждения, именно они служат базовым уровнем медицинского обслуживания. Под обслуживанием понимается не просто возможность обратиться в медицинское учреждение, а своевременно получить помощь, которая должна быть доступной и эффективной.

Исходя из этого, в 2016 г. было проведено социологическое исследование методом анкетного опроса пациентов поликлиник г. Саратова по квотной выборке, которая составила 430 респондентов. Критериями отбора стали пол, возраст и пользование услугами поликлиник.

Проанализировав мнения мужчин, можно заметить, что большинство, 80,4% пациентов, обращаются за медицинской помощью в государственную поликлинику, а остальные 19,6% – в частную поликлинику.

С пациентами женского пола сложилась похожая ситуация. Большинство, а именно 72,8%, посещают государственные поликлиники, 27,2% получают медицинскую помощь платно, т. е. в частных поликлиниках (табл. 1).

Таким образом, опираясь на полученные данные о выборе медицинского учреждения, можно сделать определенный вывод. Все пациенты, как мужчины, так и женщины, выбирают государственную поликлинику, таковых больше половины респондентов. Данный анализ может говорить о том, что существуют причины и помехи при получении медицинской помощи в государственной поликлинике. Этот фактор за-

Влияние пола на выбор медицинского учреждения, %

Таблица 1

Пол	В каких учреждениях Вы чаще всего получаете медицинскую помощь?		Итого
	Государственная поликлиника	Частная поликлиника	
Мужской	80,4	19,6	100
Женский	72,8	27,2	100
Итого	76,5	23,5	100

ставляет пациентов обращаться в частные медицинские поликлиники. Поэтому процент посещения частных поликлиник не маленький, что говорит о неоднородности мнений. Проанализировав мнения респондентов, было выявлено, что выбор медицинского учреждения как у мужчин, так и у женщин склоняется в сторону государственной поликлиники. Это подтверждается коэффициентом V Крамера = 0,1 и свидетельствует о наличии слабой корреляционной связи.

Далее возникла необходимость проанализировать причину обращения жителей города за медицинскими услугами платно, а именно в частные поликлиники. Ведь этот показатель отражает факторы и критерии, которые влияют на выбор пациента.

Низкий уровень оснащенности – такова была первая причина обращения за медицинской помощью платно. 25,6% мужчин считают, что именно этот показатель заставляет их обращаться в частную поликлинику.

Следующим фактором является желание участкового врача направить пациента за медицинским обслуживанием в платные учреждения. Такого мнения придерживается 25,6% мужчин.

У 38,4% женщин причиной обращения в частные клиники является низкий уровень оснащенности. А также 39,4% пациенток отмечают, что в платную медицинскую клинику их направил участковый врач.

Таким образом, основными причинами обращения за медицинским обслуживанием в частные клиники как у мужчин, так и у женщин является низкая оснащенность государственной поликлиники, а также желание участкового врача направить за медицинской помощью в частные учреждения. Это также подтверждается коэффициентом V Крамера = 0,2 и свидетельствует о наличии слабой корреляционной связи между полом респондентов и низким уровнем оснащенности в государственной поликлинике, а также желанием участкового врача направить пациента в специализированное учреждение.

Другим важнейшим фактором анализа является частота посещения поликлиник, поскольку именно от качества полученного медицинского обслуживания зависит желание пациента получить вновь медицинскую помощь или вообще не обращаться в поликлинику.

Посещают поликлиники реже одного раза в год 36,1% мужчин, 24,7% – один раз в полгода, раз в год – 21,6% мужчин. Следом идут те, кто обращается в поликлиники один раз в три месяца – 11,3%. Довольно часто, т. е. раз в месяц, получают медицинскую помощь 4,1% пациентов мужского пола, и только 2,1% мужчин посещают и получают медицинскую помощь еженедельно.

Ситуация у пациенток женского пола выглядит немного иначе: 26,2% обращаются за медицинской помощью в поликлиники один раз в полгода, один раз в три месяца – 23,3% пациенток. Довольно

редко появляются в поликлиниках, а именно реже одного раза в год, 17,5% женщин, 15,5% бывают в поликлиниках один раз в год. Довольно часто, а именно раз в месяц, получают медицинскую помощь 14,6% пациенток, и только 2,9% женщин посещают поликлиники раз в неделю.

Получается, что женщины намного чаще посещают поликлиники. Возможно, это объясняется тем, что они стараются больше уделять внимания своему здоровью и физическому состоянию. В то время как для мужчин забота о своем здоровье не является первоочередной ценностью на протяжении всей жизни, хотя есть исключения. Но в целом практически одинаковое, довольно малое количество пациентов как мужчин, так и женщин посещают поликлиники раз в неделю. Возможно, это связано с возрастом пациентов, так как пожилые люди чаще болеют и стремятся поправить свое здоровье, поэтому и посещают поликлиники намного чаще молодого поколения. Это подтверждается коэффициентом V Крамера = 0,3 (при $p = 0,004$) и свидетельствует о наличии слабой корреляционной связи между полом респондентов и частотой посещения медицинских поликлиник.

Следующей задачей исследования являлось сравнение мнений мужчин и женщин города о качестве реализации медицинского обслуживания в частной и государственной поликлиниках. Поэтому необходимо было проанализировать основные критерии оценки медицинского обслуживания в поликлиниках.

Первым критерием является медицинское обслуживание.

В частной поликлинике (табл. 2) 35,1% представителей мужского пола оценивают уровень на отлично. Такое мнение, как хороший уровень медицинского обслуживания, имеет большинство мужчин (39,2%). Обслуживание находится на среднем уровне – такой точки зрения придерживается 7,2% пациентов мужского пола. И неудовлетворительный уровень медицинского обслуживания не отмечен ни одним респондентом. 18,6% мужчин затруднились ответить на поставленный вопрос.

С женским полом сложилась схожая ситуация. Оценивают уровень на отлично 41,7%. Хороший уровень отмечают большинство женщин (48,5%). Обслуживание находится на среднем – такой точки зрения придерживается 4,9% пациентов женского пола. И неудовлетворительным уровнем медицинского обслуживания назвала лишь одна пациентка. Небольшое количество женщин (3,9%) затруднились ответить на поставленный вопрос.

Таким образом, мужчины и женщины практически одинаково оценивают медицинское обслуживание в частных поликлиниках. В основном пациенты отмечают, что обслуживание находится на отличном и удовлетворительном уровне, 1% пациенток назвали уровень медицинского обслуживания неудовлетворительным. Мужчины не придерживаются такого мнения. Поэтому можно утверждать, что респонденты в целом определяют

Таблица 2

Оценка медицинского обслуживания в частной поликлинике в зависимости от пола респондентов, %

Пол	Оценка медицинского обслуживания					Итого
	Неудовлетворительное	Среднее	Хорошее	Отличное	Затрудняюсь ответить	
Мужчины	–	7,2	39,2	35,1	18,6	100
Женщины	1,0	4,9	48,5	41,7	3,9	100
Итого	0,5	6,0	44,0	38,5	11,0	100

уровень медицинского обслуживания в частной поликлинике как отличный. Это также говорит о том, что пациенты довольны работой частных поликлиник, что может заставлять их не обращаться в государственную поликлинику. Это подтверждается коэффициентом V Крамера = 0,2 и свидетельствует о наличии слабой корреляционной связи.

Следующим критерием анализа является уровень оснащенности частной поликлиники. Отличным его назвали 34,0% пациентов мужского пола. Уровень оснащенности находится на хорошем уровне – такого мнения придерживаются 33,0% мужчин, 13,4% пациентов считают, что уровень оснащенности средний. Всего лишь один респондент определяет уровень как неудовлетворительный и 18,6% затруднились дать ответ на поставленный вопрос.

При оценке уровня оснащенности у пациенток женского пола сложилась аналогичная ситуация: 45,6% женщин считают уровень оснащенности отличным, 35,9% – хорошим. Также 13,6% женщин определяют оснащенность на среднем уровне, всего лишь одна женщина считает его неудовлетворительным и 2,9% затруднились ответить на данный вопрос.

Следует сделать выводы. В основном, и мужчины, и женщины определяют уровень оснащенности частной поликлиники как отличный. Но женщины более придирчивы, так как большее количество пациенток определяют оснащенность на неудовлетворительном и плохом уровнях. Это говорит о том, что женский пол более внимательно оценивает критерий оснащенности поликлиники, а также их требования к здоровью намного выше, чем у мужчин. Это подтверждается коэффициентом V Крамера = 0,3 и свидетельствует о наличии слабой корреляционной связи.

Для сравнительного анализа необходимо также рассмотреть эти же критерии оценки медицинского обслуживания мужчин и женщин в государственных поликлиниках. Именно сравнительный анализ поможет сделать определенные выводы и выработать методики для более эффективной работы.

Первым критерием анализа в государственной поликлинике является оценка уровня медицинского обслуживания (табл. 3). В целом исследование показывает, что 46,4% респондентов считают, что медицинское обслуживание находится на хорошем уровне. Также около половины респондентов (45,4%) считают, что медицинское обслуживание в государственной поликлинике находится на среднем уровне. Неудовлетворительный уровень отметили лишь 2,1% пациентов мужского пола и 3,1% затруднились с ответом.

У женщин при оценке медицинского обслуживания в государственной поликлинике сложилась аналогичная ситуация. 4,9% пациенток считают, что обслуживание находится на отличном уровне. Больше половины (60,2%) оценивают медицинское обслуживание на хорошем уровне. Средний уровень отмечают 31,1% женщин. Неудовлетворительным медицинское обслуживание назвали всего 1,0% пациенток и 2,9% женщин затруднились ответить на поставленный вопрос.

Таким образом, мужчины и женщины одинаково оценивают уровень медицинского обслуживания – в целом на хорошем и среднем уровне. Большой процент респондентов женского пола дает удовлетворительные оценки. Возможно, это объясняется тем, что у мужчин и женщин есть различия при выборе и оценке критериев медицинских поликлиник. Это подтверждается коэффициентом V Крамера = 0,2 и свидетельствует о наличии слабой корреляционной связи.

Следующим критерием оценки является уровень оснащенности в государственной поликлинике. Оценивая его, всего лишь 1,0% мужчин считают, что он находится на отличном уровне (табл. 4). Мнения, что уровень оснащенности является хорошим, придерживаются 39,2% мужчин. Средним уровень оснащенности государственной поликлиники назвали почти половина пациентов (46,4%) и неудовлетворительным – 12,4% респондентов мужского пола. 1,0% мужчин затруднились ответить на поставленный вопрос.

У респондентов женского пола сложилась схожая ситуация: 41,7% считают, что уровень

Таблица 3

Влияние пола респондентов на оценку медицинского обслуживания в государственной поликлинике, %

Пол	Медицинское обслуживание					Итого
	Неудовлетворительное	Среднее	Хорошее	Отличное	Затрудняюсь ответить	
Мужской	2,1	45,4	46,4	3,1	3,1	100
Женский	1,0	31,1	60,2	4,9	2,9	100
Итого	1,5	38,0	53,5	4,0	3,0	100

Таблица 4

Влияние пола респондентов на оценку уровня оснащенности в государственной поликлинике, %

Пол	Уровень оснащенности поликлиники					Итого
	Неудовлетворительный	Средний	Хороший	Отличный	Затрудняюсь ответить	
Мужской	12,4	46,4	39,2	1,0	1,0	100,0
Женский	6,8	46,6	41,7	1,9	2,9	100,0
Итого	9,5	46,5	40,5	1,5	2,0	100,0

оснащенности государственной поликлиники находится на удовлетворительном уровне, 46,6% – что на среднем уровне. Неудовлетворительным уровень оснащенности назвали лишь 6,8% женщин, 2,9% респонденток не смогли высказать свою точку зрения на поставленный вопрос.

Анализ оценки оснащенности в государственной поликлинике показал, что и мужчины, и женщины в основном оценивают оснащенность на хорошем и среднем уровне. Это также подтверждается коэффициентом V Крамера = 0,2 и свидетельствует о наличии слабой корреляционной связи.

Рассмотрев критерии оценки уровня удовлетворенности получением медицинских услуг в частной и государственной поликлиниках, а также изучив мнения респондентов, касающиеся данной проблематики, можно сделать следующие выводы.

В целом качество оказываемых услуг в медицинских поликлиниках оценивается респондентами очень хорошо, а это значит, что медицинские работники добросовестно выполняют свою работу. Присутствует некая зафиксированная высокая удовлетворенность медицинскими услугами, и, несмотря на имеющиеся трудности, проявляется приверженность пациентов сглаживать некоторые аспекты медицинской деятельности.

Несмотря на то, что качество предоставляемых медицинских услуг находится на удовлетворительном уровне, оно не полностью соответствует требованиям и ожиданиям пациентов. Пациенты судят о качестве медицинских услуг, прежде всего, на основании своего субъективного восприятия их результативности и сервисного сопровождения.

Большинство как мужчин, так и женщин чаще посещают государственные поликлиники. Однако уровень посещаемости и доступности частных поликлиник также достаточно высок. Что касается основной причины посещения частной поликлиники, то респонденты отмечают более высокое качество оказания медицинской помощи в ней.

Сравнительное сопоставление оценки медицинского обслуживания в частной и государственной поликлинике показало существенные различия. Практически все показатели у государственной поликлиники находятся на несколько позиций ниже, чем в частной, где намного выше и уровень предоставления медицинских услуг, и уровень оснащенности медицинским оборудованием, а также лучше отношение медицинского персонала к пациентам.

Полученные результаты социологического исследования настойчиво рекомендуют существенно скорректировать планы достижения эффективности медицинского обслуживания. Поликлиникам в процессе работы необходимо использовать оценочные результаты предоставляемых услуг, важна обратная связь с потребителями с целью прогнозирования их будущих потребностей. Необходим постоянный механизм определения степени удовлетворенности пациентов на местах, что даст возможность контролировать ситуацию для учета и удовлетворения их требований и пожеланий. В результате к мнению специалистов о наиболее оптимальных формах и методах предоставления медицинских услуг прибавится растущее признание необходимости учета мнений граждан, пациентов, непосредственных потребителей.

Примечания

- 1 См.: Филиппова С. В. Демографическая катастрофа в Российской Федерации // Здоровый образ жизни для всех возрастов : сб. науч. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. (Саратов, 23 ноября 2006 г.). Саратов, 2007. С. 53–54.
- 2 См.: Журавлева И. В. Почему не улучшается здоровье россиян? // Вестн. Ин-та социологии. 2013. № 6. С. 163–176.
- 3 См.: Решетников А. В., Ефименко С. А. Проведение медико-социологического мониторинга. М. : ГЭОТАР-МЕД, 2007 ; Российское здравоохранение в ракурсе мировых тенденций / под ред. А. Ю. Шевякова и И. П. Катковой. М. : ИСЭПН РАН, 2009.

Образец для цитирования:

Поликарпов П. Б. Гендерный анализ оценки качества медицинского обслуживания в государственных и частных поликлиниках // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 174–177. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-174-177.

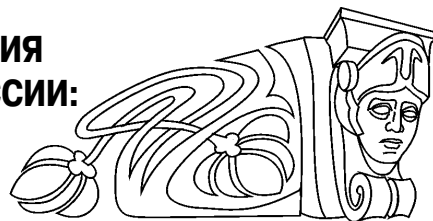
Cite this article as:

Polikarpov P. B. Gender Analysis of the Assessment of the Quality of Medical Care in State and Private Out-patient Departments. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 174–177 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-174-177.

УДК 316.736 +316.614.4 +316.614.5

ЗНАЧЕНИЕ, ВОСТРЕБОВАННОСТЬ И ОГРАНИЧЕНИЯ В РАЗВИТИИ ИНКЛЮЗИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: СУБЪЕКТИВНЫЙ АСПЕКТ

Е. В. Максимова

Российский государственный университет туризма и сервиса,
Черкизово, Московская область
E-mail: fex0702@mail.ru

Рассматриваются данные эмпирического исследования, иллюстрирующие три аспекта жизнедеятельности инвалидов с ограниченными двигательными возможностями в срезе – связь их социального самочувствия и материальной обеспеченности, структуры проведения досуга как показатели востребованности доступного туризма, в том числе и культурного туризма в среде инвалидов-колясочников. Предлагается и обосновывается идея о необходимости смены «парадигмы» отношения российской власти к социальной группе людей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ).

Ключевые слова: инклюзивный (доступный) туризм, лица с ограниченными двигательными возможностями, культурный туризм, социальное самочувствие, материальная обеспеченность, социально-культурный досуг.

The Value, Relevance and Limitations in the Development of Inclusion in Modern Russia: the Subjective Aspect

E. V. Maksimova

Reviews the empirical research that illustrate three aspects of life activity of disabled persons with reduced mobility opportunities in the slice-link their social well-being and material well-being, leisure structure as an indicator of the demand for accessible tourism, including cultural tourism Wednesday wheelchair users. Proposed and justified the idea about the necessity to shift paradigms attitude of the Russian authorities to the social group of people with disabilities.

Key words: inclusive (accessible) tourism, persons with reduced mobility opportunities, cultural tourism, social well-being, physical security, social and cultural activities.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-178-184

На современном этапе Россия находится в том положении, когда человеческий капитал является ценностью общества.

Экономическая и социальная сферы жизнедеятельности российского общества были выведены из состояния равновесия еще в поздний советский период. Неравновесное, нестабильное состояние усугубилось в «лихие» девяностые, когда активно рушилась старая, «советская» система при отсутствии каких-либо систематизированных, действенных или хотя бы осознанных попыток власти всех уровней выстроить, а не только декларировать что-либо новое взамен. Государство в тот период просто отстранилось от тех сфер регулирования жизнедеятельности общества, где оно просто «по определению»

обязано присутствовать при условии положений своей конституции и являться социальным государством. Отстранилось, пустив важнейшие процессы общественного развития «на самотек», тем самым спровоцировав в обществе запуск процессов стихийной самоорганизации. Но несмотря на эти факты, выйдя из границ зоны равновесия, российская экономика и социальная сфера смогли избежать полного разрушения. В действительности – разрушения избежали, но устойчивости не смогли обрести и в настоящее время.

Так, по оценкам Минэкономразвития России, отечественная экономика сегодня балансирует между стагнацией и рецессией. Приведем некоторые данные за предшествующий трехлетний период.

В самом недавнем прошлом, в I квартале 2014 г., спад ВВП составлял 0,5%, во II квартале рост ВВП был нулевым, затем, в III квартале, наблюдалось небольшое повышение ВВП, а в целом за 2014 г. рост ВВП составил 0,5%. То есть темпы роста ВВП находятся на уровне статистических погрешностей. На это указывают и недавние прогностические оценки Международного валютного фонда, который, давая свой прогноз по росту российской экономики в 2014 г., сохранил его на уровне 0,2%, но в то же время понизил прогноз на 2015 г. сразу на 0,5 п.п. – до 0,5%, в связи с геополитической напряженностью¹.

В 2016 г. в России продолжали развиваться процессы импортозамещения и расширения потока несырьевого экспорта. В этот период наметились дополнительные зоны роста в промышленном производстве. В то же время наблюдались неблагоприятная динамика инвестиций и стагнация по широкому кругу отраслей. По мнению экономистов, по итогам 2016 г. зафиксировано падение ВВП примерно на 0,8%; к росту на 2% экономика сможет выйти не раньше, чем к 2020 г.²

Приведенные данные, как и многие другие примеры из самых различных областей экономической и социальной реальности, позволяют говорить о нестабильности как ключевой особенности современной российской экономики. Как уже говорилось, темпы ее роста находятся на уровне статистических погрешностей, и даже незначительное дополнительное снижение цен на нефть способно превратить небольшой рост в рецессию.

Следовательно, выявленные нами показатели о том, что отечественная экономика находится в неравновесном состоянии, имеют некоторые

объективные основания. От состояния экономики зависит положение дел в социальной сфере жизнедеятельности общества, которая в наши дни тоже отличается нестабильностью. Действия же властей всех уровней, производимые на фоне снижения материальных вложений государства, к сожалению, малоэффективны. К сказанному прибавим, что все это происходит на фоне истощения человеческого ресурса, человеческого потенциала российского общества. Среди проявлений такого истощения: и спровоцированная снижением рождаемости с 1990-е гг. «демографическая яма», и отсутствие реально работающих консолидирующих факторов (внятной общегосударственной идеологии, национальной идеи, разделяемой большинством общества системы ценностей и т. п.), и начавшиеся еще в поздние советские времена и не преодоленные до сих пор утрата трудовой морали и иные кризисные явления в социально-трудовой сфере, и исчерпание в общегосударственном масштабе мобилизационного потенциала идеи-иллюзии рыночного равенства и рыночных возможностей беспрепятственного обогащения и перехода на качественно иной, более высокий уровень потребления для всех за счет честного производительного труда.

В этой ситуации для России новую актуальность приобретает не просто идея, но именно – задача сбережения и эффективного использования тех человеческих ресурсов и такого качества, с такими характеристиками, которыми реально располагает наше общество. Образно говоря, сегодня наша страна просто не имеет права «разбрасываться» людьми, какими бы личными возможностями они не обладали.

В свете сказанного предстает проблема социальной интеграции инвалидов – людей с ограниченными возможностями здоровья (далее – ОВЗ) в общество. Таким образом, настало время скорректировать парадигму отношения российской власти к людям с инвалидностью.

Существуют основания утверждать, что в течение всех предшествующих периодов это было довольно пренебрежительное отношение, как к какому-то отягчающему жизнь, неприятному фактору, от которого никуда не деться, – со всеми вытекающими отсюда «остаточными» схемами ресурсного обеспечения и решения проблем этой социальной группы. Более того, система жизнеобеспечения, обеспечения их социализации и социальной интеграции не имела в нашей стране внутренних механизмов корректировки и саморазвития. Она развивалась преимущественно под влиянием «примера» зарубежных экономически успешных стран с развитыми традициями выборной демократии – по ставшему уже притчей во языцех и действующему на российских просторах как минимум с хрущевских или с петровских времен принципу «догнать и перегнать». Другими словами, традиционно улучшение положения людей с ОВЗ в нашей стране в основном было

делом энтузиастов и самих инвалидов, а государством, по существу, рассматривалось как некая «имиджмейкерская» программа, «косметически» обеспечивающая благоприятную представленность России (а ранее – СССР) в общественном мнении зарубежных стран. Схематично механизм такого улучшения положения инвалидов может быть проиллюстрирован следующим образом: что там у «них»? Пандусы? Так и нам надо бы их внедрить, а то мало ли что «они там» подумают...

В настоящее время, в условиях истощенности человеческого ресурса (человеческого потенциала) страны, для власти объективно настало время сменить обозначенное выше отношение к инвалидам как к группе, требующей для себя только затрат и отвлечения хоть скудных, но ресурсов на конструктивное – как к субъектам, способным внести реальный вклад и в вывод экономики из кризиса, и в улучшение положения в обществе. Важно лишь увидеть (и показать субъектам, владеющим ресурсами и обладающими властными полномочиями, – предпринимателям и органам власти) во всей полноте ту реальную пользу и выгоду, которую могут приносить люди с ОВЗ государству и обществу. А естественным условием для этого является полноценная социальная интеграция инвалидов в общество.

Под социальной интеграцией мы понимаем совокупность процессов, благодаря которым в социуме происходит соединение различных взаимодействующих элементов – социальных групп – в целостную социальную общность. В содержательном плане они выражаются в форме поддержания социальными группами устойчивости общественных отношений через установление экономических, социальных, политических связей между индивидами, группами и социальными институтами на основе выявления, артикуляции и реализации общих целей и интересов.

Некоторые из сторон обозначенной проблемной области мы и рассмотрим на примере положения и ряда обстоятельств жизнедеятельности инвалидов с опорно-двигательными ограничениями. При этом привлечем материалы нашего исследования.

В исследовании, проведенном методом опроса, процедурно реализованном в виде интернет-анкетирования, приняли участие респонденты с ограниченными двигательными возможностями. В выборку вошли инвалиды-колясочники, проживающие на территории России, данные отражены на диаграмме (рис. 1).

Мужчины и женщины в выборке исследования присутствовали в следующем соотношении: мужчины – 47,1%, женщины – 52,9%. На рис. 2 показано, как участники опроса разделились по уровню материального достатка, определявшегося на основе самооценки респондентов.

Отметим, что использовавшиеся респондентами критерии отнесения себя к той или иной категории материальной обеспеченности в нашем

Рис. 1. Респонденты с ограниченными двигательными возможностями

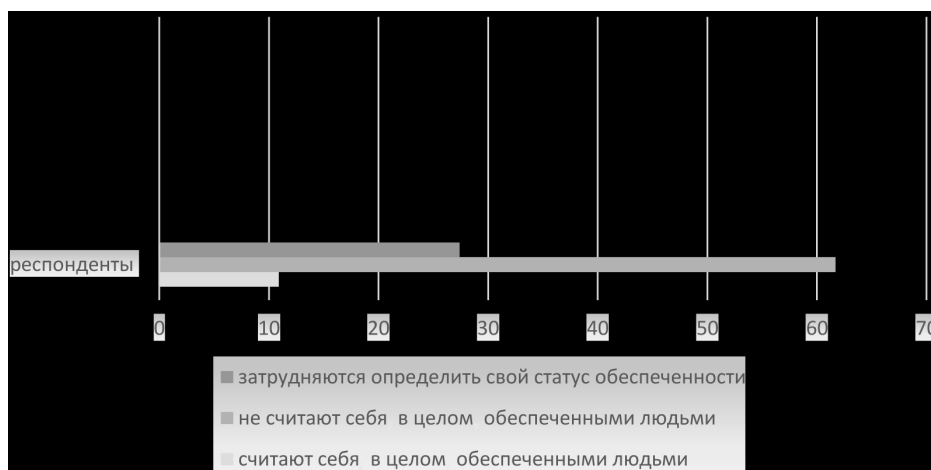

Рис. 2. Самооценка по уровню достатка, %

исследовании не рассматривались. Однако можно полагать, что в любом случае исследованым были охвачены не самые малоимущие из группы людей с опорно-двигательными ограничениями, поскольку все опрошенные имеют доступ к Интернету.

В целом в исследовании была организована доступная выборка. Использование выборки именно такого типа оправдано тем, что магистральные задачи исследования были связаны не с характеристикой социальной группы инвалидов-колясочников (что потребовало бы достижения репрезентативности), а с изучением процессов и ряда элементов институциональной основы их социальной интеграции и таких сопутствующих ей факторов, как культурная социализация и адаптационное поведение, «субстратом» для которых выступает названная социальная группа. А это означает, что задача достижения репрезентативности в данном случае не ставилась.

Рассмотрим данные, иллюстрирующие два аспекта жизнедеятельности инвалидов-колясочников:

1) связь их социального самочувствия и материальной обеспеченности;

2) структуру проведения досуга как показатель востребованности в среде инвалидов с ограниченными опорно-двигательными возможностями.

Что же показали материалы нашего исследования?

1. *Связь социального самочувствия и материальной обеспеченности.*

Сначала рассмотрим пару: «эмоционально-психологическое состояние» и «материальная обеспеченность».

Между собой «эмоционально-психологическое состояние» и «материальная обеспеченность» взаимосвязаны очень тесно, что – на уровне бытового понимания – находит вполне естественное для наших дней объяснение: сегодня в нашей стране чувствуют себя уверенно только материально обеспеченные люди; в случае же жизни инвалидов это «правило» подтверждается, однако – с рядом существенных оговорок,

отражающих специфику положения основной массы представителей этой группы.

Действительно, в целом для большинства наших соотечественников деньги, материальный достаток сегодня являются не только мерилем благополучия, но и гарантией надежности всей их жизненной ситуации. Заметим, что речь идет не о тех – запредельных – суммах и размерах доходов, которыми оперируют наши миллиардеры и которые сами по себе уже могут спровоцировать в жизни человека возникновение серьезных проблем. Но из приведенных данных получается, что чем лучше у людей с ОВЗ материальная обеспеченность, тем хуже их эмоционально-психологическое состояние как генерализованная черта их социального самочувствия. Это кажущееся противоречие объясняется следующим образом.

Дело в том, что на социальное самочувствие человека с ограниченными возможностями оказывает влияние не столько наличие материальной обеспеченности на уровне, номинально обеспечивающем социально нормальное для определенного региона потребление. В случае инвалидов-колясочников ведущую роль играет возможность жить полноценной жизнью, а вот этого в большинстве российских населенных пунктов они и не могут. Проще говоря, даже имея деньги, российский инвалид-колясочник мало что может сделать для того, чтобы полноценно интегрироваться в общество. Он, человек с «особыми» потребностями, обществом ограничен в реализации своих возможностей. Выражается это в том, что даже при желании инвалида интегрироваться в общество и реализовать свои возможности общество не готово его принять. Причем дело не только в «нежелании» общества, которое, по крайней мере, на словах, на уровне декларированных намерений, – не против. В большинстве случаев инвалиды-колясочники не могут реализовать своих возможностей из-за существующих повсеместно инфраструктурных ограничений. В итоге рост материального благосостояния инвалидов как бы провоцирует усиление его ощущения собственной беспомощности и ненужности в обществе. Действительно, теоретически наличие денег (достаточно высокого уровня благосостояния) порождает у людей с инвалидностью стремление жить полноценной насыщенной жизнью, чего они не могут реализовать из-за препятствий, порожденных именно инфраструктурными ограничениями (неприспособленностью для нужд инвалидов среды обитания).

При этом на фоне тесной взаимосвязи рассматриваемых признаков явно прослеживается более сильное влияние именно материальной обеспеченности инвалидов на их эмоционально-психологическое состояние, а не наоборот.

То есть в общем случае – чем выше уровень обеспеченности инвалида, тем позитивнее он оценивает то, как складывается его жизнь. Это вполне соответствует не только реалиям, сложившимся в условиях построения в постсо-

ветской России капиталистического общества, реализующегося в течение последней четверти XX в., но и сущностному содержанию основных постулатов той квазиидеологической путаницы, которой в наши дни правящие элиты пытаются заполнить образовавшийся идеологический вакуум в обществе.

2. Структура проведения досуга как показатель востребованности культурного туризма в среде инвалидов-колясочников.

Нами изучались особенности проведения инвалидами-колясочниками досуга. При этом мы стремились выяснить реальную или потенциальную востребованность инклюзивного туризма в данной социальной группе.

Основное внимание мы сосредоточили на следующих положениях:

- какова структура проведения досуга в исследуемой группе, т. е. какие типы или формы проведения досуга характерны для инвалидов-колясочников и их охваченность каждой из форм;
- какова востребованность разных видов туризма в среде инвалидов-колясочников.

Информация об этом в исследовании фиксировалась при помощи вопроса «Как Вы обычно проводите свое свободное время?» и в дальнейшем анализировалась в агрегированном состоянии путем отнесения полученных ответов к одному из трех типов проведения досуга: простому, традиционному или активному.

Исходное распределение ответов на вопрос «Как Вы обычно проводите свое свободное время?» приводится на рис. 3.

Наиболее часто в среде опрошенных респондентов (инвалидов-колясочников) практикуются следующие досуговые формы: посещение музеев, театров, кинотеатров, концертных залов, клубов и т. п.; чтение книг, прослушивание музыки, компьютерные игры, занятие своим хобби; досуг, связанный с нахождением дома (просмотром телепередач, прослушиванием радио, работой по хозяйству или просто с «ничего неделанием»; чтением периодики (газет, журналов, интернет-новостей).

Интересующие нас в наибольшей мере формы досуга, связанные с турпоездками или с социальной активностью, – пункты списка: поездки на экскурсии, участие в походах, занятие физкультурой, спортом и участие в деятельности общественно-политических, благотворительных, общественных организаций – находятся в середине перечня, являясь привлекательными для трети респондентов, что не мало.

Все это характеризуются, с одной стороны, пассивностью части инвалидов, с другой – наличием в их среде определенной прослойки, или социальной подгруппы, проявляющей повышенную досуговую активность. В нашем случае речь идет о насыщенном досуге как средстве самоутверждения, самовыражения человека с инвалидностью в жизни, а также о способе доказательства собственной социальной «неушербности».

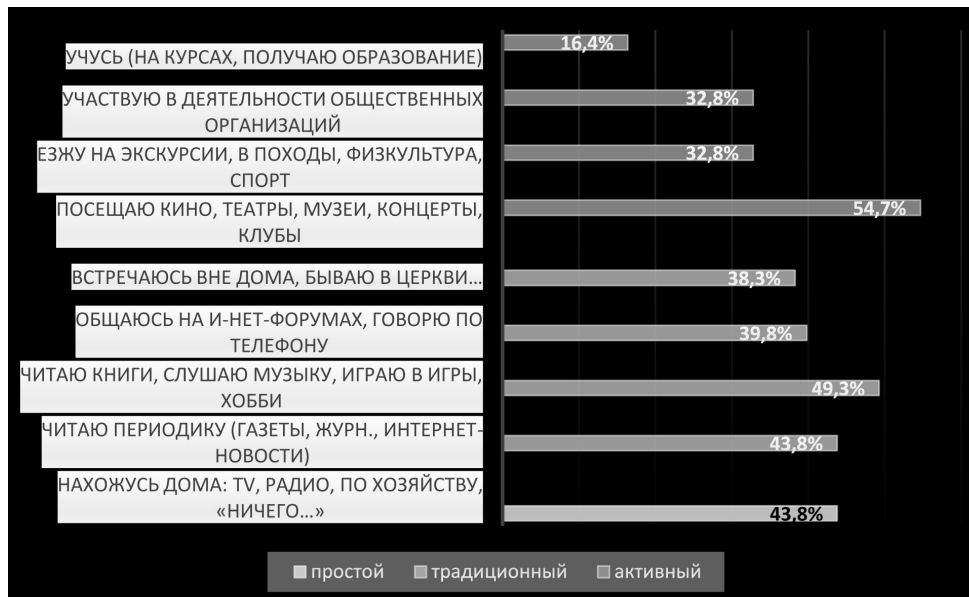

Рис. 3. Типы досуговой активности

Для активного типа инвалидов-колясочников, независимо от их возраста, характерно повышенное стремление вписаться в социум, выходящее за рамки чисто инвалидного сообщества. Эти люди принципиально стремятся пользоваться всеми благами и возможностями, которые предоставит наша социальная среда, причем не только инвалидам, но и всем, чья жизнь не осложнена «ограниченными возможностями». И в этом стремлении многие из них часто превосходят людей, не имеющих инвалидности. Они активно посещают концерты, выставки, лекции, презентационные и другие мероприятия, занимаются различными видами спорта, в том числе и экстремальными.

При этом наибольшие возможности подобного времяпрепровождения имеются у инвалидов, проживающих в «двух столицах», иных крупных и средних городах (что неудивительно) и, как ни странно, в сельских населенных пунктах. Если говорить о городах, то там есть не только соответствующие объекты культурного назначения, но и инфраструктурные возможности, обеспечивающие инвалидам доступ к ним. Конечно же, в городских поселениях значительно больше мест и, соответственно, возможностей для социокультурного проведения досуга, больше и возможности досягаемости таких мест (или объектов) для людей с инвалидностью. В сельских населенных пунктах, несмотря на тот факт, что перечень таких объектов зачастую ограничивается единственным клубом или домом культуры с местной библиотекой (в которых, правда, проходят различные встречи, концерты и другие мероприятия), но, тем не менее, их досягаемость для инвалидов почти ничем не осложнена: большинство строений одноэтажны, не требуется преодолевать лестницы, подземные переходы или мосты – при отсутствии пандусов и прочих необходимых приспособле-

ний. В поселках же городского типа и частично в малых городах стремление людей с ограниченными возможностями здоровья жить полноценной, культурно-насыщенной жизнью существенно ограничено именно инфраструктурными «барьерами».

Таким образом, можно утверждать, что по характеру проведения свободного времени инвалиды-колясочники не являются однородной группой. В их среде существует несколько прослоек, которые формируются под влиянием местных традиций, особенностей инфраструктуры по месту их жительства, факторов материального достатка и склонности к реализации различных типов или форм традиционной для них досуговой активности. Соответственно, и подход к вовлечению инвалидов-колясочников в процессы социокультурной интеграции, в том числе и через реализацию программ культурного туризма, должен быть дифференцирован с учетом культурных традиций и поведенческих (в сфере проведения досуга) особенностей представителей каждой из социальных прослоек. В тенденциях склонности проведения досуга у группы людей с ОВЗ раскрывается социальная перспектива культурного туризма в практиках туризма, и такая перспектива объективно существует.

В исследовании определены принадлежности респондентов к тому или иному типу по проведению досуга – «простому», «традиционному» или «активному».

Принятая нами схема отнесения ответов респондентов на вопрос «Как Вы обычно проводите свое свободное время?» к каждому из трех типов досуговой активности приведена на рис. 4.

В данном случае отсутствие замеров в первом пункте – «простой» тип досуговой активности – означает не отсутствие в среде обследо-

ванных респондентов практики «простого» типа проведения досуга вообще, но то, что он входит в состав более многогранных «традиционного» и «активного» типов досуговой активности. Просто данный тип досуговой активности отсутствует в досуговой практике обследованных инвалидов-колясочников в чистом виде.

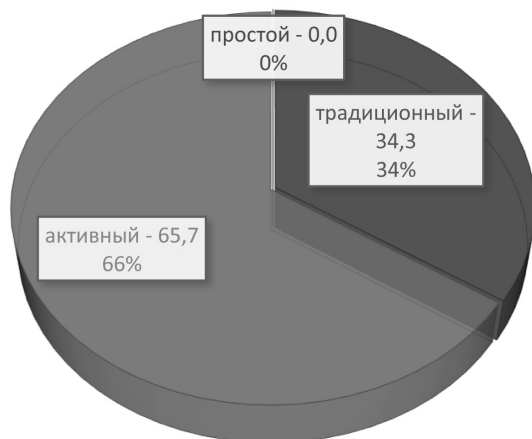

Рис. 4. Досуговая активность

Выявленный факт преобладания среди стратегических вариантов проведения досуга тех, которые связаны с активностью «вне дома» и несут в себе в том или ином виде определенный развивающий компонент, говорит о том, что распространение культурного туризма как способа социокультурного досуга инвалидов-колясочников вполне может стать для них социализирующим компонентом. То есть в данном случае можно утверждать, что с точки зрения значения культурного туризма для представителей социальной группы инвалидов-колясочников как средства (или ресурса) социализации практика применения культурного туризма для людей с ОВЗ также существует.

Здесь имеется ряд обстоятельств, показывающих, что в рассматриваемой социальной группе востребованность культурного туризма (несмотря на неудовлетворительную материальную обеспеченность инвалидов) существует для тех, кому не чужд «активный» тип досуговой активности помимо культурно-обусловленной, в виде значительной доли – 65,7%.

В плане совершенствования социальной перспективы культурного туризма для людей с ОВЗ это означает следующее. Поскольку существует довольно сильное взаимовлияние двух рассматриваемых признаков при доминировании (более существенном влиянии) оценки инвалидами своей жизни в целом, можно говорить о двух направлениях совершенствования рассматриваемой ситуации. Стимулирование инвалидов данной категории к практике применения именно активных форм проведения досуга, расширение их вовлечения в активные формы досуговой активности может осуществляться через разработку и

внедрение комплекса мероприятий по повышению их уровня жизни. Здесь необходимо пояснение. Сегодня, как в силу объективных причин – специфики положения этой социальной группы, обусловленной объективной ограниченностью их возможностей в социально-трудовой сфере, так и из-за объективных проблем в экономике страны, не может быть достигнуто такое улучшение качества жизни инвалидов, которое предполагало бы массовый их переход на более высокий уровень потребления (что могло бы «автоматически» повлечь за собой всплеск их интереса к активным формам досуговой активности).

Поэтому перспективным в этой области может оказаться именно совершенствование структурных характеристик жизни представителей социальной группы инвалидов-колясочников. Последнее же предполагает не только увеличение финансирования из всех источников работ и мероприятий по улучшению положения инвалидов (что, безусловно, необходимо), но и более тщательный и обоснованный подход к совершенствованию именно структуры такого финансирования. При этом, если объективные улучшения в этой области станут активно освещаться СМИ и СМК, то это будет способствовать более интенсивному формированию в социальной среде инвалидов и позитивной оценки ими собственной жизни в целом.

Все это говорит о наличии именно положительной связи, поскольку рассматриваемые признаки измерены с помощью разнонаправленных шкал. То есть повышение оценки качества своей жизни приводит к усилению в группе инвалидов-колясочников популярности именно активных форм проведения досуга; с другой стороны, рост охвата инвалидов активными формами досуговой активности, повышая общую насыщенность их жизни, способствует повышению оценки ими того, как складывается их жизнь в целом (при этом, конечно же, предполагается, что оценка качества жизни отражает объективно достигнутый уровень ее качества).

Подытоживая сказанное выше, отметим, что выявленная исследованием доля тех, для кого характерны более активные типы проведения досуга, достаточно высока – суммарно она составляет не менее 65%, что может считаться хорошей базой для развития инклюзивного туризма. То есть активные формы проведения досуга, многие из которых связаны с выходом из дома и/или с выездами в другие населенные пункты, сопряженными, к тому же и с определенными дополнительными денежными тратами, тоже востребованы в среде инвалидов-колясочников, и к ним тяготеют многие из них.

Вообще, важность «возможности проведения повседневного досуга так, как хотелось бы» (в качестве значимой ценности) была отмечена 100% опрошенных инвалидов в нашем исследовании, возможность ее реализации только 10,9% оценили как хорошую (высокую), 54,7% – как

удовлетворительную (среднюю) и 34,3% – как плохую, находящуюся на низком уровне.

Это то, что связано с востребованностью и перспективностью распространения форм досуга, предполагающих, кроме всего прочего, и культурный туризм в среде инвалидов. С этой точки зрения можно полагать, что будущее у этого сегмента есть.

Следовательно, возможности реализации имеющегося запроса на туристические услуги можно оценивать, прежде всего, исходя из значимости ценностей. Самой востребованной в среде инвалидов-колясочников является «возможность ездить на экскурсии по России», а самой доступной в плане возможности реализации оказалась «возможность ездить лечиться или отдыхать в российских санаториях, отелях или домах отдыха».

Не противоречит интуитивным ожиданиям и то, что в наиболее «запущенном» состоянии – как сегмент культурного туризма – находится «возможность ездить на экскурсии и отдыхать в другие страны»: по оценкам инвалидов-колясочников она и значима менее двух других, и возможность ее реализации находится в наихудшем состоянии (на это указали 62,8% опрошенных).

Таким образом, исходя из приведенных выше данных, можно сделать вывод, что многие инвалиды готовы к участию в различных программах или мероприятиях туристического характера. Подтверждается и тот факт, что более полно вовлечению инвалидов-колясочников в инклюзивный (доступный) туризм мешают инфраструктурные ограничения и факторы материально-технического характера. А такой вид туризма, как культурный, в ряде случаев недоступен для них вследствие отсутствия технических возможностей инфраструктурной среды. Например, просто выйти из дома или пересечь на пути к музею или выставочному залу автодорогу с интенсивным движением.

На основе приведенных материалов исследования можно сделать вывод о том, что культурные традиции, сложившиеся в сфере проведения досуга, характерные для инвалидов-колясочников, не препятствуют дальнейшему распространению в их среде культурного туризма, который в этом случае вполне может играть роль фактора их социальной интеграции (в частности, выявленная исследованием доля тех, для кого характерны более активные типы проведения досуга, достаточно высока – не менее 65%). Представ-

ленные материалы еще раз подтверждают существование факторов развития социальной перспективы культурного туризма для инвалидов-колясочников.

Вопросы же инфраструктурных и прочих ограничений технического характера необходимо решать, привлекая для технического обеспечения доступности «сторонние» организации и службы.

Но как это сделать? Видимо, один из наиболее реальных и довольно перспективных путей связан с организацией социально-партнерских отношений между инвалидами, их организациями, органами и функционерами власти, предпринимательским сектором.

Каким образом заинтересовать в таком партнерстве органы власти (как организующее и координирующее звено и участник партнерских отношений, создающего комплекс условий для его (такого партнерства) жизнеспособности) и предпринимателей (как держателей финансовых и материальных ресурсов)?

Следует вновь вернуться к затронутому в самом начале статьи сюжету о выработке понимания того, какую реальную пользу стране способны приносить люди с инвалидностью при должной организации дела, а также о готовности власти и предпринимательского сектора к продуктивной работе по улучшению в обществе ситуации жизнедеятельности людей с ОВЗ. На наш взгляд, перспективной площадкой для организации взаимодействия власти предпринимателей и общественных организаций, занимающихся проблемами инвалидов в рамках такой работы, вполне может стать социальное партнерство. Необходимо только правильно выбрать направления такого взаимодействия и адекватно стимулируемые государством его формы. Тогда, возможно, социальное партнерство в рассматриваемой области перестанет восприниматься большинством представителей властных структур, да и многими предпринимателями как мало кому нужная концепция.

Примечания

- ¹ См.: Министерство экономического развития Российской Федерации : [сайт]. URL: <http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz> (дата обращения: 24.01.2017).
- ² См.: Свободная пресса. URL: <http://svpressa.ru/economy/article/154693/> (дата обращения: 05.04.2017).

Образец для цитирования:

Максимова Е. В. Значение, востребованность и ограничения в развитии инклюзий в современной России: субъективный аспект // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 178–184. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-178-184.

Cite this article as:

Maksimova E. V. The Value, Relevance and Limitations in the Development of Inclusion in Modern Russia: the Subjective Aspect. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 178–184 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-178-184.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 32.001:94(470)

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ И ФАКТИЧЕСКОЕ В ТЕХНОЛОГИИ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Н. И. Шестов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: nikshestov@mail.ru

В статье анализируется тенденция возврата постсоветского массового сознания к представлению о патриотическом воспитании граждан как технологии, обеспечивающей заранее запланированный результат. Предлагается объяснение причин, по которым попытки государственных и общественных институтов руководствоваться этим представлением в своей публичной деятельности часто приводят к незапланированному результату, к распространению в гражданском обществе националистических настроений.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, гражданский патриотизм, национализм.

The Mythological and the Factual within the Technology of Patriotic Upbringing

N. I. Shestov

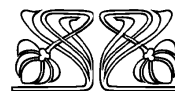
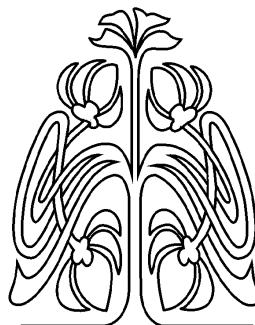
Article analyzes tendency of the return of post-Soviet mass consciousness to the idea of patriotic education of citizens as a technology that provides a pre-planned result. An explanation is offered of the reasons why attempts by state and public institutions to follow this idea in their public activities often lead to an unplanned result, to the spread of nationalistic sentiments in civil society.

Key words: patriotic education, civil patriotism, nationalism.

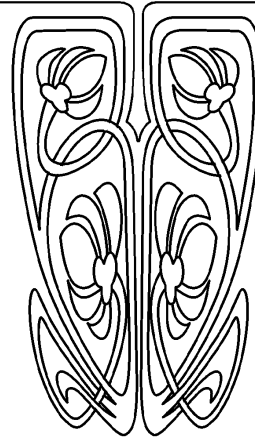
DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-185-190

Большинство современных государств и обществ заинтересованы в том, чтобы их граждане были настроены патриотически. По крайней мере, в той степени, которая обеспечивала бы национально-государственные суверенитет и безопасность. То и другое имеют первостепенное значение в условиях глобализации. В то же время большинство современных государств и обществ не заинтересованы в росте националистических настроений своих граждан. По крайней мере, в долгосрочной перспективе и в тех масштабах, которые могли бы угрожать нормальным экономическим, политическим и культурным отношениям с соседями и внутривнутриполитической стабильности. Даже там, где националистические настроения граждан *de facto* санкционируются государственными и общественными институтами, как, например, в Украине и странах Балтии, *de jure* эти настроения имеют статус легитимных «проявлений гражданского патриотизма».

Вопреки этим заинтересованностям по всему современному миру национализм, где-то более открыто, где-то менее, заявляет о себе как об одном из ведущих политико-культурных трендов начавшегося столетия. Причем как в обществах «традиционных», приверженных ценностям кланово-племенного быта, так и в обществах с давними либеральными, консервативными и социалистическими традициями национальной государственности и гражданского патриотизма. Нынешняя глобализация показывает все более отчетливо, что «прививки от национализма» на самом деле нет ни у кого. Заявляет о себе национализм восточно- и западноевропейский, балканский и турецкий, американский, российский, арабский, африканский, еврейский,

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

японский и т. д. Он заявляет о себе ростом популярности радикальных идей и влияния правых политических партий и движений, научным и идеологическим конструированием новых версий историй современных государств и народов. Националистические дискурсы правых политических партий и заявления либеральных лидеров, особенно частые в США, об «уникальности/избранности» отдельных наций в современном мире стали сегодня неотъемлемой частью демократических электоральных процессов, международной дипломатии и мировых информационных коммуникаций.

Реакция современных государств и обществ, включая российские, на эту тенденцию выстроена обычно в духе социальных стереотипов, можно сказать – социально-мифологических представлений о природе патриотизма и национализма. Представлений, исторически сложившихся на европейском континенте в Новое и Новейшее время, когда шло формирование государств-наций и гражданских обществ. Когда действительно появлялись педагогические и коммуникативные (от классической литературы до пропаганды в официальных СМИ) технологии, позволявшие «со школьной скамьи» воспитывать, например, француза французским гражданином, а немца немецким гражданином. В эту эпоху сложилось стереотипное представление, что разница между «патриотом» и «националистом» такая же, в сущности, как между просвещенным и непросвещенным, нравственным и безнравственным, хорошим и плохим человеком. Это вопрос воспитанности и культурности человека. «Националист», если следовать логике такого стереотипного представления, это плохо образованный и воспитанный государством и обществом гражданин, своего рода, «брак» в системе гражданского воспитания. Это гражданин, который не научен «правильно» осознавать и «в меру» выражать свои симпатии к «своему» государству и обществу, «своим» культурным ценностям, с одной стороны. С другой стороны, он не обладает «чувством меры» в интеллектуальном неприятии «чужого» и в публичной демонстрации такого неприятия. «Патриот» же, соответственно, – это гражданин хорошо образованный и воспитанный в согласии с теми «правилами» патриотического мышления и поведения, которые для него устанавливают общество и государство. «Правила» могут меняться в зависимости от задач, стоящих в тот или иной момент перед обществом и государством, но «патриотическое» поведение гражданина как раз и проявляется в способности последнего к этим изменениям приспосабливаться. Принципиальную логику этого мифа можно представить так: только от характера политико-воспитательного воздействия институтов государства и общества на гражданина зависит выбор последнего в пользу собственной патриотической либо националистической

идентичности, в пользу сдержанного либо не сдержанного проявления своих политических и культурных симпатий и антипатий.

Миф этот находит свое оправдание в опыте развития национальных государств в XX в. Действительно, стабильность национально-государственного развития достигалась преимущественно там, где государство и общество целенаправленно занимались воспитанием своих граждан, где на уровне законов и общественной морали удавалось определить ту самую «меру» гражданского чувства, которая соответствовала интересам государства и общества. В этом отношении показателен, как представляется, опыт государственного и общественного воспитания советских патриотов в СССР. Наблюдались, правда, существенные различия в понимании того, что считать «мерой», а что ее отрицанием и продвижением в политику национализма под маркой «патриотизма». Здесь не менее показателен опыт других государств: Германии, Италии, Испании в первой половине XX в., а сегодня – Украины и стран Балтии. Этот опыт показывает, что в определенных ситуациях государства и общества могут быть заинтересованы в производстве «патриотического брака». А конкретно в том, чтобы целенаправленно воспитывать в своих гражданах убеждение, что именно отсутствие меры в проявлениях любви к «своему» государству и обществу, их истории и культуре и в проявлениях нелюбви ко всему «чужому» – это и есть «истинный патриотизм», только проискавшими врагов государства и общества получивший определение «национализм».

Иначе говоря, миф о патриотизме как воспитанном государством и обществом в человеке чувстве политической и культурной «меры» представляет собой теоретическое осмысление технологии работы государственных и гражданских институтов над форматированием гражданской культуры, над гибкостью смыслов ее ключевых индикаторов, посредством которой национальные государства не просто формируют гражданский ресурс своего существования, а обеспечивают гибкость свойств этого ресурса и свою возможность управлять этой гибкостью.

В полной мере, заметим, логике этого мифа соответствует и обширная (с участием 28 государственных министерств и ведомств, различных общественных организаций федерального и регионального уровней и включающая в себя множество разнообразных мероприятий) государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016 – 2020 годы»¹. Программа, безусловно, важная и полезная. Вместе с тем следование в русле устоявшихся стереотипов о «правильном» воспитательном подходе к формированию у российских граждан патриотических настроений побудило составителей Программы обойти вниманием очевидный вопрос. Это вопрос гарантий, что в

результате своих масштабных ресурсных вложений в патриотическое воспитание граждан общество и государство «на выходе» получают именно граждан-патриотов, а не граждан-националистов. Судя по тому, что Программа не содержит прямых упоминаний о национализме, а лишь намеки на некие внешние «вызовы» делу патриотического воспитания российских граждан, ее авторы не рассматривают «патриотизм» и «национализм» как нечто взаимосвязанное. Скорее, как нечто взаимоисключающее. Тем самым вопрос гарантий как бы снимается: если ресурсы вкладываются в патриотическое воспитание граждан, то «на выходе», по крайней мере теоретически, ничего иного, кроме российского патриота, получиться не должно. Вопросы, связанные с национализмом, даже если просто следовать формулировкам названий тех мероприятий, которые включены в Программу (в формулировках упоминается только патриотизм и не упоминается национализм) – это вопросы совсем другого порядка, не имеющие прямого отношения к усилиям государства и общества по воспитанию из своих граждан патриотов.

Подход достаточно типичный для мифологического осмысления проблемы, пусть даже вполне рационального, когда абсолютизируется одна ее сторона и игнорируется другая. Одна сторона – реальная возможность для государства и общества повлиять на состояние политической культуры гражданина в выгодном для себя – патриотическом – направлении. С другой стороны, быстрый прирост сегодня националистических настроений в гражданских обществах и политических показывает, что возможность эта на самом деле где-то больше, где-то меньше, но ограничена. Государство и общество, как уже было сказано, заинтересованы воспитывать из своих граждан патриотов, а в результате этого воспитания во все больших количествах на политическую сцену выходят националисты, и часто в политической конкуренции, как показывает рост популярности правых политических партий, в современной Европе например, берут верх над «умеренными патриотами».

Откуда возникает это несоответствие между одной стороной проблемы патриотического воспитания гражданина в современном государстве, свое, как уже было сказано, вполне «работающее» решение для которой создает миф, и той другой стороной проблемы, которую обозначает отсутствие гарантированного результата от приложения общества и государством воспитательных усилий, когда «на выходе» может получиться «патриот», а может и «националист»? Вопрос практический, поскольку ответ на него позволяет в какой-то степени избежать завышенных ожиданий от воспитательных усилий общества и государства и их возможных взаимных претензий в связи с удачами и неудачами этой работы.

Когда современные специалисты по патриотическому воспитанию граждан видят источник его успехов и неудач только во внешних факторах (усилиях общественных и государственных институтов), они недооценивают другой важный момент. А именно то, что выбор гражданина в пользу «умеряемого» образованием и воспитанием (патриотического) или «неумеренного» (националистического) чувства любви ко всему «своему» и нелюбви к «чужому» – это выбор на уровне чувства. А это значит, что воспитательные усилия общества и государства представляют собой лишь одно из условий, хотя и важное, при которых гражданин становится патриотом и не становится националистом. Иначе говоря, на то, до каких отметок поднимается градус его любви к «своему» и нелюбви к «чужому», могут влиять самые разные жизненные обстоятельства, причем не обязательно политического свойства. Под влиянием этих, нередко далеких от политики, обстоятельств и возникают ситуации, когда государство и общество всеми силами старательно воспитывают патриота, устанавливают для него одну границу для проявления его политических и культурных симпатий и антипатий, а получают националиста, человека, который устанавливает для себя эту границу совершенно иначе, руководствуясь какими-то своими соображениями и ощущениями (например, множестве определений патриотизма, которые «создаются и множатся в соответствии с разными идеологическими трендами»²).

Эти обстоятельства личного выбора гражданина в пользу патриотической либо националистической идентичности могут быть бесконечно разнообразными. Но для объяснения того, как они образуют совокупность и вместе становятся фактором политико-культурного выбора гражданина, можно предложить простую формулу. Привести бесконечное разнообразие этих обстоятельств к общему знаменателю можно при помощи понятий «чувство нужности» и «чувство ненужности».

Многое в том, как человек в мыслях и действиях определяет для себя меру допустимого и недопустимого в политических и культурных симпатиях и антипатиях, зависит от ощущения им комфорта либо дискомфорта от пребывания в «своих» обществе и государстве. Это можно определить понятием «комфортность среды обитания гражданского чувства». В общем плане, будет ли чувство гражданина обладать патриотическим, умеренным либо националистическим, безмерным качеством, зависит от меры этой «комфортности». Мера же определяется тем, какова, по мнению гражданина, потребность в нем, в его талантах и его практическом участии у «своих» общества и государства. Это, используя известную формулировку из трактата Ф. Ницше «Так говорил Заратустра», внутреннее ощущение человеком того, что он «не есть человек лишний»³.

Если гражданин ощущает оптимальный комфорт, он с готовностью следует тем «правилам» патриотического мышления и поведения, которые делают его «своим» для «своих» государства и общества. Он также не видит ничего для себя проблемного в том, что правила эти могут измениться, если только он находит в этих изменениях нечто, повышающее градус его «нужности» в глазах окружающих и собственных глазах. Для советского патриотизма, например, официально установленным правилом был принцип интернациональной солидарности с трудящимися всего мира. Тот, для кого этническая, культурная, государственная принадлежность человека была важнее его классовых характеристик, считался националистом. С началом Великой Отечественной войны это правило подверглось корректировке. Для советского патриотизма по условиям военного времени этничность стала не менее важным ориентиром, чем классовость. Выражением советского патриотизма стали, например, слова писателя Ильи Эренбурга: «Мы поняли: немцы не люди. <...> Отныне слово “немец” разряжает ружье. Не будем говорить. Не будем возмущаться. Будем убивать. Если ты не убил за день хотя бы одного немца, твой день пропал. Если ты думаешь, что за тебя немца убьет твой сосед, ты не понял угрозы. Если ты не убьешь немца, немец убьет тебя. Он возьмет твоих и будет мучить их в своей океанной Германии. Если ты не можешь убить немца пулей, убей немца штыком. <...> Если ты убил одного немца, убей другого – нет для нас ничего веселее немецких трупов. <...> Убей немца! – это кричит родная земля...»⁴. Об убийстве «немца», как долге всякого советского патриота, писал поэт Константин Симонов: «И пока его не убил, / Ты молчи о своей любви, / Край, где рос ты, и дом, где жил, / Своей Родиной не зови»⁵. С окончанием войны эти этнические ориентированные правила проявления гражданином своего патриотизма перестали обеспечивать ему комфортное существование в условиях мирного времени и произошел возврат к прежним, патриотически-интернационалистским правилам.

На минимум комфорта для своего гражданского чувства человек реагирует по-разному. В одних случаях, пассивно, по принципу: «Раз я вам не нужен, то и вы мне не нужны!». В этом случае гражданин, стремящийся видеть в себе «хорошего патриота», а не «плохого националиста», просто покидает пределы Родины. Это может быть покидание «малой родины», переезд, например, из села в город или из провинциального города в столицу. А может быть и выезд за рубеж. Как проявление «эмигрантского» настроения можно, вероятно, рассматривать и вариант замыкания человека в своем внутреннем мире политических и культурных рефлексий.

Во всех этих случаях пассивной реакции на ощущение своей «ненужности» человек не

перестает быть патриотом, но его патриотическое чувство приобретает «отложенный» характер. Точно такой, какой это чувство имело у русских эмигрантов «первой волны». Они, если судить по тому, что сегодня опубликовано из литературного наследия русской эмиграции, и по тому, что написано об эмиграции современными исследователями⁶, понимали, что в нынешней, большевистской, России они никому не нужны. Но они не переставали быть патриотами. Их патриотизм базировался на уверенности в «непредрешенности» политической ситуации в России и в том, что, возможно, наступит время, когда их интеллектуальные и организаторские способности будут в какой-то момент востребованы российскими обществом и государством. Этот расчет, заметим, отчасти оправдался. Их опыт, интеллектуальный по крайней мере, оказался востребован как политической практикой, так и политической наукой.

С феноменом «отложенного» патриотического чувства мы встречаемся и в советской истории. Нам сегодня кажется странным патриотический настрой тех деятелей отечественной науки, которые, например, в 30–40-е гг. прошлого века, в сталинские времена своим творческим трудом укрепляли оборонный потенциал страны, будучи несправедливо обвиненными и репрессированными, заключенными в лагерях и «шарагах». Одни из них, возможно, сохраняли искреннюю веру в коммунистическую идею, другие наверняка в ней разочаровались после перенесенных несправедливостей. Но сохранять, несмотря ни на что, патриотическое чувство им, возможно, помогало не только очевидный масштаб внешних угроз для Страны Советов, но и ощущение своей неизбежной будущей нужности обществу, власти, близким людям, науке и т. д. А потому они оставались патриотами даже в тюрьме и ссылке.

Другой, активный, вариант реакции гражданина на ощущение своей «ненужности» способен незаметно для него самого превратить его из «патриота» в «националиста». Это происходит тогда, когда патриотично настроенный гражданин делает выбор в пользу борьбы за свою «нужность» обществу и государству, доказательства ее себе и окружающим любыми доступными ему на данный момент средствами, включая те, которые он прежде, пока ему было по-граждански комфортно в «своих» обществе и государстве, считал достойными исключительно «националиста». Ощущение «ненужности» снимает с него моральную ответственность за пересечение той границы, которую патриотично настроенный гражданин прежде считал для себя безусловной. Пересечение этой границы им воспринимается как акт справедливости, компенсирующий несправедливость, проявленную, как ему кажется, в отношении него обществом и государством. Если угроза стать лишним исходит, как это ощущает патриот, от общества, от проблем, возника-

ющих у патриота на уровне текущих социальных коммуникаций, то объектом его неприятия становится общество в той части, которую патриот идентифицирует как «чужую». Патриот стремится доказать самому себе свою нужность для общества, в котором он живет. Именно по этой причине он суживает свои представления о нем до таких границ, в которых его нужность вызывает у него самого минимальные сомнения, т. е. до узкого круга «своих», противостоящего более широкому окружению «чужих». Он борется за стабильность и комфортность своего чувства нужности внешнему миру. Он выбирает максимально убедительные, как ему кажется, а потому часто радикальные средства убеждения самого себя в том, что общество и государство не могут и не должны обходиться без него, без его сил, навыков, опыта. Именно в этот момент патриот, часто не замечая этого, становится националистом. Именно в этом случае самая совершенная программа патриотического воспитания, взятая на вооружение обществом и государством и даже скопированная с прежних удачных образцов (советская система патриотического воспитания), дает сбой и не тот результат, на который общество и государство вправе рассчитывать, вкладывая свои ресурсы в дело патриотического воспитания граждан.

С этого момента начинают заявлять о себе парадоксы, трудно объяснимые с точки зрения стереотипных представлений о том, кто и как воспитывает в человеке патриота либо националиста. Человек пересекает границу, отделяющую в его сознании и в его поведении «патриота» от «националиста», не сразу, а как бы по частям. Он изживает в себе малозаметного для себя и окружающих патриота и культивирует в себе патриота, заметного всем и всюду с первого взгляда. Человек может мыслить себя и быть в своих действиях патриотом своей страны, любить свою Родину как цивилизационное целое, ее великое прошлое. Но при этом, часто вопреки собственному пониманию, например, российской истории как истории имперской, делить структуры государства и общества на «свои» и «чужие» по этническому и религиозному либо каким-то иным «националистическим» принципам. Он продолжает любить Родину в целом, но начинает не любить ее по частям. И градус нелюбви в сознании и поведении такого «патриота» станет лишь нарастать по мере того, как будет увеличиваться число тех частей, на которые ему в поисках ответа на вопрос о причинах своей «ненужности» удастся расчлнить прежние целостные патриотические представления о «Родине». Этот критический настрой может доходить до стремления изменить государственный и общественный порядок в направлении, при котором, как кажется такому патриоту-националисту, восстановится «связь времен» и к нему вернется чувство социальной и государственной нужно-

сти. Этим, вероятно, можно объяснить феномен высокой активности националистов в политических протестных движениях разного рода.

Большую роль в формировании у гражданина ощущения своей «нужности» либо «ненужности», в выборе им той или иной стратегии и тактики заявления о своих политико-культурных императивах могут сыграть факторы, формально далекие от сфер политики, идеологии и гражданского воспитания. Государству и обществу придется приложить действительно немалые творческие усилия, чтобы сформировать «патриота», ощущающего свою «нужность», из человека, испытывающего внутренний психологический дискомфорт от постоянных проблем с жильем, работой, от отсутствия перспектив карьерного роста и повышения социального статуса, от опасений за будущее своих детей. Зато есть большой шанс, что все силы и средства, вложенные обществом и государством в гражданское воспитание этого человека, станут для него ресурсом, позволяющим активно заявить о своей националистической идентичности.

Этим, возможно, объясняется тот факт, что наибольшую трудность везде и всюду для государства и общества представляет патриотическое воспитание именно молодежи – самой малозащищенной и некомфортно себя ощущающей, особенно в либерально-рыночной системе, части гражданского общества. Маловероятно воспитательными и пропагандистскими средствами предотвратить превращение в националиста того патриота, который всюду вокруг себя видит вызовы и угрозы и понимает, что общество и государство ему не защита, по крайней мере, до тех пор, пока он не заставит их обратить внимание на себя и свои проблемы.

В этом смысле либеральная политика и рыночная экономика с их акцентом на индивидуальный выбор человеком способов и средств существования представляют собой постоянный вызов мифу патриотического воспитания гражданина. Они оставляют человека один на один с самим собой в вопросе объяснения им самому себе, другим людям своей «нужности» или «ненужности». Они ориентируют его так, что, в принципе, он никому на этом свете не нужен, пока не напомнит о себе. Но у него есть «естественные» права и свободы, которыми он может воспользоваться для доказательства себе и другим своей «нужности», а может и не воспользоваться. Все это создает такой простор для индивидуального выбора гражданина в пользу патриотической либо националистической идентичности, при наличии которого воспитательные усилия общества и государства, какие бы силы и средства не были бы в них вложены, представляют собой лишь вспомогательный фактор.

Не имеет вместе с тем смысла перекаладывать всю ответственность за нынешние трудности в патриотическом воспитании российских гражд-

дан на либеральную политику, как и надеяться, что если в российской политике возобладает консервативный тренд, то он обеспечит прорыв в деле патриотического воспитания граждан. Конечно, консервативная политика в целом создаст более благоприятную «среду обитания» для патриотического чувства. Она предоставляет гражданину меньше индивидуальной свободы в выборе политико-культурной идентичности. Но она, как показывает политическая практика, не есть сама по себе гарант комфортного существования гражданского чувства в сложном пространстве межлических и межгрупповых, общественно-властных коммуникаций. Когда в этом сложном пространстве возникают конфликты и кризисы, консерваторы-патриоты легко превращаются в консерваторов-националистов (как это было в последние десятилетия существования Российской империи, например, или в 20–30-е гг. прошлого века в Германии и Италии). Дело не в самих по себе содержательных особенностях идеологии. Главное заключается в том, получает человек или не получает в политической и неполитической жизни, построенной (как это часто бывает в современных обществах) по канонам этой идеологии, подкрепление своему чувству востребованности себя и своих личностных достоинств окружающими его людьми, социальными и государственными институтами. Если ощущает такую востребованность, если видит себя «не лишним», то человек становится па-

триотом в условиях любой политической системы, как авторитарной, так и демократической, и в условиях любой политической культуры, как активистской, так и подданнической и любой другой. Он просто чувствует себя комфортно в данной политической системе в качестве носителя определенной культуры и не ощущает потребности кому-либо и что-либо доказывать и навязывать из своих ценностей и представлений.

Примечания

- ¹ См.: О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы». URL: <http://government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkh1jsKAEgrx2dE4q0ws.pdf> (дата обращения: 21.02.2017).
- ² Вилков А. А., Колесников К. Ю. Особенности предметного пространства политологического анализа патриотизма // Вестн. МГОУ (Электронный журнал). 2015. № 1. С. 2. DOI :10.18384/2224-0209-2015-1-629.
- ³ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. URL: <http://lib.ru/NICSHF/zaratustra.txt> (дата обращения: 26.11.2016).
- ⁴ «Убей немца» в советской пропаганде. URL: <http://propagandahistory.ru/648/Ubey-nemtsa-v-sovetskoj-propagande> (дата обращения: 26.11.2016).
- ⁵ Там же.
- ⁶ См.: Митрохин В. А. Русское Зарубежье : поиск идей и политическая практика (20–30-е годы XX века). Саратов, 2001.

Образец для цитирования:

Шестов Н. И. Мифологическое и фактическое в технологии патриотического воспитания // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 185–190. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-185-190.

Cite this article as:

Shestov N. I. The Mythological and the Factual Within the Technology of Patriotic Upbringing. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 185–190 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-185-190.

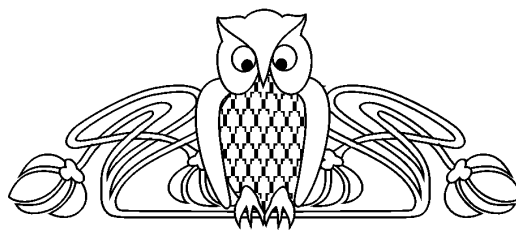

УДК 32.019.51+303.01

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНЦЕПТ «ПАТРИОТИЗМ» В РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

Я. А. Никифоров

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: nikiforovy@mail.ru

В статье рассматриваются трактовки социального концепта «патриотизм» в отечественной социально-философской, общественно-политической, художественной литературе, которые сосредоточены на поиске и вычленении базового фактора, формирующего патриотическое мировосприятие личности, социальной группы, социума в целом. Особое внимание уделено современному звучанию традиционного для русской социальной мысли понимания патриотизма.

Ключевые слова: патриотизм, социальный концепт, русская общественная мысль, мировоззрение личности, социальные ценности.

Social Concept "Patriotism" in the Russian Social Thought

Ya. A. Nikiforov

In article interpretations of a social concept "patriotism" in russian socio-philosophical, socio-political literature and fiction which are concentrated on search and extraction of the basic factor forming patriotic attitude of the personality, social group, society in general are considered. Special attention is paid to modern view to traditional for the Russian social thought understanding of patriotism.

Key words: patriotism, social concept, Russian social thought, outlook of the personality, social values.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-191-193

Сегодня при всем разнообразии публикаций различного уровня научности, посвященных проблеме патриотизма, возросший поток которых обусловлен увеличившимся социальным запросом, парадоксальным образом отсутствует четкое понимание объекта дискуссии. Дефиниция категорий и понятий должна предшествовать любой научной дискуссии, традиционно это альфа и омега любого дискурса. Однако в обсуждении темы патриотизма практически невозможно найти такого четкого определения данной категории. И не потому, что никто не озаботился подобной процедурой, а, видимо, потому, что сделать это рационально, чисто научными методами представляется чрезвычайно сложным. Социальный концепт «патриотичность» в данном аспекте представляется схожим с концептом «этничность» в том смысле, что его определение пытаются вывести через субъектность социальных и социально-ценностных отношений. Что на сегодняшний день имеется в активе отечественной социальной науки в ракурсе рассматриваемой проблемы?

В наших рассуждениях мы будем использовать понятие «социальный концепт» как идею, содержащую в себе базовые коды, управляющие социальными нормами, ценностями, формами социального восприятия и обмена в конкретных социокультурных исторических условиях.

Трактовки социального концепта «патриотизм» в литературе, главным образом, группируются вокруг поиска и вычленения базового фактора, формирующего патриотическое мировосприятие личности, социальной группы, социума в целом. Остановимся на нескольких основных, уходящих корнями в традицию отечественной социальной мысли.

Чаще всего патриотизм понимается как существенный компонент духовно-нравственного капитала личности, выражающийся в способности человека испытывать любовь к Родине, готовности к самопожертвованию и самоотречению для ее благополучия. В этой же парадигме рассматриваются и религиозные аспекты патриотизма. И. А. Ильин писал: «В современном мире есть множество таких несчастных безродных людей, которые не могут любить свою родину потому, что инстинкт их живет лично-эгоистическим или эгоистически-классовым интересом, а духовного органа они лишены. И вот идея родины ничего не говорит их душе. Идея родины предполагает в человеке живое начало духовности. Духовно мертвый человек не будет любить свою родину и будет готов предать ее потому, что ему нечем воспринять ее и найти ее он не может»¹. С. Н. Булгаков углубляет сакральную трактовку патриотизма: «Родина есть священная тайна каждого человека, так же как и его рождение. Теми же таинственными и неисследимыми связями, которыми соединяется он через лоно матери со своими предками и прикрепляется ко всему человеческому древу, он связан через родину и с матерью-землей, и со всем Божиим творением. Человек существует в человечестве и природе, и образ в его существовании дается в его рождении и родине»².

Следующее направление обычно определяется как личностный патриотизм. В русской социальной мысли обоснование личностного патриотизма концептуализировал Г. Флоровский. Именно напряжение личных сил человека, по его мнению, формирует любовь к Родине³. Н. А. Добролюбов также считал, что человек более сочув-

ствуется своему Отечеству, потому что более знает его нужды, лучше может судить о его положении, сильнее связан с ним воспоминаниями общих интересов и стремлений⁴. В. Г. Белинский писал: «...всякая благородная личность глубоко осознает свое кровное родство, свои кровные связи с Отечеством. Живой человек носит в своем духе, своем сердце, в своей крови жизнь общества: он болеет его недугами, мучится его страданиями, цветет его здоровьем, блаженствует его счастьем, вне своих собственных, своих личных обстоятельств»⁵. Наиболее ярко эту мысль выразил Н. Г. Чернышевский: «...историческое значение каждого человека измеряется его заслугами перед Родиной, силой его патриотизма»⁶.

Государственным патриотизмом принято называть такой социальный концепт, в рамках которого безусловной ценностью, выступающей объектом патриотического чувства, является государство. Идеи государственного патриотизма с монархическим оттенком начали оформляться в творчестве Феофана Прокоповича: «А понеже всех собственная благая на общем добре отечества висят, долженствуем, яко всегда, со усердием молити вышняго о благоповедении и сохранении того, на котором все добро общее основанное содержит десница вышняго: о державнейшем императоре нашем Петре великом»⁷. Достаточно выпендрено, но вполне отчетливо формулировал суть государственного патриотизма М. В. Ломоносов в своих одах (например, о Петре I): «Он Бог, он Бог твой был, Россия...»⁸; (о Елизавете I):

«Блеснула на российском троне
Яснее дня Елисавет...
Российско солнце на восходе
В сей обще вожделенный день
Прогнало в ревностном народе
И ночи и печали тень»⁹.

Наиболее емко основную идею государственного патриотизма сформулировал П. Б. Струве: «Единственное спасение для нас в восстановлении государства через возрождение национального сознания <...> Можно и должно трепетно любить добытые кровью и жертвами многих поколений могущество Державы Российской...»¹⁰. Главная проблема заключается в том, что данное направление, учитывая специфику исторического пути России, помещает государство в центр дискурса, но при этом имеет размытое представление об объекте, обожествляя роль государства в жизни социальной системы. Именно эта черта в купе с готовностью легко жертвовать правами и свободами личности во благо государства (к сожалению, не вполне четко осознаваемое и артикулируемое) является камнем преткновения для критики государственного патриотизма со стороны современных так называемых либералов.

Еще одной разновидностью выступает классовый патриотизм. Его базовые положения пред-

ставлены в работе В. И. Ленина «О национальной гордости великороссов». Согласно им, суть патриотизма зависит от понимания будущего страны классами-антагонистами. Пролетариат и крестьянство предстают как носители настоящего чувства национальной гордости и любви к России, а противники революции объявляются антипатриотами¹¹.

Явление, впоследствии названное «народный патриотизм», возникло в конце XVII – начале XVIII в. в творчестве выдающихся социальных мыслителей Симеона Полоцкого, Юрия Крижанича и связывалось ими с «общей народной пользой», «общим благом». Крижанич, в частности, писал: «Только те люди заслуженно пользуются плодами, выгодами и правами своей родины, коих действия и труды стремятся прямо к общему народному благу»¹².

Следующее течение – «гражданский патриотизм» – характеризуется как недавно актуализированное в противовес государственному патриотизму. Однако при ближайшем рассмотрении оно продолжает историческую традицию русской общественной мысли. А. Н. Радищев считал, что истинным сыном отечества может быть тот, кто способен стремиться «в последовании естественным и откровенным законам, извлеченным от ... естественных гражданским или общежительным»¹³. Он доказывает, что патриот – это человек, исполненный чести, благородства, способный всем пожертвовать для блага народа, но прежде всего «существо свободно», гражданин, противостоящий самодержавию и крепостничеству (именно поэтому крепостные крестьяне не могут быть патриотами). М. Е. Салтыков-Щедрин писал: «...в торжественные години, и в будни идея отечества одинаково должна быть присуща сынам его, ибо только при ясном ее сознании человек приобретает право называть себя гражданином»¹⁴. По мнению современных апологетов гражданского патриотизма, в его основе «...лежат свобода, равноправие, чувство сопричастности к проблемам общества и государства, гражданская мораль и естественная поддержка природных рефлексов: гордость за дом, двор, соседа, спортивную команду, город, регион»¹⁵.

С гражданским соседствует социальный концепт патриотизма, получивший обозначение рационально-критический. Его идейным отцом считают П. Чаадаева. Полагая любовь к истине выше любви к Родине, он писал: «Прекрасная вещь любовь к отечеству, но есть еще более прекрасная любовь к истине... Не чрез родину, а чрез истину ведет путь на небо»¹⁶. В этом, вполне традиционном для русской социально-философской мысли, утверждении (вспомним Ф. М. Достоевского: «Правда выше Некрасова, выше Пушкина, выше народа, выше России, выше всего...»¹⁷) упор делается на христианском смысле категории «истина», что не вызывает отторжения. Однако, начав с неконфликтного рас-

суждения, Чаадаев доходит до категорических императивов: «Я предпочитаю бичевать свою родину, предпочитаю огорчать ее, предпочитаю унижать ее, только бы не обманывать»¹⁸.

И вот обнаруживается: нет никакого рационально выделяемого единого признака патриотичности, поскольку личность субъективно выбирает для себя совокупность ценностей, составляющих для него, его социальной группы, класса социальный концепт патриотизма. Комплекс элементов социального концепта «патриотизм» создает такие хитросплетения, что практический смысл установления его границ и параметров ускользает. Чувство родины совершенно иррационально: можно любить природу и культуру, но быть равнодушным к политическому устройству страны. При этом патриотизм не исключает и не противопоставляет любви и к земле, и к народу, и к государству. Он соборно включает в себя все понятия как необходимые ценностные составляющие любви к Родине.

И отечественная социальная мысль прекрасно показывает, что, несмотря на изменения трактовок социального концепта «патриотизм», которые заключаются в трансформации ключевого признака патриотизма, задающего вектор разворачивающегося в его рамках многообразия дискурсов, суть отношения к самому феномену остается неизменной. И как по-разному ни понимать суть патриотизма, но для того, чтобы называть себя патриотом, необходимо следовать простым принципам, наиболее сжато сформулированным А. Ф. Бестужевым: «...храните законы... защищайте отечество от нападений неприятельских; доставляйте отечеству все те выгоды, какие только состоят в возможности вашей; не остановитесь в пределах, законами только предписанных, но устремляйтесь делать для него всякое добро, какое только любовь ваша вдохнуть может; да польза оного учинится вашим верховным, единственным законом»¹⁹.

Несмотря на то, что зафиксировать феномен патриотизма крайне сложно, само явление «патриотизм», взятое как «социальный факт», вполне вещественно и материально. В наиболее общем виде сущность патриотизма, сформулированная за столетия развития социальной мысли в нашей стране, может быть выражена в следующих ключевых емких, простых и взаимосвязанных тезах. Патриотизм – это любовь возвышенная и преданная к своему Отечеству, неотъемлемость от своей Родины, неразрывность, прежде всего, духовной связи с ней, де-

ятельное, вплоть до самопожертвования, служение Отечеству.

Примечания

- ¹ Ильин И. А. О Родине // Православный просветитель. 2009. Октябрь. URL: <http://tobolsk-eparhia-ress.ru/prosvetitel/number.php?dat=2009.10&st=4> (дата обращения: 24.10.2015).
- ² Булгаков С. Н. Автобиографические заметки. Дневники. Статьи. Орел, 1998. С. 9.
- ³ См.: Флоровский Г. О патриотизме праведном и греховном // На путях : Утверждение евразийцев. Кн. 2. М. ; Берлин, 1922. С. 250.
- ⁴ См.: Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. : в 6 т. Л., 1934–1939. Т. 3. С. 227.
- ⁵ Белинский В. Г. Статьи о Пушкине, Лермонтове, Гоголе. М., 1983. С. 163.
- ⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. : в 16 т. М., 1939–1953. Т. 3. С. 137.
- ⁷ Феофана Прокоповича Архиепископа Великого Новгорода и Великих Лук, Святейшаго Правительствующего Синода Вице-президента, а потом первенствующаго Члена. Слова и речи поучительные, похвальные и поздравительные собранные и некоторые вторым тиснением, а другие вновь напечатанные : в 4 ч. СПб., 1760–1774. Ч. II. С. 124.
- ⁸ Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л., 1986. С. 99.
- ⁹ Там же. С. 122.
- ¹⁰ Струве П. Б. Размышления о русской революции. М., 1961. С. 61.
- ¹¹ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. : в 55 т. М., 1967–1981. Т. 26. С. 106–111.
- ¹² Крижанич Ю. Политика. М., 1965. С. 322.
- ¹³ Радищев А. Н. Полн. собр. соч. : в 3 т. М. ; Л., 1938–1952. Т. 1. С. 215.
- ¹⁴ Салтыков-Щедрин М. Е. Полн. собр. соч. : в 20 т. Т. 2. М., 1972. С. 172.
- ¹⁵ Вырицков А. Н., Табатадзе Г. С. Концепция городской программы формирования гражданского патриотизма. Волгоград, 1997. С. 28.
- ¹⁶ Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего // Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и избр. письма : в 2 т. М., 1991. Т. 1. С. 523–524.
- ¹⁷ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. : в 30 т. Т. 26. Л., 1978. С. 198.
- ¹⁸ Чаадаев П. Я. Апология сумасшедшего. С. 469.
- ¹⁹ Русские просветители (от Радищева до декабристов). Собрание произведений в двух томах / под ред. И. Я. Щипанова М., 1966. Т. 1. С. 129.

Образец для цитирования:

Никифоров Я. А. Социальный концепт «патриотизм» в русской общественной мысли // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 191–193. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-191-193.

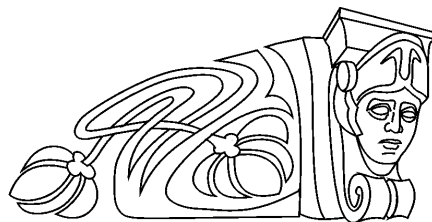
Cite this article as:

Nikiforov Ya. A. Social Concept “Patriotism” in the Russian Social Thought. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 191–193 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-191-193.

УДК 94 (47)+929 Струве

ПЕТР СТРУВЕ: «НА ПУТИ К ЗДРАВОВОМЫСЛИЮ...» (идейно-политическая борьба на страницах эмигрантской прессы 20–30-х годов XX века)

В. А. Митрохин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: MitrokhinVA@yandex.ru

В статье анализируется общественная и политическая позиция одного из признанных лидеров российской эмиграции первой волны Петра Бернгардовича Струве. Рассматриваются различные стороны политического процесса, сопряженное с ним идейное противоборство конкурирующих «центров силы» русского зарубежья, один из которых олицетворял собой П. Б. Струве. Исследуются отдельные аспекты идейно-политических баталий и их отражение на страницах популярных эмигрантских печатных изданий разной направленности.

Ключевые слова: Февральская революция, власть, политическая эмиграция, либерализм, интеллигенция, российская история.

Peter Struve: “On the Way to Good Sense...” (Ideological and Political Struggle on Pages of the Emigre Press of the 20–30th Years of the XX Century)

V. A. Mitrokhin

In article the public and political position of one of acknowledged leaders of the Russian emigration of the first wave, Peter Struve, is analyzed. Various parties of political process, the ideological antagonism of the competing “centers of force” of the Russian emigration, one of which personified to P. B. Struve, are considered. Separate aspects of ideological and political fights and their reflection on pages of popular emigrant's editions of a different orientation are researched.

Key words: February revolution, power, emigres, liberalism, intellectuals, Russian history.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-194-197

Первые годы пребывания в эмиграции бывших российских подданных были отмечены не только энергичными действиями по обустройству в новом для многих мире, но и стремлением осмыслить пережитые на Родине события, разобраться в характере, динамике тектонических сдвигов в мировой политике и даже сделать прогноз на будущее.

Косвенным свидетельством этого стала активная издательская и публицистическая деятельность представителей разных политических групп и объединений диаспоры, на всём протяжении межвоенного времени (20–30-е гг. XX в.) пребывавших в состоянии острой конкурентной борьбы.

Одним из безусловных лидеров русского Зарубежья был Пётр Струве (1870–1944). Как и большинство беженцев из России, он крайне болезненно пережил революционные события

1917 г., последовавшую за ними братоубийственную Гражданскую войну и уже в начале 20-х гг. попытался разобраться в причинах исторической драмы, свидетелем и участником которой он стал. В 1921 г. в российско-болгарском издательстве выходит в свет его книга «Размышления о русской революции», в которой он пытается разобраться в хитросплетениях российского исторического и политического опыта на протяжении трёх предшествовавших разгрому страны веков. Истоки трагедии 1917 г., с точки зрения автора, следует искать в глубинах российской истории¹.

Дальнейшее исследование политических процессов, что важно в контексте общемировых и, прежде всего, европейских, продолжилось П. Б. Струве на страницах популярных в эмиграции периодических изданий, главным редактором которых он был в 20–30-е гг. С 1920 г. им возобновляется издание журнала «Русская мысль» первоначально в столице Болгарии (1921), а затем в Праге (1922–1923), Берлине (1923–1926), Париже (1927)². В 1925 г. он отказывается от кафедры социологии, предложенной ему в Софии, и возглавляет ежедневную газету консервативного толка «Возрождение», издававшуюся на деньги Абрама Гукасова³. Именно тогда, по аналогии с «Дневником писателя» Ф. М. Достоевского, появляется «Дневник политика».

Рубрика, в которой главный редактор определял своё отношение к значимым событиям общественно-политической жизни, сразу вызвала пристальный интерес как друзей, так и оппонентов П. Б. Струве. Страстные статьи «Дон Кихота российской политики» (как его называли соратники) были направлены в том числе и на преодоление «милюковского кадетско-либерального твердолобия», «во всей красе» представленного на страницах самой популярной газеты русского зарубежья «Последние новости».

Ежедневная газета Милюкова на самом деле проявляла повышенный интерес как к самой персоне П. Б. Струве, так и к событиям, связанным с его кипучей деятельностью. Наиболее ярко это проявилось в реакции на так называемый Всемирный русский съезд, собравшийся в Париже в 1926 г. при решающей роли главного редактора «Возрождения»⁴. Задолго до созыва съезда и вплоть до начала его работы «Последние новости» пестрили заголовками, названия которых говорили сами за себя: «Патриоты и “патриоты”», «Моралисты и политиканы», «Подготовка к провалу», «Без «вождя» и т. д.⁵

Главная газета эмигрантских либералов всячески стремилась воспрепятствовать попыткам Струве объединить «здоровые силы эмиграции» и преодолеть раздиравшие эмиграцию политические противоречия. В этой связи в статье под названием «Товарищество эксплуатации монархических движений» писалось следующее: «Со скрежетом зубным... готовят публике картину своего любовного единения»⁶. Тема была продолжена в материале «Рейхенгальцы»: «...и только наивные политические младенцы могли верить в фикцию “над-сверх-и беспартийности” истинных инициаторов зарубежного “единения”»⁷.

Разница подходов непримиримых идейных противников проявилась и в оценке Февральской буржуазно-демократической революции в России 1917 года. Либеральная часть эмиграции, глашатаям которой были «Последние новости», настойчиво пыталась отстоять правоту избранного тогда курса, который должен был обеспечить выход России «на путь цивилизованного развития».

Пётр Струве был ярким противником попыток оправдать банкротство либеральных политиков и их идей, приведших в конечном итоге к «великому мировому скандалу». В очередной статье «Дневника политика» в марте 1927 г. он писал: «Февральская революция есть просто неудача, исторический выкидыш... прославление этой революции есть либо вредное самообольщение, либо настоящий обман. И то и другое одинаково нестерпимо для трезвого ума...»⁸

Жесткой критике подвергался и непосредственный «носитель февралистских идей». С точки зрения Струве, лидер либерал-демократов так и не сделал выводов из произошедшего, «так ничему и не научился», а интересы политической борьбы по-прежнему ставит выше интересов Отечества. Яркой иллюстрацией непримиримости бывших соратников явился материал «Дневника политика» от 24 февраля 1927 г.: «В своём теоретическом и моральном ослеплении Милюков гораздо больше интересуется борьбой со Струве, чем с большевиками... Всё это не только морально отвратно, но и нецелесообразно политически...»⁹

Анализируя ход и последствия Февраля 1917 г., Пётр Струве подчёркивал особую роль «ордена русской интеллигенции», «творца и жертвы революции»¹⁰. По мысли автора, представители просвещённого класса вознамерились сокрушить русскую теократию «во имя свободы». Обет был выполнен, однако между «освобождённым народом» и «освободителями» разверзлась пропасть. В этих условиях надо было властвовать. Однако дальнейшее трагическое развитие событий было связано с «неспособностью русского интеллигента-идеалиста конкретно осуществить власть...». Итогом этого стала не только гибель Российского государства, но и фиаско самой интеллигенции: «...“орден” физически истреблён и повержен в прах...»¹¹

Моральный тупик, в котором оказалась интеллигенция, уже будучи в эмиграции, в который раз обозначил один из «проклятых вопросов» русской жизни: «Что делать?». Практическая невозможность вернуться на дорогу традиционной государственности, нереальные события, происходившие в Советской России, тяжёлые для большинства условия эмигрантского бытия – всё это ставило на повестку дня ещё одну мучительную тему: «За что бороться? Новая Россия – зло. Старая – зло...»¹²

Неразрешимая дилемма, с которой столкнулись представители «ордена интеллигенции», своеобразным образом сказалась на политическом поведении «февралистов» в зарубежье. Пётр Струве, весьма критично относившийся к своей роли в трансформации России, стремился отслеживать и отражать на страницах «Возрождения» и других изданий политическую «траекторию» как соратников, так и противников. Одна из ярких персон, находившихся в его поле зрения, – А. Ф. Керенский.

Сам бывший министр-председатель Временного правительства, в 1918 г. сбежавший в Лондон, а затем осевший в Париже, первоначально попытался было занять активную политическую позицию в эмиграции. Редактируемая им газета «Дни» (1922–1932) живо откликалась на события эмигрантской и международной жизни. В многочисленных журналистских материалах, дискуссиях и даже книгах А. Ф. Керенский с завидной настойчивостью (а по мнению некоторых, догматизмом) отстаивал правоту своей политической линии в трагическом 1917 г.¹³ Будучи талантливым оратором, он регулярно выступал с лекциями перед различными аудиториями, демонстрируя крайний антисоветизм. Вполне логичным в связи с этим был и его призыв к «крестовому походу» против Советской России.

Увы, всё это никак не способствовало росту популярности, и даже, наоборот, Керенский и «керенщина» стали символами политического популизма и предательства, а сам Александр Фёдорович отторгался практически всеми слоями эмигрантского сообщества. С точки зрения главного редактора «Возрождения», «Керенский не годен и должен заставить о себе забыть»¹⁴.

Тем не менее, фамилия бывшего главы Временного правительства, пусть даже в отрицательной коннотации, регулярно мелькала на страницах прессы, а его издание пыталось отстаивать некую политическую позицию.

В одном из ноябрьских выпусков «Возрождения» 1926 г. достаточно подробно разбирается доклад Керенского в редакции «Дней». Приведены цитаты из его выступления: «Я многому научился за эти годы... теперь я понимаю, что слово должно быть поддержано штыком», или ещё: «...сначала Россия, а потом всякие социализмы и демократизмы»¹⁵. В своём докладе, констатирует «Возрождение», А. Ф. Керенский демон-

стрирует готовность к сотрудничеству с любыми антибольшевистскими силами, что, в принципе, совпадало с позицией П. Б. Струве. Тем не менее, реакция последнего была предсказуема и отразилась в подзаголовке к статье – «Позднее прозрение г. Керенского»¹⁶.

Чуть позже, в «Дневнике политика» появляется материал Струве с весьма, казалось бы, оптимистическим заголовком «Здравомыслие г. Керенского»¹⁷. Его автор продолжает начатую в предыдущем номере тему, полагая что политическое мировоззрение героя публикации эволюционирует в верном направлении, а именно к «национальной точке зрения». Однако здесь же автор утверждает, что «не следует преувеличивать значение заявлений г. Керенского»¹⁸.

Сомнения в последовательности политической позиции бывшего министра-председателя и дальше находили отражение на страницах изданий П. Б. Струве¹⁹. Например, в «Дневнике политика» еженедельника «Россия», который он возглавил после ухода из «Возрождения», заявлено следующее: «Керенский ныне за рубежом занимает в борьбе с большевизмом ту же неясную, половинчатую позицию, какую он занимал в бытность свою во главе Временного Правительства»²⁰.

По-разному в эмигрантской среде относились к идейным исканиям Петра Бернгардовича Струве. Многие припоминали ему увлечение легальным марксизмом, членство в партии кадетов и даже «дрейф» в сторону правого лагеря. Совершенно очевидно, что его путь к «политическому здравомыслию» был весьма тернистым. Однако на этом пути он был искренен и чужд политической конъюнктуре. Полемизируя с П. Н. Милюковым в «Возрождении» по вопросам евразийства, он ясно определял своё мировоззренческое кредо: «Нельзя пользоваться идеями, не служа им. Нельзя вместо мировоззрения иметь набор противоречивых идей, произвольно выдвигаемых и употребляемых по мере надобности и удобства...»²¹. Вместе с тем указанная позиция не предполагала упрямства и догматизма. Струве не единожды демонстрировал уважительное отношение к позиции оппонента, если это шло на благо дела. Такой подход он считал значимой чертой в процессе поиска истины и всячески отстаивал его на страницах прессы, в публичных выступлениях. Как всегда, его взгляды разнились с мнениями апологетов либеральной демократии²².

Анализ общественной и политической деятельности П. Б. Струве не оставляет сомнений в том, что он был настоящим патриотом своей страны. Став свидетелем и участником драматических событий в России, Пётр Струве ещё в начале 20-х гг. признал: «Мы слишком безоглядно критиковали и порочили перед иностранцами свою страну. Мы более чем недостаточно бережно относились к её достоинству, её историческому прошлому»²³.

Будучи единственным из всей «веховской плеяды» человеком «прямого действия», Пётр Бернгардович Струве, исходя из своих принципов и убеждений, пытался повлиять на процессы, происходившие на Родине, изменить, как ему казалось, ситуацию к лучшему. По большей части этого не удалось. Тем не менее, проделанная гигантская работа в сочетании с уникальным политическим опытом, как нам представляется, не была напрасной.

Некоторые проблемы, обозначенные П. Б. Струве в 20–30-е гг., обретают новый смысл и актуальность в современных условиях. Важнейшие среди них – обоснование исторической ответственности элит (властвующей и оппозиционной); убежденность в необходимости информационной открытости и культуры политических дискуссий, предполагающие уважение чужого мнения; осознание необходимости гармонизации социальной среды и формирования «среднего класса» и др. Их учёт и грамотное использование могли бы стать серьёзным подспорьем в благородном деле «обустройства» современной Российской державы.

Примечания

- ¹ Интересный взгляд на эволюцию и крушение имперских структур предложил профессор Н. И. Шестов (См.: Шестов Н. И. Логика генезиса имперских структур // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2009. Т. 9, вып. 3. С. 88–91).
- ² Журнал «Русская мысль» издавался в России в 1907–1918 гг. и, по признанию современников, стал яркой страницей общественно-политической жизни страны этого времени. Наряду с этим до революции П. Б. Струве участвовал в работе журналов «легального марксизма» («Новое слово» – 1897 г., «Начало» – 1899 г., «Жизнь» – 1900 г.), нелегального журнала «Освобождение» (1902–1905 гг.), политического еженедельника «Полярная звезда» (1905–1906 гг.), стал одним из авторов легендарного сборника «Вехи» (1909 г.).
- ³ К сотрудничеству в редакции привлекались лучшие литературные силы эмиграции: И. А. Бунин, И. А. Ильин, И. С. Шмелёв и др.
- ⁴ См.: Митрохин В. А. Русское зарубежье: поиск идей и политическая практика. Саратов, 2001. С. 206–215.
- ⁵ См.: Последние новости. 1926. № 1786 от 11 февр.; № 1792 от 17 февр.; № 1797 от 22 февр.; № 1811 от 8 марта; № 1816 от 13 марта; № 1837 от 3 апр.; № 1839 от 5 апр.; № 1842 от 8 апр.
- ⁶ Там же. № 1837 от 3 апр.
- ⁷ Там же. № 1842 от 8 апр.
- ⁸ Возрождение. 1927. № 648 от 12 марта.
- ⁹ Там же. № 632 от 24 февр.
- ¹⁰ Там же. № 651 от 15 марта.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Обращаясь к книге Керенского, посвящённой истории революции и вышедшей в Нью-Йорке в 1927 г., газета

П. Б. Струве «Россия» писала : «Июльскую реакцию Керенский до сих пор считает “победой нации... Советы находились в панике и упадке”. Глава того правительства убеждён, что “при нём всё к лучшему и ему извне помешали достигнуть полного успеха”...» (Там же. 1928. № 26 от 18 февр.).

¹⁴ Там же. 1927. № 667 от 31 марта.

¹⁵ Такого рода неожиданный политический кульбит позволил заявить эсеру О. С. Минору на этом же собрании о том, что «Керенский стал романовцем».

¹⁶ Возрождение. 1926. № 540 от 24 нояб.

¹⁷ В «Днях» пытались отвечать на достаточно наступательную позицию «Возрождения». В ряде журналистских материалов критически оценивалась политическая позиция Петра Струве (1926. № 942 от 28 февр., № 959 от 20 марта, № 971 от 3 апр., № 972 от 4 апр., № 973 от 6 апр. и др.). Получалось это, на наш взгляд, не вполне убедительно и не всегда корректно. Достаточно типичной является статья «С большой головы», опубликованная в № 922 от 5 февраля 1926 г. Автор упрекает руководителя конкурирующего издания в попытке монополизировать идею русского патриотизма, намекая на его национальные корни : «...когда российские немцы берут патент на русский патриотизм, когда во имя своих политических целей они бередают самые глубокие чувства всякого русского человека – мы говорим “простите, господа истинно русские”».

¹⁸ Возрождение. 1926. № 544 от 28 нояб.

¹⁹ В августе 1927 г. Пётр Струве покидает редакцию «Воз-

рождения», что не осталось не замеченным в лагере оппонентов. Милюковские «Последние новости» (1928. № 2478 от 4 янв.) в связи с этим не без сарказма отмечали, что «Струве совершил политическое самоубийство и требовал, чтобы все последовали его примеру». Однако это была преждевременная радость. Вскоре после отъезда из Парижа, при поддержке друзей, в частности С. В. Рахманинова, П. Б. Струве основывает еженедельник «Россия», переросший через два года в «Россию и славянство». Яркие и резонансные публикации в «Дневнике политика» продолжались вплоть до 1935 г.

²⁰ Россия. 1927. № 18 от 24 дек.

²¹ Возрождение. 1927. № 620 от 12 февр.

²² Анализируя «родовые черты» защитников либеральной демократии, Струве особое внимание обращал на их нетерпимость к инакомыслию. Особенно ярко это проявилось в защите позиции Дмитрия Пасманика и публикации в «Последних новостях» передовицы «Антисемит Пасманик и филосемит Шульгин» от 10 марта 1927 г. В «Возрождении» было опубликовано открытое письмо главного героя «разгромного материала» под названием «Клеветникам из “Последних новостей”». В нём, в частности, был задан вопрос, оставшийся без ответа: «Когда же, наконец, “Последние новости” станут культурным органом прессы, не позволяющим себе чернить всех инакомыслящих?». В дальнейшем П. Б. Струве заявит о «зlobствующей нетерпимости» П. Н. Милюкова в отношении инакомыслящих.

²³ Струве П. Б. Размышления о русской революции. София, 1921. С. 6.

Образец для цитирования:

Митрохин В. А. Петр Струве: «На пути к здравомыслию...» (идейно-политическая борьба на страницах эмигрантской прессы 20–30-х годов XX века) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 194–197. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-194-197.

Cite this article as:

Mitrokhin V. A. Peter Struve: “On the Way to Good Sense...” (Ideological and Political Struggle on Pages of the Emigre Press of the 20–30th Years of the XX Century). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 194–197 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-194-197.

УДК 323.2

ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ЭЛИТЫ: ГЕНЕЗИС, ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

А. А. Вилков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: vil57@yandex.ru

А. С. Воронцов, А. В. Понеделков

Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Ростов-на-Дону
E-mail: raven_serg@mail.ru

В статье анализируются роль и место современных российских региональных элит на основе результатов панельных экспертных опросов, проведенных при подготовке Первого Всероссийского элитологического конгресса (2013 г.) и Второго Всероссийского элитологического конгресса (2016 г.). Отражено восприятие российских элит экспертным сообществом, дана оценка динамики качественных изменений в элитном слое, предложены меры, которые, по мнению экспертов, должны способствовать развитию межэлитных взаимодействий и развитию лидерства. Указаны тенденции, проявляющиеся в современных региональных элитах, сформулированы общие выводы.

Ключевые слова: элиты, элитология, Первый и Второй Всероссийские элитологические конгрессы, региональные элиты, панельный экспертный опрос, рекрутинг элит.

Political and Administrative Elites: Genesis, Problems of Current Development

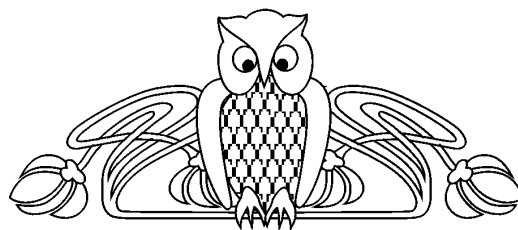
A. A. Vilkov, A. S. Vorontsov, A. V. Ponedelkov

Based on the results of panel expert surveys conducted on the eve of the First (2013) and Second (2016) All-Russian Elitological Congresses, the authors analyze the role and importance of contemporary Russian regional elites. Experts' predisposition to the Russian elites is shown, dynamics of elites' quality transformation is evaluated, and steps to conduce inter-elite interaction and development of leadership are pinpointed. Tendencies of the modern regional elites' existence are named, general conclusions are formulated.

Key words: elites, elitology, the First and Second All-Russian Elitological Congresses, regional elites, panel expert survey, elites' recruiting.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-198-203

Вопрос о роли и месте региональных элит является одним из ключевых вопросов элитологии. Данная проблема в течение последних двадцати лет находится в центре внимания сложившейся на базе Северо-Кавказской академии государственной службы (ныне Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС при Президенте РФ) научной элитологической школы под руководством профессоров А. В. По-

неделкова и А. М. Старостина. На базе данной школы при поддержке Совета по политологии УМО по классическому университетскому образованию РФ, Правления Национальной коллегии политологов преподавателей, факультета политологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета в октябре 2013 г. в г. Ростове-на-Дону состоялся Первый Всероссийский элитологический конгресс «Элитология России: современное состояние и перспективы развития», в работе которого приняли участие более 200 авторитетных специалистов-элитологов, философов, юристов, представителей органов государственной и муниципальной власти, деловых кругов и общественных организаций из Российской Федерации, Германии, Индии, Украины, Белоруссии, Киргизии¹.

Вопрос о состоянии региональных элит и механизмах их рекрутинга получил последовательное развитие в октябре 2016 г. в материалах Второго Всероссийского элитологического конгресса с международным участием «Элитология и стратегии развития современной России», проведенного также в г. Ростове-на-Дону².

В июле–августе 2016 г., накануне Второго Всероссийского элитологического конгресса, его организаторами был проведен панельный экспертный опрос по базовым позициям, используемым более 20 лет. Отдельные вопросы были модифицированы с учетом современной политической обстановки. В опросе приняли участие около 900 представителей экспертного сообщества из 26 регионов страны. Основную часть экспертов составили ученые (до 40%), остальные – представители административно-политических кругов, бизнеса, культуры, образования³.

Полученные в ходе панельных опросов 2013 и 2016 гг. результаты можно классифицировать по следующим базовым позициям.

I. Общее представление о российских элитах

Необходимость четкого представления о региональных элитах определяется тем, что в научных публикациях отмечается значительный разброс мнений о степени сформированности российской элиты. Поэтому акцент в исследованиях 2013 в 2016 гг. был сделан на следующем вопросе: «В научной и публицистической печати достаточно распространено мнение о том, что

современная российская элита (прежде всего правящая политическая и административная и бизнес-элита) по уровню своего профессионализма, нацеленности на национальные интересы и духовно-нравственным качествам таковой не является. Это – квазиэлита, т. е. элита лишь по своему статусу и властным полномочиям. Каково Ваше отношение к данной позиции?» Результаты сведены в табл. 1.

Таблица 1

Понимание российской элиты как квазиэлиты

Варианты ответов	% ответов	
	2016 г.	2013 г.
Положительное	26,2	62,8
Скорее положительное	53,4	
Скорее отрицательное	9,7	14,8
Отрицательное	1,9	
Безразличное	1,0	11,7
Затрудняюсь ответить	2,9	
Другие	7,8	

Как следует из данных таблицы, в 2016 г. около 80% экспертов выделили оценочную позицию «квазиэлиты». По сравнению с результатами экспертного опроса 2013 г., оценки существенно сдвинулись в негативную сторону. Категоричнее обозначилась и позиция экспертов, выбравших отрицательный вариант ответа (с 14,8% в 2013 г. – к 11,6% в 2016 г.).

Учитывая изложенное выше, органам власти целесообразно внести существенные коррективы в информационную политику, в которой преобладает подача социального и экономического негатива, что эксперты, выбравшие данные позиции, связывают соответственно с низкой эффективностью принимаемых элитами решений и углублением кризиса.

Данные оценочные позиции нашли частичное подтверждение в ответах экспертов на вопрос: «Что Вы можете сказать, исходя из своих наблюдений, о динамике качественных изменений современных российских политических и административных элит?» (табл. 2).

Таблица 2

Динамика качества российских политических элит

Варианты ответов	% ответов
Изменилась в лучшую сторону	14,6
Осталась на прежнем уровне	45,6
Изменилась в худшую сторону	33,0
Затрудняюсь ответить	3,0

Негативные в своем большинстве оценки экспертов можно отнести к отрицательной динамике социально-экономического развития. Но, думается, ответы на следующий вопрос – «Как, по-вашему, сформировался высший слой

административного руководства области (края, республики)?» – дают основание полагать, что указанные выше оценки в большей мере связаны с определенными изменениями в составе элит, обусловленными сменой поколений (табл. 3). Так, все меньший удельный вес занимают люди, имевшие практический опыт административно-политического управления, а также сложившиеся нравственные устои.

Таблица 3

Оценка результатов рекрутирования региональных элит

Варианты ответов	% ответов	
	2016 г.	2013 г.
В ходе политической борьбы произошел отбор руководителей новой формации	24,3	19,8
В этом слое представлена бывшая номенклатура, быстро сменившая прежнюю идеологическую принадлежность	42,7	37,0
К власти пришли путем интриг хитрые, беспринципные, алчные люди, ставящие своими целями личные интересы	43,7	29,5
У власти находятся сейчас люди, у которых много замыслов, желание изменить ход событий, но их усилия блокируются высшей государственной властью и коррумпированными структурами	15,5	24,8
Высший слой администрации сформировался современным демократическим путем	5,8	15,8
В высшие эшелоны администрации пришли те, кого хотели выбрать избиратели	5,8	13,8
Другое	8,7	6,3

В определенной мере эти данные коррелируют с экспертными оценками и суждениями экспертов о преобладающих установках в ценностно-мотивационной сфере элитных слоев. Ответы на вопрос «Какие ценностные установки и мотивы лежат в основе властно-политической и управленческой деятельности современной правящей элиты России?» приведены в табл. 4.

Таблица 4

Мотивация поведения политических элит

Варианты ответов	% ответов
Стремление честно служить Отечеству	5,8
Владение властью	55,3
Иметь доступ к богатствам страны	35,0
Обогащение	46,6
Карьера, стремление к высоким должностям	54,4
Стремление завоевать уважение народа	3,9
Другое	14,6

Следует объективно признать, что ничего необычного в элитном аспекте экспертные оценки не выявили. Если представитель элитной

группы не имеет властных, карьерных, собственных амбиций, то для такого рода индивида и группы в целом это аномально.

Настораживает другое – отсутствие необходимого баланса личностных и национально-государственных устремлений. Следствием этого может стать формирование антигосударственной, компрадорской элиты. На объективное проявление подобной тенденции и указывают эксперты.

Сопоставительный анализ исследований 2013 и 2016 гг. показывает некоторое сужение эффективности механизмов демократического отбора в состав элиты и усиление продвижения в карьерном росте «нужных людей», их приоритетной нацеленности на личные и групповые интересы.

Оценка экспертами достоверности источников информации об элитах и эффективности используемого инструментария показывает, что около 40% опрошенных подчеркивают несовершенство и недостаточность этого инструментария, и лишь около 9% экспертов твердо уверены в его достаточности. Эксперты обращают внимание на выявление дополнительных признаков принадлежности к этому слою, помимо широко известных и применяемых: статуса, роли в принятии решений, авторитета. Предложения экспертов о необходимых дополнениях к данному перечню изложены в табл. 5.

Таблица 5

Идеально-типические индикаторы оценки элит, востребованные в обществе

Варианты ответов	% ответов
Высокий уровень профессионализма	56,3
Ответственность перед обществом	60,2
Высокий нравственный потенциал	49,5
Другое	2,9

Предложенные индикаторы требуют акцента на разработке и легитимации в процессах выявления указанных признаков. Они не лежат на поверхности и требуют выявления в том числе в сложных тестовых процедурах, в усложнении действий демократических институтов и механизмов, направляемых на движение и отбор новой генерации политиков, администраторов, руководителей, лидеров, аналитиков, обеспечивающих принятие государственных решений.

II. Оценка динамики качественных изменений в элитном слое

Ключевое значение представляют системно-ценностные характеристики элит, так как они позволяют оценить, нацелена ли их деятельность на решение частно-корпоративных или общенациональных проблем. В конечном счете это позволит судить о степени устойчивости государства и его легитимности.

Так на вопрос «Какие достоинства и негативные характеристики проявляются в деятельности современных российских политико-административных и региональных элит?» получены следующие ответы (табл. 6).

Таблица 6

Достоинства и негативные характеристики российских региональных элит

Варианты ответов	% ответов	
	2016 г.	2013 г.
Умение разрешать конфликты, стабилизировать обстановку	53,4	44,5
Координация действий различных групп населения	34,0	23,5
Умение лоббировать интересы населения региона	31,1	26,8
Чуткость к проблемам населения	11,7	15,5
Патронирование развития малого бизнеса	8,7	12,3
Забота о развитии национальной культуры и образования	5,8	13,8
Другое	8,7	10,3

По сравнению с 2013 г. основные приоритетные позиции изменились незначительно, однако настаораживает ослабление и без того низкорангового положения пункта «Чуткость к проблемам населения». Как говорится, комментарии излишни. Но важны детерминанты этого положения. Они просматриваются при ранжировании экспертами факторов, отражающих управленческую эффективность элит.

Так, при ответе на вопрос «Отметьте, пожалуйста, факторы, снижающие эффективность действий представителей региональной политико-административной элиты» были получены следующие ответы (табл. 7).

Таблица 7

Факторы, снижающие эффективность действий представителей региональных элит

Варианты ответов	% ответов	
	2016 г.	2013 г.
Коррупция	64,1	57,5
Бюрократизация органов власти	51,5	35,8
Отрыв власти от народа	50,5	47,5
Низкий профессионализм служащих, исполнителей	33,0	28,5
Слабая финансовая и материальная база	22,3	27,8
Отсутствие должной информационной поддержки	20,4	8,5

Следует отметить, что за пределами анализа оказались около десятка менее значимых позиций. Но в целом кластер негативно-деструктивных факторов за три года практически не изменился. Категорично выражая сущность указанных факторов, можно констатировать: сложившаяся в последние годы бюрократическая

система работает на себя. Она обладает высокой степенью устойчивости в силу того, что механизмы элитообразования сложились и закрепились. Без принципиально новых подходов изменить в ней что-то крайне сложно.

Можно утверждать, что с подобным выводом согласны и эксперты – это следует из их ответов на вопрос «Какова эффективность сложившихся в Вашем регионе механизмов элитообразования?» (табл. 8).

Таблица 8

Эффективность механизмов элитообразования

Варианты ответов	% ответов
Высокая	39,8
Средняя	30,1
Низкая	16,5
Сложившаяся система формирует элиту крайне низкого профессионального-личностного качества	5,8
Затрудняюсь ответить	3,9

Таким образом, более половины экспертов оценили эффективность системы формирования элиты как невысокую.

Заслуживает внимания мнение экспертов по вопросу «Какие факторы сегодня определяют прочность пребывания в политико-административной элите регионального (местного) уровня?». Варианты ответов по убыванию приоритетных выборов мы также можем представить в сравнении с данными экспертного опроса 2013 г. (табл. 9).

Таблица 9

Факторы прочности пребывания в региональных элитах

Варианты ответов	% ответов	
	2016 г.	2013 г.
Умение поддерживать неформальные отношения с нужными людьми	62,1	27,5
Лояльность политическому режиму	61,2	35,5
Богатство, деньги	35,9	22,3
Профессионализм	19,4	34,0
Социальное происхождение	8,7	0,0
Национальность	6,8	2,8
Престижное образование	6,8	0,0
Умение выявлять, выражать и защищать интересы людей	6,8	42,5
Другое	0,0	0,0

Таким образом, за последние три года существенно выросла значимость ориентации служащих на мнение руководства, «своих» людей, команду. Переломить действие этих приоритетов крайне сложно. Однако эксперты полагают, что предпосылки для этого имеются. Об этом говорят ответы на вопрос «Какие меры Вы бы предложили для улучшения качественных характеристик современной правящей российской элиты?» (табл. 10).

Таблица 10

Меры для улучшения качественных характеристик современной правящей российской элиты

Варианты ответов	% ответов
Ужесточение персонального спроса за некачественное исполнение служебных обязанностей	58,3
Коррупционное очищение	49,5
Дебюрократизация государственного аппарата управления	36,9
Кардинальное улучшение работы системы профессиональной переподготовки и повышения квалификации кадров государственного и муниципального управления	26,2
Другое	1,9

Ответы экспертов показывают, что они не высоко оценивают усилия по борьбе с коррупцией, введение в практику кодексов служебной этики и т. п., но выражают надежду на то, что более предметному противодействию коррупции может способствовать усиление патриотической нацеленности и ориентация на интересы национальной безопасности (эти позиции выбраны экспертами как наиболее приоритетные при прогнозе изменений ценностно-идеологических позиций российских правящих элит).

III. Меры, способствующие совершенствованию межэлитных взаимодействий и развитию лидерства

Оценивая характер межэлитных взаимодействий, можно отметить сужение в рамках современной российской политической практики уровня значимости взаимодействий с интеллектуальными элитами и элитами культуры. Эксперты подчеркивают необходимость расширения спектра этих взаимодействий. В частности, это подтверждают ответы на вопрос «Не могли бы Вы охарактеризовать роль других элит (интеллектуальной, информационной, меритократии и др.), кроме административно-политических и бизнес-элит, в социально-политическом процессе современной России?» (табл. 11).

Таблица 11

Роль неполитических элит в политике

Варианты ответов	% ответов
Положительная	2,9
Скорее положительная	57,3
Скорее отрицательная	16,5
Отрицательная	4,9
Затрудняюсь ответить	13,6

Так, более 60% экспертов оценили эту роль в качестве положительной и лишь 20% выбрали ответы: «скорее отрицательная» или «отрицательная». Таким образом, в оценках подавляющего числа экспертов преобладает позиция одобрения роли этих взаимодействий. По мне-

нию экспертов, требует значимой поддержки и ряд других сил, которые заинтересованы в разрешении кризисных ситуаций. Об этом свидетельствуют ответы на вопрос «Какие силы, Вы считаете, заслуживают поддержки в первую очередь в контексте вывода страны из кризисного состояния?». Ниже приведена выборка из числа позиций, наиболее приоритетных для экспертов (табл. 12).

Таблица 12

Силы, заслуживающие поддержки в контексте вывода страны из кризисного состояния

Варианты ответов	% ответов
Малый бизнес	42,7
Сильные личности	41,7
Президент страны	36,9
Ученые, преподаватели	35,9
Средний бизнес	32,0
Патриотические движения	26,2

Следует отметить, что в отношении позиции «Президент страны» просматривается определенная тревога экспертного сообщества, связанная с нарастающими атаками на В. В. Путина со стороны не только глобалистских сил, но и их партнеров внутри страны.

В табл. 13 приведены ответы на вопрос: «В России всегда значительный удельный вес занимали латентно-теневые взаимоотношения в среде правящего элитного слоя. Поэтому многие качественные изменения в системе российской власти в перестроечные годы и постперестроечные годы конца XX в. оказались неожиданными и трагическими для нашего общества. Какова вероятность такого рода кардинальных трансформаций в ближайшие годы? Как Вам кажется?».

Таблица 13

Вероятность кардинальных изменений в стране в ближайшее время

Варианты ответов	% ответов
Такие изменения возможны, но их вероятность невысокая	43,7
Вероятность средняя в режиме «пятьдесят на пятьдесят»	22,3
Кардинальные изменения возможны и их вероятность высокая	16,5
Кардинальные изменения неизбежны и их вероятность очень высокая	7,8
Вероятность практически нулевая	4,9
Затрудняюсь ответить	1,0

Анализ мнений экспертов показывает, что их тревожные ожидания соотносятся с политическим оптимизмом на уровне 1:1, что включает в ряд элитных и неэлитных участников современного политического процесса в России

президента страны и как арбитра, и как гаранта устойчивости политической системы.

Из вышеизложенного можно сделать следующие общие выводы.

1. Результаты экспертного опроса 2016 г. демонстрируют устойчивость в преобладании ряда стереотипных представлений, прежде всего, о политической и бизнес-элите. И общественное, и экспертное мнения по-прежнему недооценивают элитный капитал современного правящего слоя. При этом отдается должное тем качествам, благодаря которым этот слой позиционируется как элитный: агрессия, политическая амбициозность, нацеленность на власть и карьеру, избегание следования общенациональным интересам и чаяниям населения, способность к манипуляции людьми и т. п. Это объективно, ибо без таких качеств вряд ли возможно достижение целей в политической борьбе. Одновременно отмечается все большее стремление действующей элиты обособиться и сохранить властные позиции и полученные материальные преференции и все меньше – в ориентации на решение общегосударственных проблем, прежде всего проблем национальной безопасности. Это может свидетельствовать о системных симптомах олигархизации элиты, склонности ко внедемократическим средствам удержания полученной власти.

2. Эксперты не дают четкого ответа на вопрос: как гражданскому обществу в рамках действующего законодательства воздействовать на сегмент коррумпированной бюрократившейся элиты? С одной стороны, они приветствуют усилия Президента России, направленные на очищение элиты административно-политическими мерами, и требуют большей принципиальности и последовательности в очищении элиты от коррупционеров и некомпетентных руководителей; с другой стороны, апеллируют к нравственному и культурно-образовательному инструментарию, призванному придать «человеческое измерение» устремлениям элиты. Представляется, что со всей очевидностью встает задача существенной корректировки подходов к оценке деятельности и рекрутингу элит в условиях сложившейся в современной России социально-политической ситуации. При этом основная сложность будет заключаться в выборе оптимального пути решения данной задачи, ибо возможных вариантов достаточно много, они альтернативны и несут в себе значительные риски, которые в отечественной ситуации XX в. уже неоднократно имели место.

3. Результаты исследования дают основное утверждать, что в начале 2017 г. российское общество явно находится на «развилке», причем выбор оптимального направления дальнейшего пути развития общества и государства осложняется деструктивным воздействием агрессивных кругов глобалистского сообщества, преследующих свои собственные интересы, явно расходящиеся с национальными интересами России.

Примечания

- ¹ См.: Элитология России : современное состояние и перспективы развития : материалы Первого Всерос. элитологического конгр. с междунар. участием (7–8 октября 2013 г., ЮРИФ РАНХиГС, Ростов-на-Дону) : в 3 т. Т. 1, 2. Ростов н/Д : Дониздат, 2013.
- ² См.: Элитология и стратегии развития современной России : материалы Второго Всерос. элитологического конгр. с междунар. участием (21–22 октября 2016 г., Ростов-на-Дону) / ред.-изд. гр. : А. Ю. Шутов (руков.), О. В. Локота, С. Г. Еремеев, А. В. Понеделков,

- О. Ф. Шабров, А. В. Буров и др. Т. 1. Ростов н/Д : Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2016 ; Элитология и стратегии развития современной России : материалы Второго Всерос. элитологического конгр. с междунар. участием (21–22 октября 2016 г., Ростов-на-Дону) / ред.-изд. гр. : А. Ю. Шутов (руков.), О. В. Локота, С. Г. Еремеев, А. В. Понеделков, О. Ф. Шабров, А. В. Буров и др. Т. 2. Ростов н/Д : Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2016.
- ³ См.: Понеделков А. В., Старостин А. М. Элиты : гипотезы и факты // Элитология и стратегии развития современной России. Т. 1. С. 6–21.

Образец для цитирования:

Вилков А. А., Воронцов А. С., Понеделков А. В. Политико-административные элиты: генезис, проблемы развития на современном этапе // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 198–203. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-198-203.

Cite this article as:

Vilkov A. A., Vorontsov A. S., Ponedelkov A. V. Political and Administrative Elites: Genesis, Problems of Current Development. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 198–203 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-198-203.

УДК 328.36

ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОЛИТИЗАЦИИ ИСЛАМА В 1990-е гг.: ОБЩЕРОССИЙСКАЯ И ПОВОЛЖСКАЯ ПРОЕКЦИИ

Д. Г. Мирзаханов

Дагестанский государственный технический университет,
Махачкала
E-mail: mirzakhanov1962@mail.ru

В статье исследованы попытки построения устойчивых общероссийских политических партий и движений на исламской основе. Доказано, что создаваемые в 1990-е гг. мусульманские партии и объединения не сумели стать эффективным каналом для политической репрезентации мусульманского населения ни в общероссийском масштабе, ни на поволжском региональном властно-политическом уровне. Мусульманское партийно-политическое строительство было использовано некоторыми активистами в качестве ресурса для рекрутирования в общероссийскую политическую элиту через общенациональные электоральные механизмы.

Ключевые слова: политическая институционализация российских мусульман, мусульманские политические партии, региональные факторы политизации ислама, социальная самоорганизация мусульман.

Party-political Aspect of Politization of Islam in 1990s: Russia and Volga Region Projection

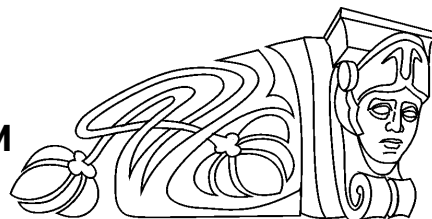
D. G. Mirzakhanov

The paper studies an attempts of building of stable Russian Muslim political parties and movements. The author argues that created at 1990s Islam parties and organizations could not be able to build an effective channels for political representation of Muslim population in whole of Russia as well as at regional political level, mainly at Volga-area. Muslim party building process was used by some political activists as an important resource for recruitment into Russian political elite through federal electoral machine.

Key words: political institutionalization of Russian Muslims, Islam political parties, regional factors of politization of Islam, social Muslim self-organization.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-204-208

Институционализация политического участия по мусульманскому признаку в 1990-е гг. происходила в форме создания политических партий и движений. Яркими примерами данной тенденции стала история таких известных исламо-политических структур, как Исламская партия возрождения (ИПВ), движение «НУР», Союз мусульман России (СМР), «Рефах», «Мусульмане России» и др. Однако более существенным результатом можно считать воздействие тех объективных факторов, которые препятствовали объединению отечественных мусульман и созданию фундамента для их политической субъектности.

Целью данной статьи является исследование того, почему различные попытки построить устойчивые общероссийские политические партии и движения на исламской базе, а тем более создать некий общий мусульманский федеральный центр, закончились безрезультатно.

Создаваемые мусульманские партии и движения не сумели стать действенным каналом для политической репрезентации мусульманского населения и мусульманских интересов ни в общероссийском парламенте, ни на региональном властно-политическом уровне, ни в качестве инструмента по мобилизации рядовых мусульман. Скорее можно говорить о том, что мусульманское партийно-политическое строительство использовалось некоторыми активистами в качестве ресурса или трамплина для проникновения в общероссийскую политическую элиту. На этом пути конфессиональная (в данном случае исламская) идентичность оценивалась как более сильный и более перспективный ресурс для политической карьеры по сравнению с этнорегиональным, который в 1990-е гг. многие обоснованно рассматривали как сепаратистский.

Подтверждением данного допущения стала история Исламской партии возрождения. На момент своего создания ИПВ была общесоюзной (в рамках СССР) структурой. Весьма любопытным фактом истории этой партии является то, что первый учредительный съезд партии прошёл в Астрахани 9 июня 1990 г. Произшедший вскоре распад СССР привёл к тому, что на базе ИПВ в постсоветских государствах появились собственные партии этого толка. Что касается России, то ИПВ была зарегистрирована в Дагестане, а оргкомитет партии находился в Москве. Партию возглавили яркие общественные деятели и исламские интеллектуалы. Так, председателем партии и заместителем председателя стали соответственно Ахмедкади Ахтаев и Гейдар Джемаль. Идеологом партии, одновременно выполнявшим функции её пресс-секретаря, был Валиахмед Саур. Партия не ставила своей целью борьбу за власть, выдвинув в качестве главной задачи политическое просвещение для достижения «единства мусульман»¹.

Различной была судьба партии в разных мусульманских регионах России: Северном Кавказе, Москве и Поволжье. На Северном Кавказе сложилось сильное отделение партии. Самый большой политический успех сопутствовал ИПВ в Дагестане, где партия превратилась

во влиятельную политическую силу, а её лидер Ахмедкади Ахтаев одержал победу на выборах в парламент республики. Что касается Москвы и центральной России, то здесь партия, по словам А. Малашенко, превратилась в клуб «нескольких постоянно полемизировавших друг с другом интеллектуалов»². Поволжская история ИПВ оказалась в тени набравших силу суверенизационных процессов в Татарстане и Башкортостане и связанного с ним взлёта тюрко-татарского этнического национализма. Несмотря на усилия таких активистов ИПВ, как саратовский муфтий Мукаддас Бибарсов, по инициативе которого в апреле 1992 г. в Саратове была организована региональная конференция европейской и сибирской фракций ИПВ, сформировать партийные структуры в регионе не удалось. Как уже было сказано, подъём татарского этнического национализма, связанного с Декларацией о государственном суверенитете Татарстана и конфликтом по линии «Москва – Казань», оттеснили проблему мусульманского партийного строительства на периферию общественной жизни. Эти факторы в конечном счёте предопределили уход партии с политической сцены уже в 1994 г.

Как отмечает Андрей Ковальчук, прекратив своё существование, ИПВ, тем не менее, подтолкнула дальнейшую политизацию российского ислама³. В 1995 г. на российской политической арене появились две новые силы: общероссийское общественно-политическое движение «Нур» («Свет») и организация «Союз мусульман России» (СМР). «Нур» было одной из массовых постсоветских мусульманских организаций в России (официально зарегистрирована 9 мая 1995 г.), деятельность которой проходила в 72 регионах и республиках России. Движение было ориентировано на получение электорального результата на выборах в Госдуму в декабре 1995 г. Важной специфической чертой движения была его идеологическая позиция, которая заключалась в решительном отходе и дистанцировании от этнического национализма. По этой причине татарстанское региональное отделение движения не получило поддержки от местных властей и не сумело стать влиятельным игроком местной политики. Что касается общероссийского уровня, то по результатам голосования в Госдуму в декабре 1995 г. «Нур» набрал всего 0,58% голосов, получив 22-е место из 43-х политических объединений, внесённых в общефедеральный партийный список. В Татарстане движение получило 5%, сильно уступив другим известным федеральным партиям (например, КПРФ набрала в республике 22,8%). Такой итог свидетельствовал о том, что в этой республике политические силы исламского толка имеют весьма слабые шансы на победу.

История Союза мусульман России свидетельствует, что исламский аспект партийного строительства не только может сочетаться с общероссийским, но и быть частью последнего.

Другой особенностью формирования данной организации стала частая смена лидеров и борьба за власть с первых месяцев ее создания. История движения началась в мае 1995 г. с конфронтации в г. Сибее (Башкирия), когда организацию в должности генерального секретаря возглавил соратник В. Жириновского А. Халитов. Однако уже в сентябре того же года во время учредительного съезда движения, проходившей в Москве, у данной структуры появился новый лидер – известный саратовский имам Мукаддас Бибарсов. В качестве важнейшего программного пункта СМР заявил о своём желании «добиваться равноправного представительства мусульман во всех областях общественной и политической жизни страны»⁴. Несмотря на такой активный рост, СМР на том этапе не мог участвовать в предстоящих выборах в Госдуму в 1995 г., поскольку не имел регистрации в российском Центризбиркоме. По этой причине СМР примкнул к тогдашней «партии власти» – блоку «Наш дом – Россия» (НДР) бывшего премьер-министра В. Черномырдина. В 1996 г. начался новый этап в истории СМР, когда организацию в должности её председателя возглавил Надиршах Хачилаев – известный лидер лакского национального движения в Дагестане. Политический взлёт Н. Хачилаева был стремительным как на общероссийском, так и северокавказском уровне. В декабре 1996 г. он стал депутатом Госдумы, победив на дополнительных выборах, а в последующие годы стал одним из основных мусульманских политиков радикального толка в России. Как отмечает казанский исследователь Н. Мухарямов, появление во главе СМР таких фигур, как Н. Хачилаев и А.-В. Ниязов, «объективно означал известный вызов прежде всего татарской исламской элите Поволжья, но также и Москвы, и всей России»⁵. Закат СМР был связан с борьбой Н. Хачилаева вместе со своим кланом за власть в Дагестане, в результате которой его сторонники участвовали в вооружённом мятеже в столице республики. Это поставило крест на политической карьере Н. Хачилаева (он был лишён депутатского иммунитета), а также на судьбе партии. Уже за год до этого некоторые лидеры СМР начали понимать, что публично-политический и электоральный ресурс движения исчерпан, и начали интегрироваться в более перспективные, с их точки зрения, политические структуры. Так, А.-В. Ниязов в октябре 1998 г. создал и возглавил движение «Рефах», а в декабре 1999 г. был избран в Госдуму по спискам новой «партии власти» – «Единой России».

Если говорить о конкретных поволжских регионах, то здесь была отмечена одна попытка создания исламской политической структуры. Это общественно-политическое движение «Мусульмане России», которое было создано в апреле 1996 г. в Саратове. Возглавил организацию вышеупомянутый М. Бибарсов. Несмотря на заявленное стремление превратить исламское духовенство в действенную политическую силу, данное

движение не сумело стать общероссийской политической силой. Вместо этого оно смогло реализовать себя только как региональная структура, сосредоточенная лишь на вопросах саратовской мусульманской жизни⁶. Если сравнивать деятельность СМР и «Мусульман России», то становится ясно, что Союз мусульман России стал крупным фактором северокавказского ислама, развернув свою деятельность как в Дагестане, так и среди московских мусульман, в то время как «Мусульмане России» – лишь в Поволжье и в регионах центральной России. Такое разделение исламских политических организаций, по мнению некоторых экспертов, обусловлено «неоднородными психологическими проблемами» мусульман Поволжья и Северного Кавказа. Если для татар и башкир главной проблемой и опасностью представлялась ассимиляция, то для северокавказцев – текущие проблемы трагедии в Чечне⁷.

Необходимо сказать, что к концу 1990-х гг. политическая активность российских этно-мусульман проходила в рамках электорального цикла 1999–2000 гг. Для неё были характерны две особенности. Первая – это был последний этап политической активности на мусульманской основе перед принятием Закона от 11 июля 2001 г., запрещающего создание партий по конфессиональному, профессиональному, этническому, гендерному и другим признакам. Вторая – активность, которая, как отмечалось, была приспособлена под предвыборные задачи и носила коалиционный характер.

В 1999 г. было образовано широкое общественно-политическое объединение «Меджлис», которое включило в себя такие объединения, как «Мусульмане России», «Всероссийский исламский конгресс», «Нур», «Рефах». Объединение возглавил крупный бизнесмен, руководитель компании «Нефтегаз» Леонард Рафиков. Однако блок не стал самостоятельной политической силой, который стремился участвовать в выборах в Госдуму в 1999 г. Вместо этого руководством «Меджлиса» было принято решение идти на думские выборы вместе с партией «Наш дом – Россия». На этих же выборах объединение «Рефах» выбрало для себя ещё более убедительного партнёра – «Единую Россию». Данная стратегия по присоединению к новой «партии власти» принесла наибольший успех: объединению удалось получить 5 депутатских мест. Всего же членами Госдумы стали 12 мусульман.

Принятие вышеуказанного российского закона о политических партиях, в котором прописан запрет на их создание по конфессиональному, гендерному, профессиональному, этническому и другим признакам⁸, сделало невозможным дальнейшее мусульманское партийное строительство в России. Такой поворот событий поставил мусульманских политических активистов в затруднительное положение. Однако некоторые из них пошли по пути «модификации» партийно-политической активности. По сути дела, такое пар-

тийное «переформатирование» явилось продолжением прежней политики по «встраиванию» мусульманских политических структур в более мощные общенациональные объединения. Примером подобной трансформации можно считать учреждение А.-В. Ниязовым на базе организации «Рефах» в 2001 г. так называемой Евразийской партии России. В качестве своей ключевой цели партия объявила «разрешение национального вопроса в России». Однако со временем Евразийская партия России была вынуждена уступить ставшую популярной евразийскую идеологическую нишу влиятельному Общероссийскому политическому движению «Евразия» во главе с популярным идеологом А. Дугиным.

Рассмотрим причины слабой политизации ислама в поволжских регионах.

Почему в Татарстане (как и в других регионах Поволжья) мусульманский фактор не смог превратиться в важный фактор местной политики? Казанский политолог Н. Мухарямов в качестве одной из причин предлагает влияние коммунистического атеистического прошлого, а именно «сугубо светское (точнее, не вероисповедное) состояние общества и его ментальности, и вытекающее из этого качество профессиональной и интеллектуальной подготовки мусульманского духовенства...»⁹. С этим доводом можно согласиться лишь отчасти, поскольку недавнее советское прошлое было одинаково атеистическим для всех народов и регионов России. Значит, существуют сугубо региональные факторы, влияющие на уровень политизации ислама и его формирование как политического субъекта. Здесь необходимо выделить несколько дополнительных причин. Начнём с наиболее очевидных.

Первая причина – татаро-мусульманское население Поволжья намного сильнее интегрировано в российский социум по таким направлениям, как социально-культурное, поселенческое, лингвистическое, поведенческое, научно-технологическое, чем мусульманские группы Северо-Восточного Кавказа. К этому нужно добавить то, что тюрко-мусульманские (татаро-башкирские) элиты республик весьма неохотно показывают собственную религиозность, предпочитая формировать и управлять мусульманской политикой в своих политических интересах. Первый президент Татарстана Минтимер Шаймиев утверждал о своём атеизме. Он не участвовал в молебнах в мечетях, хотя одновременно с этим заявлял о собственной ответственности за развитие ислама в республике.

Вторая причина – скрытое, а иногда явное отчуждение не только тюрко-мусульманских, но и национально-гуманитарных элит Поволжья от «других» мусульман, постановка на первое место в идентификационном ряду этно-языковых проблем. Об этом свидетельствуют как татаро-башкирские разногласия, вызванные статусом татарского языка в Башкирии, так и дистанци-

рование поволжских татар от крымских, а также настороженное отношение к северокавказским и центральноазиатским единоверцам¹⁰.

Существуют менее заметные на первый взгляд, но не менее значимые социальные и институциональные факторы, препятствующие политизации ислама и консолидации мусульманских сил.

Третья причина – невысокий уровень мусульманской социализации и мусульманского политического сознания. Известный казанский политолог, ныне ректор Казанского исламского университета Р. Мухаметшин следующим образом описал проблему: «Мусульмане сегодня просто-напросто ещё не готовы к созданию общественно-политических движений, поскольку у них ещё очень много других – своих внутренних – проблем... Недавний съезд мусульман РТ как раз поставил стратегическую задачу: создать полноценные общины в Республике Татарстан. Если мы говорим, что их нет, то, естественно, ещё рано вести речь о создании религиозных политических движений, отражающих интересы мусульман». Что касается ДУМ РТ, то, на его взгляд, «можно говорить о какой-то степени политизации его деятельности, ещё не выходящей за пределы духовной сферы. Ислам у татар всё ещё остаётся фактором конфессионально-культурной идентификации»¹¹. Данный факт стал предметом сожаления для известного российского идеолога политического ислама Г. Джемаля, который отмечал отсутствие у татар какого-либо содержания в связке по линии «ислам – политика». «Как правило, – писал он, – у татар мусульманская политика и ислам разведены – политика связана с национальным самосознанием, а ислам – с конфессиональным. Но при этом воля к власти и воля к легитимности переживается ими как аспекты некоего этносолидарного плана...»¹²

Четвёртая причина заключается в том, что в современной России присутствуют различные локальные формы мусульманской социально-поселенческой самоорганизации. Мы не будем рассматривать все. Отметим особенности модели Татарстана, которая предполагает «мечетцентричный» принцип формирования мусульманских сообществ и приходов. Это значит, что последние организуются при мечетях, которые строят государство или меценаты. Данная модель разительно отличается не только от дагестанской модели (где мечети строятся при общинах/джамаатах – в сельской местности, и кварталах – в малых городах), но и от самой дореволюционной татарской модели. Бывший зам. муфтия Татарстана В. Якупов делает весьма интересный исторический экскурс. Он отмечал, что в дореволюционный период татарское население жило в особых поселениях, «образуя махалли и строя в них мечети и медресе». Однако в течение советского периода прежний местный поселенческий принцип проживания мусульманского населения сильно

изменился. Он оказался оторван от прежней локально-слободской структуры в виде махалли. В концепции «Ислам и татарский мир», принятой на IV Всероссийском форуме татарских религиозных деятелей, было отмечено, что «выстраивание мусульманских социальных структур носит менее выраженный характер», по сравнению с просветительской работой и возрождением культовых учреждений¹³. Данный факт затрудняет процессы социальной самоорганизации мусульман «снизу», поскольку отсутствуют устойчивые формы локально-мусульманской социализации населения. Формирующиеся сегодня городские приходы, как было уже отмечено, группируются вокруг мечетей. По этой причине они не сформировались как стабильные коллективы, имея лишь формальную природу. В дореволюционный же период, как подчеркивает Якупов, «махалли носили членский характер. Существовал чёткий список членов махаллей, которые поддерживали свои религиозные институты финансами... Мечети пока действуют как ритуальные предприятия, обеспечивающие проведение обрядов по заявкам всех обращающихся...»¹⁴. Что касается постсоветского исламского возрождения в Татарстане, то, несмотря на то, что уставные документы ДУМ РТ предписывают членский (списочный) состав приходов, мусульманские приходы не организованы по членскому принципу¹⁵.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что в Татарстане процесс становления местных мусульманских приходов и групп интересов оказался в стадии затянувшейся неопределённости. Отчасти такая ситуация объясняется, как уже было сказано, отсутствием в Татарстане мусульманского институционального строительства «снизу». Интересно отметить, что там, где имело место целенаправленное исламское институциональное строительство в «реставрационном» духе, складывалась отдельная региональная умма, функционирующая как самодостаточный социальный, духовный и культурный организм¹⁶.

Таким образом, создаваемые мусульманские партии и движения так и не стали эффективным средством для политического представительства мусульманских интересов ни на общероссийском, ни на региональном властно-политическом уровнях. Что касается Поволжья, то политические процессы 1990-х гг. в ареале характеризовались следующим важным фактом: мусульманские лидеры и исламские активисты данного региона не сумели стать инициаторами строительства мусульманских партий. Данный факт стал следствием весьма характерной для поволжского исламо-политического развития тенденции: подчинённости и подконтрольности мусульманской элиты республик (Татарстана и Башкортостана) светским властям и курируемым ими националистическим движениям; незначительного электорального потенциала исламских политических структур¹⁷. В силу этих причин

последние не смогли ни получить существенного общественного признания и поддержки в субъектах Федерации, ни стать важным субъектом регионального политического процесса. Имевшие же место шаги по созданию мусульманских партий и движений исходили, главным образом, от политических лидеров и штабов, расположенных за пределами Поволжского региона.

Примечания

- 1 См.: Валиахмед Садур : Законы шариата не распространяются на тех, кто не живёт по этим законам. С членом Совета улемов Исламской партии возрождения, пресс-секретарём партии Валиахмедом Садуром беседует Александр Верховский // Панорама. 1992. № 1 (31), апрель. URL: www.panorama.ru/gazeta/p31ipv.html (дата обращения: 27.10.2011).
- 2 Малащенко А. Исламское возрождение в современной России. М. : Московский центр Карнеги, 1998. С. 134–135.
- 3 См.: Ковальчук А. Исламские общественно-политические объединения в России // Отечественные записки. 2003. № 5 (14). URL: www.strana-oz.ru/2003/5/islamskie-obshestvenno-politicheskie-obedineniya-v-gossii (дата обращения: 17.01.2008).
- 4 Там же.
- 5 Мухарямов Н. Ислам в Поволжье : политизация несостоявшаяся или отложенная? // Ислам от Каспия до Урала : макрорегиональный подход : сб. ст. / под ред. К. Мацузато. М. : РОССПЭН, 2007. С. 16–17.
- 6 См.: Малащенко А. Указ соч. С. 142–143.
- 7 См.: Мухарямов Н. Указ. соч. С. 17.
- 8 См.: О политических партиях : федер. закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ. Ст. 9. «Ограничения на создание и деятельность политических партий». URL: www.cikrf.ru/law/federal_law/2001_95fz.html (дата обращения: 20.02.2016).
- 9 Мухарямов Н. Указ. соч. С. 23.
- 10 Лидеры поволжского тюрко-татарского ислама даже жаловались федеральным властям на экспансию кавказского и центральноазиатского ислама. Так, во время встречи бывшего представителя Президента РФ в Приволжском федеральном округе М. Бабича с исламскими деятелями округа пермский муфтий М. Хузин и бывший муфтий Татарстана И. Файзов говорили о масштабном религиозном переселении с Северного Кавказа в Поволжский регион, об угрозах, которые могут представлять диаспоры, о том, что в «волнениях в мечети Кул-Шариф были замечены товарищи с Кавказа, в основном дагестанцы, которые представляют какие-

то силы, негативные силы» (О чем говорят российские муфтии. Отрывок стенограммы встречи полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе с представителями мусульманского сообщества 26 апреля 2012 г., г. Оренбург. URL: www.ansar.ru/person/2012/7/17/31891 (дата обращения: 28.05.2012)). В. Якупов говорил об угрозе деисламизации татар, чьи мечети «немедленно захватывают более ушлые южные соседи» (Якупов В. Мера ислама (к проблеме адекватного конкретно-исторического понимания вечных шариатских истин). Казань : Иман, 2004. С. 25).

- 11 Мухаметшин Р. Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана. Казань : Иман, 2005. С. 193.
- 12 Джемаль Г. Освобождение ислама. М. : Умма, 2004. С. 199.
- 13 URL: dumrt.ru/ru/concept/ (дата обращения: 12.05.2016).
- 14 Якупов В. Мера ислама (к проблеме адекватного конкретно-исторического понимания вечных шариатских истин). С. 38–39.
- 15 См.: Якупов В. М. «Устав»ная литература Духовных управлений мусульман Татарстана – важный источник в изучении новейшей истории мусульманского сообщества Татарстана. Казань : Иман, 2006. С. 25, 52–54, 79. URL: islamrt.ru/book/proekt%20ustava%20DUMRT.pdf (дата обращения: 24.11.2012).
- 16 Такая политика проводилась в Саратовской области руководством Духовного управления мусульман Саратовской и Пензенской областей и его лидером М. Бибарсовым. Это уникальная в своём роде практика, направленная на формирование исламских центров, в которых реализуются образовательные, благотворительные, информационные и другие миссии. Как отмечают местные исследователи, «политика Бибарсова – это последовательная и продуманная попытка реставрации дореволюционного положения татарской мусульманской общины..., попытка воссоздать социальные отношения 19 века» (Филатов С. Религиозная жизнь Поволжья. Прагматичное христианство // Религия и общество. Очерки религиозной жизни современной России / отв. ред. и сост. С. Б. Филатов. М. ; СПб. : Летний сад, 2002. С. 59–60). Однако за пределами Саратова такое социально-религиозное строительство не имело места.
- 17 Об этом подробнее см.: Мухаметшин Р. Ислам в общественно-политической жизни Татарстана в конце XX века. Казань : Иман, 2000 ; Терентьева Т. В., Беляков Р. Ю., Сафаров М. Ф. Республика Татарстан : политические партии, движения, лидеры : метод. пособие. Казань : Изд-во Аппарата Президента РТ, 2003.

Образец для цитирования:

Мирзаханов Д. Г. Партийно-политический аспект политизации ислама в 1990-е гг.: общероссийская и поволжская проекция // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 204–208. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-204-208.

Cite this article as:

Mirzakhanov D. G. Party-political Aspect of Politization of Islam in 1990s: Russia and Volga Region Projection. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 204–208 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-204-208.

УДК 321.01

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ «СОСЛАГАТЕЛЬНОГО» ПОДХОДА К ОЦЕНКАМ РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЙ 1917 ГОДА

А. А. Вилков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: vil57@yandex.ru

В статье рассмотрены особенности и методологические противоречия использования «сослагательного» подхода к анализу исторических событий на примере революций 1917 г. Обоснован вывод о том, что использование «сослагательности» в отношении важнейшего события в истории нашей страны приводит к вольному или невольному искажению его содержания, его причин и последствий, к тому, что затрудняется извлечение исторических уроков для современных акторов политического процесса.

Ключевые слова: «сослагательный» подход, Революция 1917 г., исторический опыт, исторические уроки.

Revisiting the “Conjunctive” Approach to Evaluation of Revolutionary Events-1917

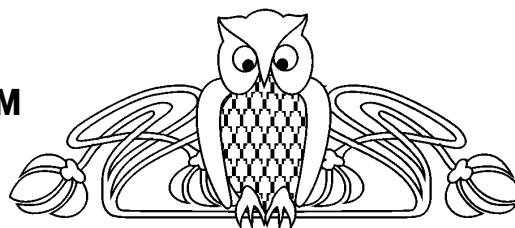
A. A. Vilkov

The article is about peculiarities and methodological contradictions of using “conjunctive” approach to the analysis of historical events exemplified by the revolution-1917. An inference is drawn that using “conjectivity” with regard to the momentous event in the history of our country results in willing or unwilling distortion of its content, reasons and consequences, complicates learning historical lessons by current actors of political process.

Key words: “conjunctive” approach, Revolution-1917, historical experience, historical lessons.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-209-212

Столетняя годовщина Революции 1917 г. неизбежно стимулировала всплеск интереса научной общественности к проблематике ее причин, движущих сил, сущностного содержания, итогов и значения для российской и мировой истории. Несмотря на огромное количество исследований по данным аспектам в советский период, дискуссии по ним в современном отечественном обществознании и публицистике продолжают. Они затрагивают большое количество различных аспектов о причинах, характере, движущих силах, предпосылках, особенностях и последствиях революций 1917 г. Однако ключевым остается главный вопрос, суть которого в упрощенном виде можно свести к тому, что для нас означает Октябрь 1917 г.: величайший триумф, или величайшая трагедия?¹ Подобная установка актуализирует еще одну проблему – насколько целесообразно и методологически оправданно выстраивать различные «сослагательные» версии в исследовании этого важнейшего события в исто-

рии страны и всего мира. Это особенно важно с учетом того, что с обозначением и обоснованием позиции по данному ключевому вопросу в значительной степени связаны оценки, трактовки и понимание исследователями и публицистами многих других исторических сюжетов в развитии России в прошлом столетии.

Кроме явного «сослагательного» подхода, основанного на представлении и обосновании различных вариантов развития событий, которые, по мнению исследователей, «могли бы состояться в том случае, если бы...», нередко имеет место «скрытая сослагательность». Суть ее состоит в том, что речь ведут не о развернутом изложении возможных исторических альтернатив, а о соотношении закономерности и случайности в развитии тех или иных событий. Например, рассуждений по типу «свержение самодержавия было закономерным, и если бы не случайное стечение обстоятельств и не досадные ошибки отдельных деятелей, демократические преобразования после Февральской революции должны были вывести Россию на магистральный путь западноевропейской цивилизации».

«Сослагательный» подход, ориентированный на рассмотрение возможных альтернатив развития страны в обозначенный период, характерен, прежде всего, для тех, кто по ряду различных оснований признают Октябрь 1917-го величайшей трагедией в истории нашей страны. Упрощая ситуацию, их можно разделить на две группы.

Представители первой группы, которых условно можно обозначить сторонниками консервативной позиции, подкрепляют ее различными показателями позитивной динамики социально-экономического развития дореволюционной России. В соответствии с этим они выстраивают логику своего негативного отношения к сторонникам всех оппозиционных партий (от кадетов и до эсеров), деятельность которых, по мнению сторонников данной позиции, и стала основной причиной делегитимации и свержения самодержавного строя в России. Февраль 1917-го положил начало тому революционному хаосу, который привел не только к кровавой гражданской войне, но и к установлению на несколько десятилетий диктаторского режима в стране.

В рамках данного направления довольно популярными были и продолжают оставаться «сослагательные» сценарии возможного развития России на основе рассуждений по схеме: «если

бы не было революции». Алгоритм достаточно прост: происходит экстраполяция дореволюционных демографических и социально-экономических тенденций развития России, на основе которых рассчитываются выкладки ее возможного развития без революции на несколько последующих десятилетий. Примером может служить использование отечественными писателями и публицистами расчетов французского экономиста и политического обозревателя Эдмона Тэри, который в 1914 г. выпустил книгу «Экономическое преобразование России», написанную по заданию французского правительства. В ней автор на основе обширной статистики Российской империи, отражающей самые различные показатели конца XIX – начала XX столетия (от демографических до производства каменного угля, чугуна, железа и стали), прогнозировал ее бурный экономический подъем и прогрессирующее развитие всех сфер общественной жизни в период следующих четырех десятилетий. Общий вывод его для европейских политиков и рядовых читателей книги был сформулирован достаточно однозначно: «...если у больших европейских народов дела пойдут таким же образом между 1912 и 1950 годами, как они шли между 1900 и 1912, то к середине настоящего столетия Россия будет доминировать в Европе, как в политическом, так и в экономическом и финансовом отношении»².

Отдельно можно выделить монографию лидера Партии Великое Отечество Н. Старикова, который сделал акцент на выявлении организаторов «русской» революции 1917 г. По его мнению, «прямых доказательств финансирования англичанами и французами Февральской революции и заговора против русского царя нет. Есть огромное количество намеков, ссылок в различных книгах, наблюдений и логических выводов. Но именно логика событий поступков и действий неопровержимо подтверждает, что это они организовали и оплатили уничтожение русского государства»³. Несмотря на публицистический характер большинства произведений автора, высказываемая им публично точка зрения в той или иной степени разделяется и профессиональными историками.

Представители второй группы, которых условно можно обозначить как сторонников демократической трактовки, более критично оценивают состояние России в годы Первой мировой войны и выделяют объективные политические, социально-экономические и психологические предпосылки, которые закономерно привели к демократической революции в феврале 1917 г. Ее итогом стало вхождение России в группу передовых стран, признающих основные права и свободы человека и сформировавших демократические институты и механизмы. Однако в условиях войны эти демократические завоевания удержать не удалось, и к власти пришла партия

большевиков, которая популизмом и демагогией увлекла за собой маргинальную массу рабочих и крестьян и сформировала жестокий и всеобъемлющий тоталитарный режим.

Представители данной группы исследователей также склонны рассуждать об упущенных альтернативах возможного развития России в случае, если бы в 1917 г. была сохранена власть Временного правительства и Учредительного собрания. Иногда это находит отражение даже в названиях международных научно-практических конференций, проведенных в юбилейный год⁴. Соответственно, все выступающие и участники дискуссий, вольно или невольно, должны были ориентироваться на установку «что было бы, если бы», выстраивая свои версии объяснения революционных событий.

Как представляется, о бесплодности альтернативного сценария давно прошедших событий свидетельствует непреложная аксиома о том, что у истории нет сослагательного наклонения. Стремление выстраивать альтернативные исторические реконструкции событий представляет собой методологию, которая приводит к отнюдь небезобидным последствиям для современности. Суть опасности видится в том, что такая методология чаще всего выстраивается на обвинении отдельных акторов исторического процесса (в жестокости и негуманности методов борьбы, в отступлении от своих принципов и программ, в нарушении обязательств и т. д.) и в обелении и оправдании других акторов. Эти исторические обвинения экстраполируются на современность на уровне обобщений, выделения закономерностей и исторических параллелей для обоснования необходимости их учета в выстраивании стратегии современного развития. Чаще всего данный подход характерен для тех исследователей и публицистов, у которых имеется достаточно открыто выраженная идеологическая и мировоззренческая позиция. В этом случае одной из ключевых причин склонности к «сослагательному» подходу является нежелание признать справедливость и обоснованность позиций своих идеологических конкурентов, утверждающих, что переход от Февраля к Октябрю стал единственно возможным вариантом развития событий.

Более продуктивной видится позиция историков, которые акцент делают на необходимости извлечения уроков из нашего исторического прошлого. Однако и здесь встречаются попытки обосновать альтернативность революционного развития событий в 1917 г. с соответствующей экстраполяцией оценок исторических событий на современность. Например, можно было бы только приветствовать посыл академика Ю. С. Пивоварова в объяснении смысла его занятия историей – «понять Россию. Сегодняшнюю Россию»⁵. На самом деле большая статья, написанная к 90-летию русской революции, в

значительной своей части содержит эмоциональный призыв автора к покаянию за все содеянное большевиками в период революции и последующие годы правления коммунистического правления.

Для того, чтобы произвести впечатление масштабом Русской Революции, Ю. С. Пивоваров значительно расширяет ее хронологические рамки, определяя их как историческую эпоху в «период русской истории между отменой Крепостного Порядка (права) и установлением Второго Крепостного Порядка (права) большевиков (ВКП (б)). <...> Содержанием и целью Русской Революции была эмансипация общества и индивида. К весне 1917 г. эта цель была достигнута. <...> После этой победы движение повернулось вспять, в сторону восстановления рабства»⁶. Революция 1905–1907 гг., по мнению академика, была вполне успешной благодаря достижению компромисса между властью и обществом.

Февральская революция, по мнению Ю. С. Пивоварова, не была исторически «запрограммирована». «Более того, даже состоявшись, имела возможности развиваться иначе. В этом ее отличие от Октябрьской революции»⁷.

Логика рассуждений автора, если очистить ее от демонстрации академической эрудированности, сводится к тому, что «русское государство, русская институциональная система, даже русская полиция – при всех их грозности, громадности, при всех страхах, которые они наводили (наводят – это сохранилось) на ближних и дальних, – чрезвычайно неустойчивы, неэластичны, неэффективны, но: хрупки и ненадежны. И чуть что, разлетаются вдребезги, в щепки, в ничто»⁸. В результате либералы легко получили власть в феврале 1917 г., но удержать ее не смогли. Главная причина, по мнению автора, – не только непонимание либеральными общественниками важности момента, но и наличие в России двух революций, двух субкультур, образовавшихся в результате раскола. Однако в объяснении причин победы большевиков, вся сложная логика обоснований и разнообразных исторических экскурсов Ю. С. Пивоварова сводится к достаточно тривиальному и далеко не новому обвинению – наличию общинного крестьянства с «плохим» менталитетом и стремлением к уравнивательным ценностям.

Историк и философ И. Б. Чубайс, также признающий возможность альтернативности исторического процесса и подчеркивающий, что «реальная практика могла быть иной, история не знает фатализма», представляет иную трактовку объяснения событий: «Катастрофа Октября привела нас к тяжелейшим, по большей части невозполнимым утратам. В прошлое столетие Россия входила с признанной Европой претензией на мировое лидерство, а закончилось оно распадом страны. Мы потеряли целое столетие. Нашу экономику добивает неэффективное управление

и порожденная им неконкурентоспособность. В век XX мы вступали вместе со славянскими и православными государствами, нашими верными союзниками были великие державы Англия и Франция. Сегодня мы в полной политической изоляции, самым мракобесным термином стало понятие “иностранный агент”. Россию столкнули со всем миром, и мир против России. Мы потеряли время и утратили пространство»⁹.

Такой масштабный охват обвинений нацелен, прежде всего, на характеристику современного состояния России, которую автор лишает места в цивилизованном мире и выводит ее за пределы мирового пространственно-временного континуума, подчеркивая, что Россия «угасает». Примечательно, что в объяснении главных причин победы большевиков и последующих событий в рамках советской истории И. Б. Чубайс, в отличие от Ю. С. Пивоварова, акцент делает на распространении безверия. Атеизм, по его мнению, стал следствием базового изменения стиля жизни в начале XX в., вызванного массовыми миграционными процессами и разрушением крестьянской общины. Последняя на протяжении многих поколений характеризовалась глубокой погруженностью человека в природу: «Укорененность и сродненность с местом проживания формировали соответствующие правила, которые возвышала и цементировала вера...»¹⁰

Фактически, два исследователя, одинаково негативно оценивающие влияние Октября на последующее развитие страны, в равной мере негативно оценивающие ее современное состояние, расходятся в объяснении первопричин революции. Ю. С. Пивоваров объясняет ее уравнительными началами в ментальности крестьянства, а И. Б. Чубайс, напротив, видит первопричиной прихода и удержания большевиков у власти отклонение от общинных правил и утрату веры. Однако общим для данных либерально ориентированных исследователей является признание российского крестьянства главным субъектом исторической ответственности за революции 1917 г. и их последствия. Роль российской либеральной интеллигенции и проблема ее ответственности тем самым отступает на второй план, на первый же выступают обвинения в том, что современная «власть не может предложить проект будущего», что интеллектуалы покидают страну или «вынуждены молчать, заглушаемые пропагандой»¹¹.

Возникает резонный вопрос: а какой проект будущего России был предложен и реализован российскими либералами в начале 1990-х гг.? Почему нет призывов и обоснований необходимости интеллигентского покаяния за политические и социально-экономические издержки проведенных в этот период либеральных преобразований? За ту выбранную российскими либералами форму приватизации, которая объективно не могла привести ни к какой другой

форме капиталистического уклада, кроме как олигархической и компрадорской модели? За ту форму авторитарного политического дизайна сегодняшней власти, основы которой были обоснованы и конституционно закреплены сторонниками либерализма в 1993 г.? За те методы тотального информационного давления и манипулирования, которые повсеместно использовали либеральные российские СМИ и без помощи которых Б. Н. Ельцин никогда не был бы избран на второй срок в 1996 г.?

Как представляется, проблематика альтернативных вариантов исторического развития России должна быть исключена из сферы научных исследований отечественных исследователей либо выделена в особую литературную отрасль исторической фантастики (рядом с рассказом американского фантаста Р. Бредбери «И грянул гром!»). Упоминание этого великолепного по философской глубине рассказа уместно еще и потому, что дает некоторое основание для аналогии в понимании опасности «вмешательства» в наше историческое прошлое. У фантаста это происходит с помощью «машины времени» для организации сафари в глубоком прошлом истории Земли, когда случайная гибель доисторической бабочки вызвала эффект последующих необратимых негативных последствий. У отечественных обществоведов использование «сослагательности» в отношении важнейшего события в истории нашей страны приводит к вольному или невольному искажению самого этого события, его причин и последствий.

Однако главная опасность состоит в том, что использование этого принципа мешает извлечь практические уроки из нашего исторического опыта и объективно оценить наше настоящее состояние. Объективное исследование вариативности настоящего и обоснование краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных прогнозов и сценариев политического и социально-экономического развития страны возможно не на основе экстраполяции «несостоявшихся альтернатив» революций 1917 г., а на основе всестороннего и непредвзятого анализа причин, движущих сил, совокупности всех внутренних и внешних факторов, настроений и ментальных особенностей

участников этого реально состоявшегося исторического события. В этом случае возможен учет реальных ошибок основных субъектов тогдашних революционных потрясений их современными преемниками и идентичными субъектами политики для экстраполяции на свою деятельность в современных условиях, для осознания своей ответственности за судьбу страны, для понимания сложности и необратимости принимаемых решений. В этом случае возможно восприятие нашей истории как единого непрерывного целого, без исторических разрывов и безапелляционных оценок о «выпадении из времени и пространства».

Примечания

- 1 Таким дихотомическим способом дилемма была обозначена уже в сборнике ведущих советских историков, вышедшем в последний год перестройки: Величайшее событие века или социальная катастрофа? / под ред. П. В. Волобуева. М.: Политиздат, 1991.
- 2 Тэри Э. Россия в 1914 г. Экономический обзор – Предисловие. URL: <https://aftershock.news/?q=node/470655&full> (дата обращения: 06.04.2017).
- 3 Стариков Н. 1917. Разгадка «русской» революции. СПб.: Питер, 2012. С. 43.
- 4 См.: 17 февраля в Саратовском социально-экономическом институте РЭУ им. Г. В. Плеханова прошла международная научно-практическая конференция «1917 год в истории России. Часть I. Февраль 1917 г.: упущенная альтернатива». URL: <http://www.4vsar.ru/news/85615.html> (дата обращения: 20.02.2017).
- 5 Пивоваров Ю. С. О русских революциях: Послесловие // Труды по руссиеведению: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр руссиеведения; гл. ред. И. И. Глебова. М., 2009. Вып. 1. С. 22.
- 6 Там же. С. 31.
- 7 Там же. С. 33.
- 8 Там же. С. 34.
- 9 Чубайс И. «Великий октябрь» или русская катастрофа? URL: <http://www.mk.ru/politics/2016/11/06/velikiy-oktyabr-ili-russkaya-katastrofa.html> (дата обращения: 07.03.2017).
- 10 Там же.
- 11 Там же.

Образец для цитирования:

Вилков А. А. К вопросу об использовании «сослагательного» подхода к оценкам революционных событий 1917 года // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 209–212. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-209-212.

Cite this article as:

Vilkov A. A. Revisiting the “Conjunctive” Approach to Evaluation of Revolutionary Events-1917. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 209–212 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-209-212.

УДК 316.4

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ АВТОНОМИИ

О. Е. Герасимова

Российский государственный педагогический университет
имени А. И. Герцена, С.-Петербург
E-mail: OI.Gerasimova@yandex.ru

В статье рассматриваются основные этапы становления и развития института национально-культурной автономии, развитие международно-правовых основ и принципов функционирования культурной автономии. В основе анализа лежит международная система защиты национальных меньшинств, которая заложила правовые, политические и социальные основы деятельности института национально-культурной автономии.

Ключевые слова: национально-культурная автономия, самоопределение, национальное меньшинство.

The International Legal Framework of Formation and Development of the Institute of National-Cultural Autonomy

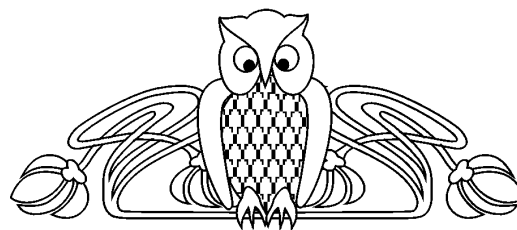
О. Е. Gerasimova

The article considers the main stages of formation and development of the institute of nation-cultural autonomy, development of the international legal framework and principles of cultural autonomy. The analysis is based on the international system for the protection of national minorities, which laid the legal, political and social based of activity of the institute of nation-cultural autonomy.

Key words: nation-cultural autonomy, self-determination, national minority.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-213-220

Правовые основы национально-культурной автономии зарождались в международно-правовых актах, касающихся системы защиты прав национальных меньшинств. Всплеск интереса к национальным отношениям и проблемам приходится на период после Второй мировой войны. Безусловно, подобный интерес был связан, прежде всего, с процессами деколонизации, борьбой за национальную независимость и национальное самоопределение. В основе решения национального вопроса стояла попытка найти пути гармонизации этносоциальных отношений, пути и возможности мирного сосуществования нескольких этносов на одной территории, пути преодоления межэтнической розни. Данная гармонизация возможна только через гарантию и развитие национального самоопределения. Именно **национальное самоопределение** легло в основу не только международно-правового становления и развития института национально-культурной автономии, но и всей международной системы защиты национальных меньшинств.

Возникновение идеи национального самоопределения восходит своими корнями к эпохе Просвещения и связано с именами таких великих мыслителей, как Дж. Локк, Г. Гроций, Эмер де Ваттель, Ж. Ж. Руссо. Общественная мысль передовых европейских стран пришла к отрицанию абсолютизма (что заложило идейную основу Великой французской революции) и пыталась теоретически обосновать «суверенитет народа» через теорию «естественного права». Иными словами, уже в эпоху Просвещения закладывались основы для будущей идеи самоопределения народов, исходя из естественного права человека, данного ему от рождения. Так, Эмер де Ваттель в своем фундаментальном труде «Право народов» писал о необходимости закрепить за нациями право на самоопределение, вплоть до отделения: «...нации свободны, независимы и равны <...> и состоят из людей, от природы свободных и независимых, <...> а цель всех национальных союществ – это взаимопомощь для усовершенствования, <...> следовательно, каждая нация должна содействовать счастью и совершенствованию остальных всем, что в ее власти, <...> всякой нации должна быть представлена возможность мирного использования той свободы, которую она имеет от природы»¹.

Сам термин «самоопределение наций» впервые прозвучал на Берлинском конгрессе 1878 г., где было уделено огромное внимание территориальным вопросам на Балканах. Так, на конгрессе была предоставлена независимость Болгарии, Сербии, Черногории, Румынии, а также поставлен вопрос о признании полного гражданского и политического равенства всех граждан независимо от их вероисповедания, была гарантирована свобода совести и богослужения. Таким образом, Берлинский конгресс подтвердил право наций на государственное самоопределение, а в ст. 27 и 35 Берлинского трактата было зафиксировано обязательство для государств обеспечить необходимую защиту прав человека от дискриминации. Вместе с тем закреплялось, что различия в вероисповедании не могут являться поводом для ограничения в гражданских и политических правах². Приблизительно тогда же в оборот вошло и понятие «право наций на самоопределение».

Первой практической попыткой решения национального вопроса стала принятая в сентябре 1899 г. на съезде в Брюнне австрийской социал-демократической партией (СПА) програм-

ма решения национального вопроса (Брюннская программа)³. В данной программе подчеркивается, что «сохранение и развитие национальных особенностей народов Австрии возможно только при полном равноправии и отсутствии всякого угнетения». Авторы программы убеждены, что «окончательное разрешение национального вопроса» возможно только путем преобразования Австрии в государство, представляющее собой «демократический союз национальностей», в котором вместо исторических земель должны появиться «национально-отграниченные самоуправляющиеся корпорации, в каждой из которых законодательство и правление находилось бы в руках национальных палат». Соответственно, решение национальных вопросов в рамках корпораций предполагается вполне автономно. Безусловно, что данная программа представляет собой некий компромисс между требованиями культурно-национальной автономии и территориальной автономии. Здесь еще явно проглядываются признаки территориальности, но в целом этот документ формулирует признаки национальной автономии. Таким образом, Брюннская программа стала первым правовым документом, где мы находим становление основ национально-культурной автономии, безусловно, это была теоретическая победа ее основоположников и агитаторов – австрийских социал-демократов К. Реннера и О. Бауэра.

История международно-правовой защиты национальных меньшинств насчитывает более 300 лет, но международная организация, занимающаяся соответствующими вопросами, появилась только после Первой мировой войны в рамках международной межправительственной организации, созданной в 1919 г. и исполняющей свои обязательства по обеспечению развития сотрудничества между народами, обеспечению мира и безопасности, вплоть до образования ООН. Новые тенденции в мировом развитии, связанные в том числе и с процессом создания национальных государств в Европе, и, как следствие, с ростом этнического самосознания, ставят проблему права народов на самоопределение в контексте прав национальных меньшинств. Именно в этот период происходит становление основных принципов защиты национальных меньшинств, которые впоследствии легли в основу и нашли свое отражение в документах Лиги Наций.

Первым договором в рамках Лиги Наций о защите национальных меньшинств стал Малый Версальский трактат от 28 июня 1919 г. с Польшей. Данное соглашение стало первым документом подобного рода и легло в основу всех последующих, послужило своего рода шаблоном для остальных соглашений. Так, в период деятельности Лиги Наций было заключено пять специальных договоров о меньшинствах: с Польшей (1919), Чехословакией (1919), Сербо-Хорватословенским государством (1919), Румынией

(1919), Грецией (1920). Кроме этого, разделы о защите меньшинств также включены в четыре мирных договора: с Австрией (1919), Болгарией (1919), Венгрией (1920), Турцией (1920). Здесь же стоит отметить шесть деклараций, провозглашенных на Совете Лиги Наций Албанией (1921), Финляндией (1921), Литвой (1922), Латвией (1923), Эстонией (1923), Ираком (1932). Основное внимание в данных договорах и декларациях уделено равноправию меньшинств в сфере национальной культуры, и поскольку все эти документы не рассматривали меньшинство как группу, а только как некий коллектив людей, принадлежащих к одной национальности (национальное меньшинство не рассматривалась как субъект права), то эти соглашения не могли в полной мере обеспечить должного и свободного развития национальной культуры, да и не ставили перед собой цели достижения полного равенства национального меньшинства с большинством населения даже в области культурного развития. Так, если обратиться к тексту Польского договора, то ст. 7 гласит, что всем гражданам, говорящим не на польском языке, правительство предоставит «подобающие льготы» для пользования родным языком в суде. Данная формулировка настолько размыта и неточна, что сложно понять, в чем конкретно заключается данная льгота. В целом, во всех этих документах мы не находим также и критериев, по которым можно отнести тех или иных граждан к национальному или языковому меньшинству.

Следующим этапом в развитии системы защиты прав меньшинств явилась деятельность Организации Объединенных Наций и ее специального органа – Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите меньшинств. Безусловно, ООН сыграла важнейшую роль в становлении и развитии не только института национально-культурной автономии, создав все необходимые правовые условия для развития этого института в международном сообществе, но и главенствующую роль в развитии международной системы защиты национальных меньшинств. В 1948 г. Генеральная Ассамблея ООН принимает основополагающий документ – **Всеобщую декларацию прав человека**, теперь проблема защиты прав меньшинств рассматривается в контексте общих проблем защиты прав человека. Таким образом, Декларация обеспечивает равенство и недискриминацию всех членов общества «без различия в отношении расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения»⁴, поскольку ее статьи гарантируют «равенство перед законом» и «равную защиту против любой дискриминации в нарушение данной Декларации»⁵. Всеобщая Декларация переведена на 500 языков и, безусловно, имеет историческое значение.

Естественным продолжением Декларации стала **Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод**⁶, принятая Советом Европы в 1950 г. Данный документ в ст. 14 также провозглашает необходимость обеспечения всех прав и свобод без какой-либо дискриминации по признаку расы, цвета кожи, языка, религии, национального происхождения, принадлежности к национальным меньшинствам и другим признакам. Но, в отличие от Всеобщей декларации прав человека, этот документ уже включает статьи и положения, обеспечивающие защиту провозглашенных прав и свобод через Европейский суд по правам человека, который учредили согласно Разделу II Конвенции. Основной функцией данного учреждения становится контроль над соблюдением всех обязательств, принятых настоящей Конвенцией. Соответственно, эти международные документы стали необходимым фундаментом для становления международно-правовой защиты национальных меньшинств.

Право нации на самоопределение и в целом международная система защиты национальных меньшинств основаны на фундаментальных международно-правовых нормах. В качестве общепризнанного принципа международного права право на самоопределение зафиксировано в 1945 г. в **Уставе ООН**⁷. Его полная формулировка – «Принцип равноправия и самоопределения народов» (п. 2 ст. 1). Уже в 1960 г. Генеральной Ассамблеей ООН была принята Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам, которая среди прочего провозглашала право «всех народов на самоопределение»⁸. Двумя наиболее важными документами постколониального периода в этой сфере являются **Международный договор об экономических, социальных и культурных правах** и **Международный договор о гражданских и политических правах**. Оба документа были приняты Генеральной Ассамблеей ООН в 1966 г. и затем открыты для подписания и ратификации. В Международном пакте о гражданских и политических правах установлено: «Все народы имеют право на самоопределение. В силу этого права, они свободны определять свой политический статус и свободны в осуществлении своего экономического, социального и культурного развития»⁹. В такой формулировке право на самоопределение закреплено почти во всех международных документах.

В ст. 27 Международного пакта о гражданских и политических правах закрепляется норма, согласно которой запрещается препятствовать национальным меньшинствам в реализации прав в сфере сохранения своей самобытности, религии и языка. Вместе с тем в этом документе мы еще не находим норм о необходимости содействовать национальным меньшинствам в данной сфере. В этом смысле уже такой документ, как

Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (разд. VII), идет дальше и предусматривает необходимость государств-участниц, на чьей территории имеются национальные меньшинства, уважать права лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам, предоставлять им неограниченную возможность пользоваться правами и свободами человека, а также обязательство защищать их законные интересы в этой сфере. Именно права и свободы национальных меньшинств и защита этих прав и свобод признаются в документе фундаментом для поддержания безопасности в регионе, соответственно, проблемы национальных меньшинств возводятся в ранг особо важных при проведении внутренней и внешней политики.

Назовем еще несколько важнейших документов, которые легли в основу развития международной системы защиты национальных меньшинств и продолжили укрепление правовых основ становления института национально-культурной автономии. Во-первых, **Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам**¹⁰, принятая резолюцией 47/135 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1992 г. На этом этапе международное сообщество уже в полной мере осознает важность и глобальное значение поощрения и защиты национальных и этнических меньшинств в достижении социальной и политической стабильности в государстве и мире. Исходя из этого, данный документ утверждает не только необходимость государств поддерживать и всячески поощрять самобытность и уникальность национальных меньшинств, но и способствовать их участию в политической и культурной жизни страны, а также в п. 4 ст. 2 появляется закрепленное за меньшинствами право создавать свои собственные ассоциации и обеспечивать их функционирование. Кроме этого, в п. 5 той же статьи закреплено право национальных меньшинств устанавливать и поддерживать свободные и мирные контакты с другими членами своей группы, а также с гражданами своей национальности на территории других государств. Эти два положения, безусловно, имеют важнейшее значение для развития института национально-культурной автономии.

Главным документом за многолетнюю работу Совета Европы стала принятая в Страсбурге 1 февраля 1995 г. **Рамочная Конвенция о защите национальных меньшинств**¹¹. Накануне создания и подписания данного документа была проведена конференция на высшем уровне между государствами-членами Совета Европы. Конференция прошла в Вене 8-9 октября 1993 г., именно на этой встрече главы государств договорились о необходимости защитить национальные меньшинства, которые образовались на территории Европы в результате многочисленных исторических потрясений. Только защита и

уважение национальных меньшинств способны вернуть мир и стабильность в Европу, именно поэтому подписание Рамочной Конвенции было открыто и для государств, не являющихся членами Совета Европы. Данный документ направлен на развитие подлинного плюралистического и демократического общества, в котором гарантировано уважение этнической, языковой, культурной самобытности любого лица, принадлежащего к национальному меньшинству, а также созданы условия для выражения и сохранения этой самобытности. Рамочная Конвенция стала первым многосторонним обязательным правовым актом, посвященным защите интересов и прав национальных меньшинств.

Уже ст. 1 гласит, что защита национальных меньшинств, их прав и свобод отныне является неотъемлемой частью международной защиты прав человека. Статья 3 закрепляет свободный выбор каждого человека на решение вопроса о принадлежности к национальным меньшинствам и свободный выбор, соответственно, национальности. Именно в этом документе появляются идеи о так называемой **позитивной дискриминации**, т. е. о неких мерах протекции по отношению к лицам, принадлежащим к национальным меньшинствам (аффирмативных акций). Так, ст. 4 предлагается не только принимать все необходимые меры для поощрения во всех областях экономической, культурной, социальной, политической жизни полного равенства между этническим меньшинством и большинством, но и должным образом учитывать «особое положение лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам». Вместе с тем в той же статье предлагается не считать данное «особое положение» актом дискриминации. Особое внимание в Конвенции уделяется проблемам ассимиляции, и в ст. 5 стороны обязуются принять все возможные меры, препятствующие насильственной ассимиляции, и поощрять диалог между культурами, содействовать развитию взаимного уважения и сотрудничества в области культуры, языка и образования. Статья 9 закрепляет возможность и право национальных меньшинств на свободу выражения мнения и свободу информации независимо от границ, что имеет большое значение для разделенных народов или диаспор. Вместе с тем Конвенция предоставляет возможность свободного создания и использования собственных средств информации. Закрепляются беспрепятственное использование собственного языка общения в частной и публичной жизни (ст. 10); право создавать частные образовательные учреждения в целях поощрения знания культуры и языка меньшинств, а также издавать собственные учебники (ст. 12). Конвенция поддерживает идею свободного и беспрепятственного общения и контактов между лицами, имеющими общую этническую или культурную самобытность, в том числе через границы (ст. 17), а также при-

нимать активное участие в политической общественной жизни, особенно по тем вопросам, которые касаются их непосредственно (ст. 15). Данные права и свободы гарантируются, и, согласно данной Конвенции, контроль над исполнением всех норм и положений настоящей Конвенции возложен на Комитет министров Совета Европы (ст. 24).

Вместе с тем существенным недостатком Конвенции является отсутствие общепризнанного определения понятия «национальное меньшинство», что дает возможность достаточной свободы для национальных законодательств в проведении соответствующей политики. Стоит отметить также, что Рамочная Конвенция, как и другие международные документы, направленные на защиту национальных меньшинств, исходит из защиты индивидуальных прав человека, именно поэтому речь в ней идет «о защите лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам», которые «осуществляют свои права индивидуально и вместе с другими» (п. 2 ст. 3). Таким образом, международное признание коллективных прав национальных меньшинств отрицается.

Следует обратить внимание, что понятие «национальное меньшинство» неоднозначно трактуется во всех рассмотренных документах международно-правового и международно-политического характера. Таким образом, в международном праве до сих пор не существует общепринятого определения понятия «национальное меньшинство».

Наиболее распространенное определение этнического меньшинства, используемое в международной практике, было сформулировано Ф. Капоторти, Специальным докладчиком Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите меньшинств Комиссии по правам человека ООН. В 1971 г. Подкомиссия ООН по предотвращению дискриминации и защите меньшинств поручила Ф. Капоторти подготовить «Исследование по вопросу о правах лиц, принадлежащих к этническим, религиозным и языковым меньшинствам»¹². Завершенная в 1977 г., эта работа дает полное представление об истории, теории и практике защиты прав меньшинств.

В своем фундаментальном труде он предложил под термином «меньшинство» иметь в виду «группу, численно меньшую по отношению к остальному населению государства и не занимающую доминирующего положения в нем, члены которой – граждане этой страны – обладают рядом этнических, религиозных или лингвистических особенностей, отличающих их от остального населения, и обнаруживают чувство солидарности, направленное на сохранение своей культуры, традиций, религии и языка»¹³. Итак, по определению Ф. Капоторти, чтобы группа была признана национальным меньшинством, она должна быть, по сравнению с остальной ча-

стью населения, меньшей по численности и не занимать доминирующего положения.

Подобный подход к проблеме самоопределения и защиты национальных меньшинств не устраивал многие этнические группы. И в условиях усиливающихся тенденций к сепаратизму со стороны этнических меньшинств международное сообщество вновь возвращается к этой проблеме. В качестве компромиссного варианта международное право пришло к признанию прав меньшинств на внутреннее самоопределение, т.е. на самоопределение, которое не ведет к независимости.

Международно-признанными границами внутреннего самоопределения является право национальных меньшинств на контроль над своим внутренним развитием (образование, социальная политика, культура, язык и т.д.), в то время как внешние вопросы (оборона, дипломатические отношения и т.д.) остаются в ведении центральных органов государства. Одним из вариантов такого внутреннего самоопределения является национально-культурная автономия.

Касаясь тезиса о национально-культурной автономии как способе разрешения национального вопроса, следует отметить, что это действительно одно из средств, но не панацея. Национально-культурная автономия хорошо подходит для удовлетворения национальных чаяний таких народов, которые живут рассеянно или вне своего национального государства (т.е. для диаспор). Она может решить вопрос в ограниченном числе случаев (при отсутствии национальной территории, например) и только тогда, когда нация не выдвигает требований национально-территориальной автономии или создания независимого государства. То есть национально-культурная автономия не является альтернативой самоопределению нации, а всего лишь вариантом такого самоопределения.

Большое значение для развития идеи национально-культурной автономии имеет еще один международный документ, подписанный в Москве 10 января 1994 г. – **Конвенция об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам**¹⁴. Этот документ, во-первых, закрепляет недопущения никаких форм дискриминации граждан по национальному признаку, во-вторых, именно в этом документе в ст. 1 появляется определение понятия «национальное меньшинство»: это лица, постоянно проживающие на территории одной из стран и имеющие гражданство данной страны, которые по своему этническому происхождению, языку, культуре, религии или традициям отличаются от основного населения данной страны. Статья 2 настоящей Конвенции подтверждает, что этническая принадлежность и принадлежность к национальному меньшинству – это индивидуальный выбор каждого человека. Конвенция признает за национальными меньшинствами право создавать различные организации (ассоциации)

просветительского, культурного и религиозного характера в целях сохранения и развития их этнической, языковой, культурной и религиозной самобытности (ст. 5).

Непосредственным вкладом в развитие института национально-культурной автономии стало **Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ)**, основанное в 1975 г., в 1995 г. переименовано в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). В рамках этой организации появился и Верховный комиссар по делам национальных меньшинств, пост учрежден в 1992 г. на Хельсинском саммите СБСЕ. Основные задачи – это раннее предупреждение конфликтов на почве межэтнической розни и предотвращение эскалации национальных и этнических конфликтов. Таким образом, задачей комиссара было выявление связанных с национальными меньшинствами трений, которые могут угрожать миру, стабильности и дружественным отношениям между государствами-участниками ОБСЕ, а также содействовать их скорейшему устранению¹⁵. Кроме этого, Генеральная Ассамблея обязала Верховного комиссара в рамках своего мандата содействовать осуществлению принципов, содержащихся в Декларации о правах лиц, принадлежащих к меньшинствам, и с этой целью продолжать диалог с заинтересованными правительствами¹⁶.

Одним из важных методов снижения напряженности и опасности возникновения конфликтов является интеграция, в том числе и этническая. В качестве конкретных политических форм такой интеграции могут выступать: федеративное устройство, автономия в рамках унитарного государства, а также экстерриториальная культурная автономия. Таким образом, интеграция позволяет избежать, с одной стороны, насильственной ассимиляции, с другой стороны – сепаратизма. В полиэтническом обществе этническая интеграция меньшинств обеспечивает уважение их культурной, языковой и религиозной самобытности и является наилучшим способом снижения напряженности. Так, принадлежащие к национальным меньшинствам лица, культурные права которых обеспечены, которые на равной основе участвуют в политической и экономической жизни государства и видят, что могут достичь своих целей, используя государственные институты, с большей вероятностью будут проявлять свою лояльность к государству¹⁷.

Национально-культурная автономия, если ее рассматривать как форму национального самоопределения, не должна замыкаться только на культурно-просветительских вопросах. Задача этнической интеграции – поддерживать и развивать различные формы общественно-политической и социальной организации национальных меньшинств, включая деятельность по обеспечению политического влияния и властного представительства на экстерриториальной основе.

Мировая практика, особенно опыт развитых стран западной демократии, свидетельствует об эффективном использовании института национально-культурной автономии как основного, так и дополняющего систему федеративного устройства и механизмы распределения власти в рамках демократии.

В 90-е гг. XX в. в международном праве появился документ, который отразил основные принципы национально-культурной автономии. Речь идет о **Документе Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ**, принятому 29 июня 1991 г.¹⁸. Вопросы, относящиеся к проблеме национальных меньшинств и гармонизации межэтнических отношений, отражены в IV главе Документа. Государства-участники отмечают необходимость гарантировать всем гражданам без исключения свободное и равное выражение их интересов, в том числе через неправительственные организации, которые играют важную роль в поощрении терпимости, культурного многообразия и в решении вопросов, относящихся к национальным меньшинствам.

Особое внимание стоит уделить и закреплению свободного (личного) выбора национальной принадлежности, т. е. для определения национальной принадлежности человека достаточно его личного волеизъявления (ст. 32). Именно об этом писали основоположники идеи национально-культурной автономии К. Реннер и О. Бауэр. Данное положение лежит в основе не только идеи национально-культурной автономии, но и, в принципе, в основе решения национального вопроса.

К основным правам и свободам, закрепленным в Документе, относятся следующие:

- свободно пользоваться своим родным языком в личной и общественной жизни;
- создавать и поддерживать свои собственные образовательные, культурные и религиозные учреждения, организации или ассоциации;
- исповедовать свою религию;
- устанавливать и поддерживать беспрепятственные контакты между собой в пределах своей страны, а также через границы с гражданами других государств, с которыми они имеют общее этническое или национальное происхождение, культурное наследие или религиозные верования.

Таким образом, на копенгагенской встрече были закреплены основные принципы национально-культурной автономии, в частности, право этнической группы пользоваться достоинством своей культуры, исповедовать свою религию, использовать свой родной язык, создавать собственные ассоциации, поддерживать культурные связи с диаспорами и т. д. Что особенно важно, государства-участники закрепили в Документе готовность в случае необходимости принять специальные меры с целью гарантировать национальным меньшинствам провозглашенное полное равенство в осуществлении прав и свобод человека, заявленных на данной Конференции (ст. 31). Государства-участники также обязуются защищать этническую, культурную, языковую и религиозную самобытность национальных меньшинств и создавать все необходимые условия для сохранения их самобытности, развития языка и образования на родном языке, а также поощрять и содействовать участию национальных меньшинств в государственных делах, прежде всего, относящихся к представлению и защите их интересов (ст. 33–35). В качестве гарантии такой защиты и протекции государства-участники отмечают необходимость создания как одного из возможных средств защиты местных или автономных органов управления, вместе с тем такая автономия не должна нарушать принципа нерушимости границ государства, закрепленного в международном законодательстве (ст. 35–37).

Безусловно, когда мы говорим о правовой реализации идеи национально-культурной автономии, то в центре дискуссии стоит вопрос о национальной культуре, ее самобытности и уникальности, а также о вопросах развития и сохранения этой самобытности. Сохранение самобытности национальной культуры лежит в основе сплоченности общества, а уважение многообразия культуры, терпимости и межкультурный диалог являются необходимым залогом гармонизации этносоциальных отношений и предупреждения межэтнической розни. Именно их этих принципов исходит **Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии**¹⁹, принятая 31-й сессией Генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры в Париже 2 ноября 2001 г. Декларация подчеркивает, что именно культура, под которой в документе подразумевается вся совокупность присущих социальной группе отличительных признаков – духовных, материальных, интеллектуальных и эмоциональных, и это не только искусство и литература, но культура охватывает и «образ жизни» и «умение жить вместе», систему ценностей, традиций и верований, находится в центре дискуссий по вопросам самобытности, сплочения общества и развития единства человечества и преодоления межэтнической розни.

Но реализация права на национально-культурную автономию не решает должным образом проблему прав этносоциальных сообществ и этнических групп, необходимо также решить вопрос о предоставлении им коллективных прав. Признание коллективных прав этносоциальных сообществ – одна из сложнейших правовых проблем. Традиционно индивидуальные права ставятся выше, чем права коллективные. Признание коллективных прав на культурную, этническую и языковую самобытность есть не что иное, как признание значимости этнонациональных чувств. Стремление любого этносоциально-

го сообщества к самосохранению, саморазвитию может быть полностью реализовано только при условии наличия подобного права у всей этнической группы, а не у каждого ее представителя в отдельности. В противном случае индивидуальное право предполагает только возможность идентифицировать себя с определенной этносоциальной общностью. Именно коллективные права позволяют этносоциальным общностям сохраняться, а индивидам – быть частью этой культуры. Постепенно мировое сообщество приходит к мысли о том, что именно признание коллективных прав этносоциальных групп станет залогом создания этнической безопасности в Европе и мире. В основе отрицания этой идеи лежит мнение о том, что признание коллективных прав приведет к всплеску национализма.

Тем не менее, в Европе все настойчивей проявляются идеи и предложения о необходимости защиты национальной идентичности этносоциальных групп, т. е. речь идет о признании коллективных прав национальных меньшинств. Так, уже в **Европейской хартии народов и регионов (Брновская программа, Нюрнберг, 2003)**²⁰ парламенты и правительства европейских государств призываются в целях достижения «эры демократии, мира и единства» всесторонне содействовать «расширению рамок прав человека как индивидуума за счет включения в них дополнительного права этнических групп»²¹. Таким образом, данная Европейская хартия признает необходимость хотя бы предоставления минимума прав этническим группам в целях реализации подлинного равноправия индивидуумов, которое возможно только через гарантию защиты национальной идентичности всей группы. Данный документ интересен для нас еще и тем, что уже в ст. 1 своей программы-минимум гарантируется: «...всем этническим группам, национальным меньшинствам и национальностям, находящимся в численном большинстве, должны быть безотлагательно предоставлены на территориях их поселения <...> права осуществления национально-культурной автономии и автономии в области образования, <...> а также право создавать собственные учреждения культуры и их финансирование»²². Персональная автономия (личная) предполагается для некомпактно проживающих этнических меньшинств. Под персональной автономией понимается, главным образом, языковая и культурно-образовательная автономия, которая включает всю необходимую для ее реализации финансовую автономию. Данный документ, таким образом, предоставляет достаточно широкие возможности для этнических групп в сфере предоставления им внутреннего самоопределения.

Международное сообщество и международные организации, которые были созданы в целях гармонизации этносоциальных отношений в мире, развития системы международной

защиты национальных меньшинств, создали необходимые правовые, политические и социальные условия для развития и становления института национально-культурной автономии. Были разработаны и закреплены в международном законодательстве главные нормы и принципы, которые легли в основу деятельности культурных автономий, что привело к снижению межэтнической розни. Безусловно, деятельность национально-культурных автономий не может привести к окончательному решению национального вопроса во всем мире, да и цели такой не ставится. Это один из вариантов решения данной проблемы, и он возможен только при соблюдении определенного количества условий, среди которых важнейшим является отсутствие у этнического меньшинства претензий на территориальную независимость и полное самоопределение. Вместе с тем большой опыт деятельности института национально-культурной автономии во многих европейских странах и в России с 1996 г. говорит об его эффективности и необходимости использования в борьбе за достижения этносоциального благополучия и гармонизации межэтнических отношений, особенно в условиях проживания на территории одного государства нескольких этносоциальных групп.

Примечания

- 1 *Ваттель Э.* Право народов или принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М. : Госюриздат, 1960. С. 46.
- 2 См.: Берлинский трактат (1878). Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917. М. : Госполитиздат, 1952.
- 3 Цит по: *Сталин И. В.* Марксизм и национальный вопрос. URL: <http://www.litmir.co/br/?b=110202> (дата обращения: 04.03.2017).
- 4 Всеобщая декларация прав человека : принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. (Ст. 2). URL: <http://www.un.org/ru/universal-declaration-human-rights/index.html> (дата обращения: 06.03.2017).
- 5 Там же. Ст. 7 и 10.
- 6 См.: Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. URL: <http://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/005> (дата обращения: 07.02.2017).
- 7 См.: Устав Организации Объединенных Наций. URL: <http://www.un.org/russian/document/basicdoc/charter.htm> (дата обращения: 11.03.2017).
- 8 Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам : утв. резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1960 г. URL: <http://www.un.org/russian/document/gadocs/convres/r15-1514.pdf> (дата обращения: 08.02.2017).
- 9 Международный пакт о гражданских и политических правах: принят Генеральной Ассамблеей ООН 16 де-

- кабря 1966 г. (п. 1 ст. 1 ч. 1). URL: http://www.labex.ru/page/konv_main.html (дата обращения: 10.03.2017).
- ¹⁰ См.: Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам : принята резолюцией 47/135 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1992 г. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/minority_rights.shtml (дата обращения: 09.03.2017).
- ¹¹ См.: Рамочная Конвенция о защите национальных меньшинств (Страсбург, 1 февраля 1995 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
- ¹² См.: *Капоторти Ф.* Исследование по вопросу о правах лиц, принадлежащих к этническим, религиозным и языковым меньшинствам. Нью-Йорк : ООН, 1979.
- ¹³ Там же. С. 6.
- ¹⁴ См.: Конвенция об обеспечении прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам от 10 января 1994 г. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901732493> (дата обращения: 28.01.2017).
- ¹⁵ См.: Factsheet of the OSCE High Commissioner on National Minorities, 30 May 2005. URL: http://www.osce.org/publications/hcnm/2005/05/14784_378_ru.pdf (дата обращения: 27.02.2017).
- ¹⁶ См.: Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 49/192 от 9 марта 1995 г. URL: [un.org/doc/ UNDOC/GEN/N95/771/57/PDF/N9577157.pdf?OpenElement](http://daccessdds.un.org/doc/ UNDOC/GEN/N95/771/57/PDF/N9577157.pdf?OpenElement) (дата обращения: 22.03.2017).
- ¹⁷ См.: Factsheet of the OSCE High Commissioner on National Minorities, 30 May 2005.
- ¹⁸ См.: Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ : принят 29 июня 1991 г. URL: <http://www.osce.org/ru/odihr/elections/14304> (дата обращения: 05.02.2017).
- ¹⁹ См.: Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии : принята 2 ноября 2001 г. Генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры. URL: http://www.un.org/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml (дата обращения: 01.02.2017).
- ²⁰ См.: Декларация о хартии народов и регионов (Брновская программа, Нюрнберг, 2003) // Материалы газеты «Балкария» № 2 (13), август 2003 г. URL: <http://www.balkaria.info/oip/smi/balk1303.doc> (дата обращения: 09.03.2017).
- ²¹ Парижская хартия для новой Европы (Париж, 21 ноября 1990 г.). URL: <http://www.osce.org/ru/mc/39520> (дата обращения: 10.03.2017).
- ²² Декларация о хартии народов и регионов (Брновская программа, Нюрнберг, 2003).

Образец для цитирования:

Герасимова О. Е. Международно-правовые основы становления и развития института национально-культурной автономии // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 213–220. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-213-220.

Cite this article as:

Gerasimova O. E. The International Legal Framework of Formation and Development of the Institute of National-Cultural Autonomy. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 213–220 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-213-220.

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

УДК 321.022

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛОКАЛЬНОЙ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

И. В. Яковлев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: yak-ivan@yandex.ru

В статье представлен анализ состояния изученности проблемы развития нового для политологии направления – локальной гражданственности. Дается характеристика основных направлений, в рамках изучения практик и институтов гражданского контроля в локальных сообществах, с указанием на существенную методологическую ошибку, позволяющую представлять практики гражданского контроля в локальных сообществах как уникальный феномен отдельных регионов.

Ключевые слова: гражданский контроль, локальные сообщества, гражданское общество, гражданственность.

Problems of Studying the Local Citizenship in Modern Political Science Research

I. V. Yakovlev

The article presents an analysis of the state of knowledge of the problems of development of a new direction for Political Science – local citizenship. The characteristic of the main directions in the study practice of civilian control and institutions in local communities, with an indication of the significant methodological problems, allowing to represent the practice of civilian control in local communities as a unique phenomenon of individual regions.

Key words: civic control, local communities, civil society, citizenship.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-221-224

Проблема локальной гражданственности только недавно была полноценно обозначена в проблемном поле политологических исследователей, однако наработанный материал в сфере изучения гражданского общества в частности и политической культуры в целом, не без учета работ в смежных областях, позволяет говорить о необходимости унификации разработанного материала и представлении в общих чертах данного направления исследований, даже несмотря на отсутствие устойчивого интереса к изучению гражданской активности со стороны исследователей и осознание данного факта в научных кругах, чем лишний раз подчеркивается значимость его изучения для политической науки¹.

Существенное влияние на изучение данной сферы оказали европейские и американские исследователи, такие как Г. Алмонд, С. Верба и Р. Арон. Важное значение для данного направления сыграло определение, которое дал С. Хантингтон, охарактеризовавший гражданственность

как совокупность политико-правовых, идеологических, культурных и социально-психологических признаков нации².

Существующий сегодня во фрагментированном виде концепт «гражданственность», тем не менее, был четко идентифицирован в досоветский и советский периоды как свойство личности с высоконравственными культурными и идеологическими ценностями³. Так, например, С. Н. Иконников и В. Т. Лисовский определяли гражданственность как «одно из важнейших моральных качеств личности, представляющих собой сплав таких мировоззренческих и нравственных черт, как коммунистическая идейная убежденность, преданность делу коммунизма, социалистический патриотизм и интернационализм, высокая сознательность и ответственность, трудолюбие, творческая активность, честность и порядочность, непримиримость к антиподам коммунистической морали и буржуазной идеологии, самоотверженность, социальная зрелость»⁴.

Социологическая школа по-разному трактует сущность гражданственности. «Поведенческая» теория развивает представление о гражданственности как о части социальной активности индивида. При этом представление о гражданственности строится как «участие личности в решении общественных дел, осознание личности своей ответственности за организацию жизни в стране, стремление вносить вклад в организацию жизни страны, региона, населенного пункта»⁵. Ряд исследователей акцентируют особое внимание на том факте, что гражданственность является результатом обособленного выбора между личностными и общественными интересами⁶. Институциональный подход представляет гражданское общество как совокупность институтов, в рамках которых осуществляются гражданские практики, при этом сам феномен гражданственности воспринимается исследователями как неотъемлемая часть развития институциональной среды, т. е. как интегративный процесс⁷, происходящий при этом на низовом уровне локальных сообществ.

С другой стороны, под гражданственностью в разных работах понимают как ассоциации с личностными качествами, так и интеграцию в культуру, и особую форму мировоззрения. На

подобное явление в расхождении определения категориального аппарата указывают многие авторы⁸, что в большинстве обусловлено широким интересом к данной проблематике – это исследование в сферах педагогики, психологии, права, философии, социологии и политологии.

Существует точка зрения, согласно которой представление о гражданственности строится как «участие личности в решении общественных дел, осознание личности своей ответственности за организацию жизни в стране, стремление вносить вклад в организацию жизни страны, региона, населенного пункта» – т. е. факторы гражданского сознания населения⁹. В работах политологов концепт гражданственности воспринимается как часть политической культуры. Так, по мнению И. Б. Фан, гражданственность – суть воплощения демократических идей (национальной идеи) в личных качествах граждан¹⁰. В подтверждение данного тезиса исследователи приходят к мысли об ответственности государства за формирование в обществе культуры гражданственности¹¹, рассматривая при этом гражданственность как часть политической социализации. В данном направлении, отмечая особое значение локальных сообществ, исследователи ориентируются на политические формы участия и активность гражданского общества в период массовых протестов и акций в электронных кампаниях 2011–2012 гг.¹²

В нормативных правовых актах в ряде субъектов РФ достаточно подробно регламентируется вопрос гражданско-патриотического воспитания молодежи, и обычно данная задача выделена в ряду приоритетных в регионе. По мнению ряда исследователей, специализирующихся на данном вопросе, развитие законодательства в данной сфере становится одним из важнейших шагов в развитии эффективной национальной и региональной политики¹³. Провозглашенная в Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года¹⁴ задача усиления гражданского самосознания при сохранении и развитии этнокультурного многообразия народов ставит перед государством достаточно много противоречивых задач. Среди них выделяется проблема соотношения необходимости сохранения локальной идентичности и развития гражданской общности.

Вместе с этим исследователи отмечают, что развитие институциональной базы, которое происходит в нормативно-правовой сфере и с поддержкой государственных структур, невозможно без ответной реакции «самоорганизующихся снизу»¹⁵, что приводит нас к мысли об огромном значении локальных сообществ в создании и функционировании гражданского общества. Из обозначенного выше материала исследований в сфере гражданственности и логики представления феномена гражданственности можно сделать вывод об особом значении малых сообществ и практик осуществления гражданского контроля и

наблюдения на уровне малых социумов и для научного дискурса. А следовательно, актуализируется вопрос активности в различных сферах взаимодействия власти и гражданского общества¹⁶.

Введенная в оборот В. В. Маленковым концепция локальной гражданственности в общем плане является моделью социокультурной программы сообществ. Локальная гражданственность в одном из определений представляется как соучастие представителей местных социумов в общественной жизни города или иного малого населенного пункта. Вводимая автором «локальная гражданственность»¹⁷ представляется как комплекс поведенческих характеристик, сформированных в определенном социуме. На формирование гражданственности оказывают влияние историческая и культурная память, доминирующие модели экономического поведения, социально-экономические особенности местности, представления о будущем, религиозные и идеологические взгляды, модель взаимодействия гражданского общества с властью¹⁸. По мнению А. А. Вилкова и Н. И. Шестова, подобные характеристики раскрываются понятием «политическая субъектность региональных социумов»¹⁹.

Отражением процесса развития локальной гражданственности при этом может служить динамика активности гражданского общества (общественных объединений и индивидуальных практик). Динамика развития локальной гражданственности, по аналогии с развитием институтов гражданского общества²⁰, коррелирует с динамикой активности общественных объединений. Именно поэтому политический аспект локальной гражданственности отчетливее всего заметен на участии граждан в избирательном процессе, в том числе в форме участия в качестве наблюдателей, активного участия в привлечении внимания к проблемам избирательной системы и результатам выборов и т. д.²¹. В поле внимания политологов находится и социологический аспект гражданской активности. Справедливое представление о взаимовлиянии политического участия и гражданской активности достаточно подробно развернуто на анализе опросов населения на предмет включенности в политические и неполитические общественные практики²².

Неразрывно связанное с гражданственностью представление о патриотичности также достаточно часто находит отражение в работах исследователей локальной гражданственности. Исследователи указывают на очевидные провалы в реализации программ, направленных на воспитание патриотизма в российском обществе, а следовательно, и на формирование «общенациональной идеи»²³.

Во многом руководствуясь представлением о логике самоотождествления граждан России в русле «государствотрицентричной», а не «гражданственной» модели самовосприятия и опираясь на мнение Л. М. Дробижевой²⁴, можно говорить о

деформации роли государства и его существенном значении в формировании гражданственности в целом и локальной гражданственности в частности. При этом проблема вмешательства государства в деятельность общественных структур не является исключительно российской действительностью²⁵. В большинстве работ современных исследователей заметна ясная передача ответственности и за формирование патриотизма и гражданственности государству²⁶, вместо актуализации подобных процессов на локальном уровне, что было бы наиболее логичным. Вместе с этим на локальном уровне существуют практики самоорганизации, способные, по мнению исследователей, двигать развитие культуры локальной гражданственности в целом и частные аспекты в том числе²⁷.

Нечто схожее с представлением о локальной гражданственности можно встретить в результатах исследования локальных городских идентичностей, но исключительно в русле формирования уникальных черт местных сообществ, без изучения характеристик и тенденций в формировании типов локальной гражданственности в других регионах²⁸. Таким образом, исследователями упускается из виду тот важный аспект, что благодаря наличию в сообществах различных регионов страны больше общего, нежели уникальных черт, локальные сообщества могут развиваться в едином векторе, лишь ситуационно изменяя область приложения усилий гражданским обществом.

Развивая данную мысль, можно обозначить лишь несколько факторов, унифицирующих векторы развития гражданской активности:

– единые принципы построения органов государственной власти и органов местного самоуправления и единая система законодательства и принципов нормативно-правового регулирования. Это один из наиболее важных факторов, способствующих унификации создания и функционирования практик и институтов гражданского общества на локальном уровне в различных регионах РФ. Исключительное значение играют механизм взаимодействия локальных гражданских сообществ и власти, механизм взаимодействия институтов гражданского общества и общества, формируемые согласно единому законодательству, в единой механике действия государственного аппарата;

– общее принципиальное восприятие исторических событий. Восприятие и воспроизводство принципиальных позиций транслируется в установленных единых для всех регионов требованиях в системе общего образования в целом и исторического образования в частности. Вместе с тем патриотическое воспитание и восприятие социально-политических событий во многом базируются на устоявшихся морально-этических принципах общества;

– общие социально-экономические детерминанты развития общества. Действующие на всей территории РФ законы финансовой сферы

обуславливают сходство в общих чертах развития экономических отношений, в свою очередь определяющих социально-экономическое положение россиян.

Локальная гражданственность формируется благодаря выстраиванию целого комплекса общественных отношений, участниками которого становится огромное количество индивидов. На микроуровне ретранслятором локальной идентичности является семья, включающая фамильно-родословную компоненту²⁹. На мезоуровне в данном случае могут выступать традиции сообщества в месте проживания гражданина, на макроуровне – особенность влияния на гражданственность со стороны внешних факторов (вплоть до мировой и государственной политики)³⁰.

Конкретизируя более подробно данные направления, можно заметить, что именно на основе этих факторов происходит процесс трансформации нижнего слоя гражданского общества в широкомасштабные гражданские организации, следовательно, развиваются наиболее удачные практики гражданской активности, в частности, переносятся на социально-политические системы других регионов страны³¹. Гражданская солидарность (институционально оформленное гражданское общество) становится проекцией суммы множества локальных гражданских практик, преодолевая тем самым классовые и региональные различия³². Это возвращает нас к идее о высокой значимости локальных сообществ и необходимости развития данной проблематики в рамках научных исследований.

Примечания

- 1 См.: Барков Ф. А. Гражданская активность, солидарность и самоорганизация в контексте российской модели гражданского общества // Гуманитарий юга России. 2012. № 2. С. 193–202.
- 2 См.: Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности / пер. с англ. А. Башкирова. М., 2004. С. 344.
- 3 См.: Любимов Л. Л. Российская школа : воспитание гражданственности // Вопр. образования. 2013. № 1. С. 278–300.
- 4 Иконникова С. Н., Лисовский В. Т. На пороге гражданской зрелости (об активной жизненной позиции современного молодого человека). Л., 1982. С. 158.
- 5 Рывкина Р. В. Социология российских реформ : социальные последствия экономических перемен. М., 2004. С. 305.
- 6 См.: Горбачева Е. Г. Ценностный выбор как основа гражданской идентичности личности // Социально-психологические проблемы ментальности/менталитета. 2014. № 11. С. 77–82.
- 7 См.: Барков Ф. А. Указ. соч.
- 8 См., например: Куршев А. В. Гражданственность личности как черта характера // Сибирский педагогический журнал. 2015. № 3. С. 26–32.

- ⁹ См.: Рыбкина Р. В. Указ. соч. С. 305.
- ¹⁰ См.: Фан И. Б. Гражданственность в отечественном политическом дискурсе, или К проблеме о том, есть ли демократический потенциал у «Русской идеи»? // ПОЛИТЭКС. 2006. Т. 2, № 2. С. 145–156.
- ¹¹ См.: Асеева Т. А. Роль государства в политической социализации граждан современной России // Изв. Алтайск. гос. ун-та. 2015. Т. 1, № 2 (86). С. 215–220.
- ¹² См.: Сулимов К. А. Гражданская идентичность и политическое участие на локальном уровне // Идентичность как предмет политического анализа : сб. ст. по итогам Всерос. науч.-теор. конф. М., 2011. С. 237–239 ; Ковин В. С. Электоральный аспект формирования региональной политической и гражданской идентичности // Патриотизм и гражданственность в истории России : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (С.-Петербург, 14–16 марта 2013 г.) / под общ. ред. В. Н. Скворцова. СПб., 2013. С. 41–45.
- ¹³ См.: Жукова И. Н. Политико-правовые аспекты гражданско-патриотического воспитания молодежи : региональный опыт // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. С. 880–888 ; Чащи Е. В. Философские корни гражданского образования, нормативно-правовая база и реальность. Новое глобальное мышление // Социум и власть. 2015. № 1 (51). С. 55–60.
- ¹⁴ См.: Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?reg=doc;base=LAW;n=139350> (дата обращения: 15.10.2016).
- ¹⁵ См.: Мерсиянова И. В. Мониторинг состояния гражданского общества в России : возможности реализации и перспективы развития // Эмпирические исследования гражданского общества. 2011. № 1. С. 43–47 ; Магомедов А. А. Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России : модели политического воссоздания «снизу». М., 2000 ; Гавриленко И. Г. Развитие деловой активности населения через формирование института самоуправления в жилищной сфере // Гражданское общество в России : состояние, тенденции, перспективы : сб. науч. тр. Ульяновск, 2012. С. 11–20.
- ¹⁶ См.: Концептуальная модель взаимодействия власти, гражданского общества и бизнеса в условиях российского региона / под ред. Г. Н. Комковой. Саратов, 2011 ; Опыт взаимодействия власти, гражданского общества и бизнеса в российских регионах / под ред. Г. Н. Комковой. Саратов, 2010.
- ¹⁷ См.: Маленков В. В. Локальная гражданственность как фактор городского развития // Теория и практика общественного развития. 2013. № 12. С. 18–21.
- ¹⁸ См.: Цуканова Н. В. Формирование гражданской культуры и культурной идентичности личности средствами искусства // Ямальский вестн. 2015. № 3 (4). С. 6–11.
- ¹⁹ См.: Вилков А., Шестов Н. Политическая субъектность региональных социумов и элит // Власть. 2014. № 7. С. 186–191.
- ²⁰ См.: Левина Л. И. Потенциал влияния «самоорганизующихся снизу» сообществ на становление гражданского общества РФ // Вестн. Нижегородск. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. Социальные науки. 2016. № 2 (43). С. 118–127.
- ²¹ См.: Сулимов К. А. Указ. соч. ; Ковин В. С. Указ. соч.
- ²² См.: Седова Н. Н. Гражданский активизм в современной России : форматы, факторы, социальная база // Социологический журнал. 2014. № 2. С. 48–71.
- ²³ См.: Щербакова О. И. Гражданское воспитание в России // Вестн. Моск. гос. обл. гуманит. ин-та. Сер. История, философия, политология, право. 2014. № 2. С. 34–40.
- ²⁴ См.: Дробижева Л. М. Процессы гражданской интеграции в полиэтничном российском обществе (тенденции и проблемы) // Общественные науки и современность. 2008. № 2. С. 68–77.
- ²⁵ См.: Гидденс Э. Демократизируя демократию : государство и гражданское общество // Социология. 2010. № 1. С. 4–9.
- ²⁶ См.: Асеева Т. А. Указ. соч.
- ²⁷ См.: Желнакова Н. Ю. Проблема конструирования гражданской идентичности в молодежной среде : региональный аспект // Primo aspectu. 2014. Т. 18, № 16 (143). С. 111–114.
- ²⁸ См., например: Крупкин П. Л. К вопросу о «гражданской религии» РФ 2 : структурные особенности содержания локальных городских идентичностей // Научный результат. Сер. Социология и управление. 2015. Т. 1, № 3 (5). С. 29–35. DOI : 10.18413/2408-9338-2015-1-3-29-35.
- ²⁹ См.: Ворошилова С. В. Формирование российской гражданской идентичности подростка в проектной деятельности по изучению своей родословной // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. 2014. № 4 (89). С. 164–168.
- ³⁰ См.: Мухин С. Г. Социализация гражданина в гражданском обществе // Омск. науч. вестн. 2015. № 4. С. 142–145.
- ³¹ См.: Барков Ф. А. Указ. соч.
- ³² См.: Козлов Д. В. «Нецивильное» гражданское общество – гражданская ангажированность в современной России (возможности применения концепции социального капитала и республиканской теории к оценке динамики демократических изменений) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. 2008. № 1. С. 118–131.

Образец для цитирования:

Яковлев И. В. Проблемы изучения локальной гражданственности в современных политологических исследованиях // Изв. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Sociologiya. Politologiya. 2017. T. 17, vyp. 2. С. 221–224. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-221-224.

Cite this article as:

Yakovlev I. V. Problems of Studying the Local Citizenship in Modern Political Science Research. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politologiya*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 221–224 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-221-224.

УДК 329.12

УЧАСТИЕ СМИ В ФОРМИРОВАНИИ «ФОРУМНЫХ» СВОЙСТВ МОТИВАЦИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ВЫБОРА В ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

А. И. Камалетдинова

Самарский государственный университет
E-mail: alsoy08@mail.ru

В статье рассмотрены особенности применения информационно-коммуникативных технологий в интернет-пространстве в электоральных процессах для воздействия на мотивацию голосования избирателей. Условно они обозначены как медийные «форумные» механизмы воздействия, основанные на использовании в ходе избирательной кампании разнообразной информации, не имеющей отношения к непосредственным интересам рядового избирателя. Данный фактор определен автором как «форумное» свойство мотивации электорального выбора.

Ключевые слова: информационно-коммуникативные технологии, интернет-пространство, электоральные процессы, мотивация голосования.

Participation of Media in Formation of “Forum” Properties of Motivation of the Electoral Choice in Liberal and Democratic Policy

A. I. Kamaletdinova

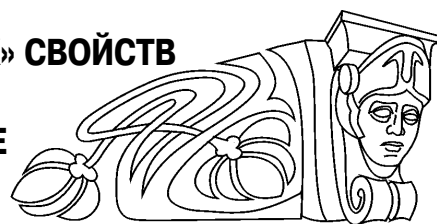
In article features of use of information and communicative technologies in Internet space in electoral processes for impact on motivation of vote of voters are considered. Conditionally they are designated as the media “forum” mechanisms of influence based on use during the electoral company of the various information which does not have relations to direct interests of the ordinary voter. This factor is defined by the author as “forum” property of motivation of the electoral choice.

Key words: information and communicative technologies, Internet space, electoral processes, motivation of vote.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-225-230

Одной из актуальных проблем современной политологии является возможность свободного и осознанного волеизъявления граждан во время выборов. Большинство исследователей акцент делают на том, что серьезным препятствием такому волеизъявлению становятся манипулятивные информационно-коммуникативные технологии¹. С этим нельзя не согласиться, но, тем не менее, есть еще одна проблема, которая гораздо меньше привлекает внимание отечественных политологов. Суть ее связана с тем, что изменения политической культуры современных обществ нередко происходят быстрее, чем на них успевают реагировать теория и практика применения электоральных технологий.

Эта тенденция прослеживается сегодня в развитии всех политических систем, либераль-

но-демократических в особенности. Следствием являются «неожиданные» и «непредсказуемые» результаты избирательных кампаний, когда свою долю политической власти получают партии и лидеры, которые, по всем технологическим условиям либеральной политики, на эту долю, казалось бы, претендовать не могли. Неожиданность результатов избирательных кампаний рождает в обществе естественные сомнения в их легитимности, а сомнения выливаются в гражданские конфликты. В последние десятилетия по всему миру там, где к демократическим выборам прибегают как к средству легитимации власти и стабилизации политической ситуации, все чаще по следам этих выборов социально-политическая нестабильность, а также недоверие граждан к политическим элитам только усиливаются. Следствием борьбы обществ и элит за легитимность и демократию становятся «цветные» революции, «весны» и «майданы».

На этом фоне ситуация в российском электоральном процессе выглядит более предсказуемой и стабильной. Это свойство электорального процесса в России наглядно продемонстрировали результаты выборов в Государственную думу и местную законодательную власть осенью 2016 г. Однако проблема заключается в ответе на вопрос: каковы возможности российской социально-политической системы и дальше развиваться в общем со всем миром либерально-демократическом тренде и в то же время оставаться вне зоны действия тенденции, которую политологи обобщенно именуют «кризисом современной либеральной демократии»?

Одним из важных ресурсов социально-политической системы, обеспечивающих ее податливость на внешние влияния либо устойчивость к ним, является электоральный выбор граждан и его структура. Еще более важно то, каким образом этот выбор формируется. Понимание особенностей современных механизмов формирования мотивации электорального выбора позволяет понять и природу его предсказуемости либо непредсказуемости. В анализе и оценках этой природы современная политическая наука часто ориентируется на классические модели мотивации голосования, в основании которых заложено представление, что каков политический интерес гражданина, таков и его электоральный выбор.

В принципе, такая логика рассуждения справедлива и подтверждается результатами из-

бирательных кампаний в нашей стране и по всему миру. Тем не менее, эта логика не учитывает (точнее – относит к разряду случайностей) некоторые факторы, которые (в последнее десятилетие особенно заметно) стали как бы вклиниваться между политическим интересом гражданина и его электоральным волеизъявлением и деформировать их линейную связь. Одной из таких «случайностей» в структуре анализа мотивации электорального выбора предстает хаотичное (для наблюдающего за ними рядового гражданина) возрастание по ходу избирательной кампании количества информации, имеющей отношение к чему угодно, только не к непосредственным интересам рядового избирателя. Условно данный мотивационный фактор можно обозначить как «форумное» свойство электорального выбора.

Прежде всего, это информация, связанная со взаимной компрометацией субъектов, участвующих в электоральном процессе, с поиском внутренних и внешних врагов, раскрытием политических «заговоров». Такой информацией СМИ предельно агрессивно «накачивают» пространство политических коммуникаций до критических значений, при которых происходит подавление потоком информации интереса избирателя к ее конкретному содержанию. Избиратель утрачивает всякий интерес к содержанию информации как критерию ее достоверности и даже интерес к тому, чтобы оценивать эту информацию как влияющую на его электоральный выбор положительно либо отрицательно. Он в своем электоральном выборе руководствуется вполне рациональной в такой ситуации логикой: если в содержании разнородной и противоречивой информации нет правды о политике, то ее «индикатором» может служить простое количество информации.

Либеральная политика изначально основана на постоянных апелляциях ее участников к «общественному мнению». В современном либерально-демократическом обществе его выразителями признается не только статистическое большинство, но и представители определенных социальных групп, идентифицирующих себя по определенным признакам и соответствующим интересам. В этой связи определение выразителя «общественного мнения» и, соответственно, правой стороны в политическом взаимодействии по количественному критерию является естественной предпосылкой для формирования гражданской позиции избирателя.

Если в пространстве коммуникаций какое-то суждение (чаще всего стереотипное) о каком-либо предмете высказывается наибольшее количество раз с наибольшей частотой, то для гражданина, безразличного к содержанию высказывания, оно служит своеобразным маркером. По этому (нередко неосознаваемому) маркеру он и определяет свой «личный» сегмент политического пространства. Он должен быть частью того

пространства политики, в котором политическая жизнь, как ему кажется, идет наиболее активно и где «все определяет общественное мнение». Он может быть и не согласен с содержанием этого мнения, но он видит смысл реализации своего гражданского потенциала в том, чтобы быть участником «большой политики» и в одной системе коммуникаций с теми, кто, как ему кажется, творит такую политику.

Другими словами, для избирателя нарастание количества информации в одном из сегментов политического пространства (по ходу избирательной кампании, например) является простым сигналом, в какую сторону, образно выражаясь, смещаться со своими электоральными предпочтениями, чтобы не остаться за пределами «большой политики» и «общественного мнения». Именно на этом основана мотивация голосования из-за боязни «утраченного голоса». В результате, мотивация выбора избирателя перемещается из сегмента политического пространства, где находятся его естественные политические и экономические интересы, в тот сегмент, где он просто чувствует себя комфортнее как гражданин и приверженец демократических принципов, где он ощущает себя востребованным в качестве реального участника «большой политики».

Не случайно, как представляется, сегодня особенно зримо возрастает значение электронных СМИ как участника избирательных кампаний и важнейшего фактора формирования электорального выбора. Происходящее сегодня в медийном пространстве избирательных кампаний по всему миру очень напоминает то, что обычно имеет место при обсуждении политических и неполитических новостей на различных интернет-форумах. Для участников обсуждения не столь важно вникнуть в суть проблемы, взвесить все плюсы и минусы тех или иных ее трактовок. Для них важнее воспользоваться ею как поводом для заявления, как можно более многократного, о своем интересе к этой проблеме и о своей компетентности в ней и в ответ получить признание со стороны как можно большего числа пользователей.

В свете сказанного выглядит уместным использование термина «форумные свойства» для обозначения новых характеристик электорального выбора граждан и специфики механизма, посредством которого этот выбор осуществляется.

Как на практике работают эти медийные «форумные» механизмы и как обнаруживаются соответствующие свойства электорального выбора, наглядно продемонстрировали последняя кампания по выборам президента США в ноябре 2016 г. и проявивший себя «парадокс Трампа», когда большая часть политического истеблишмента и экспертного сообщества прогнозировала победу одного кандидата, а избиратели выбрали другого. На наш взгляд, во многом это произошло потому, что в своем выборе ориентирова-

лись больше на интенсивность информационных потоков в ходе избирательной кампании, на их направленность усилиями СМИ в определенный сегмент политического пространства, а не на содержание, достоверность или недостоверность той или иной политической информации.

Противниками Д. Трампа был задействован весь стандартный и привычный для американского электората набор медийных технологий. На этом основывалась, как можно предположить, уверенность сторонников Х. Клинтон в ее победе. Выиграл, тем не менее, Д. Трамп. Журналисты и политические эксперты по свежим следам выбора американского электората, неожиданного для многих, предложили разные и, по большей части, оправданные объяснения этой ситуации. Эксперты говорили о протестном голосовании части электората, уставшего от власти американского «истэблшмента», о том, что социологические прогнозы давали заведомо неверную картину электорального выбора, так как избиратели «стеснялись» публично признаваться в симпатиях к Д. Трампу, о накопившейся «усталости» и «злости» избирателя на всю систему либеральных институтов, политику глобализации и т. д.² Российские эксперты, по большей части, повторяли аргументацию американских коллег.

Не многие отечественные и американские аналитики обратили в этой связи внимание на то, какую роль в формировании предпочтений электората сыграли количественно большие объемы информации, сконцентрированные усилиями СМИ в одной части политического пространства, для которой маркером была фигура Д. Трампа. Объемы, на которые, как на критерий серьезности и значимости фигуры Д. Трампа, ориентировался электорат, не искушенный в понимании логики политических процессов и внутриэлитарных конфликтов и не способный в силу недостатка теоретических знаний и практических навыков участия в гражданской жизни содержательно сформулировать свои запросы к политике.

Когда американские социологи у избирателя перед выборами спрашивали его мнение о личных качествах, плюсах и минусах того или иного кандидата, он высказывался против Д. Трампа, даже если и не за Х. Клинтон. На это ориентировалась вся американская и даже российская электоральная прогностика. Когда же наступал момент осуществления электорального выбора как акта солидарности человека с тем сегментом политического пространства, в котором накопилась критическая масса информации и где, соответственно, творится «настоящее» общественное мнение и «настоящая» демократическая политика, то гражданин отдавал свой голос за Д. Трампа, которого СМИ превратили в маркер всего «настоящего» в американской демократии. СМИ валом информации о Д. Трампе подавили

в американском избирателе ощущение потребности делать выбор сознательно, а не на основе концентрации информационного шума, создаваемого СМИ, в одной части электорального пространства.

Тот факт, что количество информации, ее концентрация в электронных СМИ и на интернет-форумах вокруг обсуждения личности Д. Трампа сыграли в электоральном выборе американцев роль большую, чем ее качество и содержание, подтверждают американские наблюдатели. В частности, американский финансист Лоуренс Макдональд, выступая в Москве на конференции «Глобальная экономика и финансовые рынки в эпоху неопределенности: сценарии и прогнозы», отметил тот факт, что рядовые, особенно молодые американцы разочарованы в официальных СМИ как ограниченном, а потому не вызывающем доверия источнике информации. В связи с этим американцы предпочитают в качестве источника политических новостей Интернет, где объемы информации формально никем и ничем не ограничены и где можно свободно солидаризоваться с любым интернет-сообществом. Они, по мнению американского эксперта, воспринимают эту информацию как более полезную и значимую для своего гражданского самочувствия, независимо от ее достоверности либо фейковости³.

В том же ключе интерпретирует ситуацию противник Д. Трампа известный американский кинорежиссер-документалист Майкл Мур. Он еще до президентских выборов считал вероятным, что «американцы могут проголосовать вопреки пропаганде, которая раздражает»⁴. Он, призывая сограждан не голосовать за Д. Трампа, приводил им в пример конкретную ситуацию общения с конкретным избирателем, который подошел к нему после очередного шоу: ««Майк, – сказал он. – Нам нужно проголосовать за Трампа. Мы должны потрясти мир». Ему этого достаточно – «потрясти мир». Президент Трамп победит – и немалая часть электората с удовольствием займет места на трибунах, чтобы посмотреть это реалити-шоу». Многие придут голосовать за Трампа «просто потому, что они могут это сделать»⁵.

М. Мур моделирует новое качество электорального выбора американцев, которое определяет их желание быть там, где нарастающие объемы политической информации и гиперактивность СМИ выдают наличие либо перспективу «настоящей демократии» и «настоящей политики». М. Мур, как сознательный и творчески мыслящий гражданин, выражает полное свое разочарование в американском электорате, который почти рефлекторно реагирует на гиперактивность СМИ в привлечении его внимания к фигуре Д. Трампа и потому идет за Д. Трампом: «Этот аудсайдер, Дональд Трамп, пришел все здесь очистить! Вам не нужно с ним соглашаться»

ся! Вам даже не нужно симпатизировать ему! Но он – ваш личный коктейль Молотова, которым можно бросить прямо в гущу этих уродов, которые сделали это с вами! ЗАЯВИТЕ О СЕБЕ! СДЕЛАЙТЕ ЭТО С ТРАМПОМ»⁶.

С мнением кинорежиссера согласен другой американский аналитик: «Вот как люди принимают решения. У них нет хороших источников информации, у них есть много претензий, и они ненавидят кандидата от олигархии. И именно поэтому они поддерживают Трампа»⁷. Российский наблюдатель по поводу этих откровений американских аналитиков заметила: «Сегодня слушала комментарии американского политолога о причинах победы Трампа на выборах президента США. Он рассказал, что еще на том этапе, когда кандидатов было много, Трамп стал любимцем журналистов, поскольку выдавал новостные поводы в два раза больше, чем его конкуренты. За месяцы предвыборной гонки его здорово “раскрутили” таким образом»⁸.

Эта ситуация наглядно демонстрирует масштаб и характер того риска, который российской политической системе пока удается обходить. Риска переключения электората, находящегося под информационным прессингом СМИ, с обдумывания разных аспектов электоральной конкуренции по поводу важнейших общественных проблем вообще, на почти рефлекторные реакции на различные маркеры «настоящей демократии», «настоящего лидера», «настоящего патриотизма», «настоящей справедливости», «настоящей заботы о народе» и т. д., конструируемые демократическими СМИ.

Возможно, если этот риск видеть и понимать его природу, это и дальше позволит нашей социально-политической системе меньше сталкиваться с «неожиданным» поведением электората и как-то быть готовой к таким «неожиданностям». Пока что минимизировать этот риск помогает иное, чем на Западе, понимание отечественным медийным сообществом того, что такое свобода слова и демократичность. Другой фактор – относительно низкий уровень политической активности электронных СМИ как той среды, в которой формируется «форумная» стилистика мышления рядовых граждан. В последнее десятилетие электронные СМИ в нашей стране развивались ударными темпами и приобрели широкую аудиторию пользователей. Тем не менее, в рейтингах интереса и доверия российского избирателя к разным источникам получения качественной политической информации на первом месте устойчиво фигурирует телевидение, причем федеральное, а Интернет занимает одно из предпоследних мест⁹.

Естественно, что картина предпочтений избирателем разных медийных технологий будет меняться в зависимости от того, говорим ли мы о молодом, или возрастном гражданине. Но в целом она сильно отличается от зарубежных об-

разцов именно в ту сторону, что в сопровождении российской политики доминируют СМИ, которые настраивают сознание избирателя на размышления о достоверности и недостоверности, о содержании политической информации, а не те СМИ, которые просто требуют быстрых реакций от пользователя информационного ресурса в постановке «лайков» и в сообщении как можно большему числу пользователей ресурса о том, что ты здесь и ты «в теме»¹⁰.

Это, возможно, объясняет устойчивое стремление российского избирателя согласовывать личный политический выбор со своими долгосрочными политическими интересами (в частности, интересами к политической и экономической стабильности, внешней безопасности) больше, чем с той медийной повесткой, которую СМИ, особенно электронные и потому менее официальные, не так, конечно, активно, как американские, но формируют по ходу избирательных кампаний. Отсюда, вероятно, впечатление «скучности» выборов в ГД РФ и региональные законодательные собрания осенью 2016 г., сложившееся у отечественных политологов¹¹. Эффект «скучности» возник, вероятно, не случайно. В предшествующий выборам период относительной экономической и политической стабильности у российского электората возник вкус к этой стабильности. На этот вкус избирателя сделала ставку основные политические партии, за исключением либеральных, и выиграли выборы. А СМИ не разрушили у избирателя этот вкус, не предложили повестки, ориентирующей избирателя на повышенную протестную активность.

Вместе с тем есть и тревожные симптомы. Политолог А. Г. Чернышов прогнозирует важную, на наш взгляд, тенденцию к разбалансировке количественных и качественных показателей информационных потоков в пространстве российской политики. Он отмечает, что сегодня в России «наблюдается практика инкубирования и взращивания крикливых и пустопорожних дискуссий – без полутонов, на полярных позициях: “патриоты – либералы”, “красные – белые” и т. д., отвлекающих внимание обывателя на второстепенные темы. При этом сознание масс “раздваивается” по полюсам, революционизируется вне зависимости от установок политических штабов и управленческих центров принятия решений в формате “свой – чужой”. Тем самым теряется смысловая, этическая и нравственная основа диалога, и в конечном итоге наблюдается его купирование рамками формально заданной “сверху” “стерильной” повестки дня. Как мы понимаем, долго в таком закрытом формате процесс осмысления действительности существовать не может, и это приведет к поиску выхода неумной творческой активности. И тут важно не довести ситуацию до того состояния, что придется впопыхах скидывать крышку с бурлящего

котла или торопиться открыть “последний клапан”, чтобы выпустить пар, готовый взорвать механизм изнутри»¹².

Отечественные социологи давно фиксируют парадокс: российские избиратели достаточно основательно не доверяют содержанию информации, политической прежде всего. Они, тем не менее, в своем отношении к информации не возражают против принципа «чем больше, тем лучше»¹³. Чаще всего исследователи позитивно оценивают этот запрос граждан на большее количество политической информации. И даже сетуют, что спрос на политическую информацию в российском социуме мог быть больше. Они видят в таком спросе некий индикатор зрелости гражданского самосознания российского электората и перспективу налаживания устойчивых коммуникаций между властью и обществом¹⁴.

Этому парадоксу дается объяснение в том смысле, что таким образом российский гражданин заявляет о своем праве и желании самостоятельно решать, какая информация достоверна, а какая нет. Но какой гражданину смысл работать с содержанием информации, тратить на это силы, время и интеллект, если он априори не доверяет источнику ее получения? При этом специалистами по информационной политике обычно не ставится вопрос о том, что у российского гражданина после определенного информационного насыщения и пресыщения, как это показывает пример США, может измениться само понимание того, что есть политическая информация. Если гражданина убедить, что главное – это количество информации, получаемой им от власти и общества, а не ее качество, то он будет в своем политическом участии руководствоваться количественным критерием.

С нашей точки зрения, возможно, в этих требованиях российского электората проявляется его нарастающая индифферентность к содержанию политической информации, основанная (как это наблюдается сегодня и в США) на изначальной уверенности в ее агитационном и фэйковом характере. Такой вывод вполне коррелирует с выводом тех же исследователей, что в российском обществе наблюдается усталость от бесконечного тиражирования СМИ содержательно однородной информации¹⁵. Исследователи констатируют: «...отношение к СМИ амбивалентно. В нем сочетаются внушаемость и подозрительность»¹⁶.

Это если не симптом, то предпосылка для того, что во вполне обозримой перспективе если не весь российский электорат, то какая-то немалая его часть может изменить парадигму своего электорального выбора. А если конкретнее – то ценить количество политической информации, агрессивность ее подачи СМИ и концентрацию ее усилиями СМИ в определенных сегментах политического пространства как ориентир для

своего политического выбора, больше, чем ее качество. Сегодня изучение политологами информационной политики в РФ легитимирует средствами науки движение массового сознания российского электората в этом направлении. Если российский гражданин, подобно американскому, не будет понимать смысла происходящего вокруг него, но будет уверен, что он «в курсе» всего главного и «настоящего» в политике, риск потери российской социально-политической системой нынешней относительной стабильности может вырасти.

Примечания

- 1 См.: *Вилков А. А.* Избирательные технологии : проблема эффективности и политических последствий // *Власть*. 2003. № 4. С. 17–18.
- 2 См.: Эффект Трампа : в чем причины победы вопреки всему. URL: www.bfm.ru/news/338295 (дата обращения: 15.02.2017) ; Эксперт объяснил причину победы Трампа на выборах президента США : «Избиратель, простой народ, любит таких обиженных». URL: <http://www.mk.ru/politics/2016/11/09/ekspert-obyasnil-prichinu-pobedy-trampa-na-vyborakh-prezidenta-ssha.html> (дата обращения: 15.02.2017).
- 3 См.: *Макдональд Л.* Реальные причины победы Трампа. URL: <http://planet-today.ru/geopolitika/item/60166-realnye-prichiny-pobedy-trampa> (дата обращения: 15.02.2017).
- 4 *Льюкко Л.* Шесть причин для победы Трампа. URL: <http://stockinfocus.ru/2016/11/02/shest-prichin-dlya-pobedy-trampa> (дата обращения: 15.02.2017).
- 5 Майкл Мур : 5 причин, почему Дональд Трамп победит на выборах. URL: <http://www.forumdaily.com/5-prichin-pobedy-trampa-michael-mur/> (дата обращения: 15.02.2017).
- 6 Там же.
- 7 Пол Крейг Робертс : Истинная причина победы Трампа. URL: <http://katehon.com/ru/article/istinnaya-prichina-pobedy-trampa> (дата обращения: 15.02.2017).
- 8 Почему Дональд Трамп победил и стал президентом США? Причины победы Трампа? // Большой вопрос.Ru. URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/2257902-pochemu-donald-tramp-pobedil-i-stal-prezidentom-ssha-prichiny-pobedy-trampa.html> (дата обращения: 15.02.2017).
- 9 См.: Доверие российским СМИ. Объективны ли СМИ в освещении событий? И стоит ли им быть более критичными к властям? URL: <http://fom.ru/posts/12140/> (дата обращения: 17.02.2017) ; СМИ в России : потребление и доверие. Пресс-выпуск № 2829. URL: <http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=115248> (дата обращения: 17.02.2017) ; Влияние СМИ на голосование. URL: <http://www.levada.ru/tag/vybory/page/2/> (дата обращения: 17.02.2017).
- 10 См.: *Новгородцева А. Н.* Социальные сети как канал социально-политической коммуникации. URL: http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/32350/1/klo_2015_201.pdf (дата обращения: 12.02.2017).

- ¹¹ См.: *Винокурова Е.* Вяло, неинтересно, местами весьма драматично. Ожидания и реальность парламентской кампании 2016 года. 14 Сентября 2016. URL: https://www.znak.com/2016-09-14/ozhidaniya_i_realnost_parlamentskoy_kampanii_2016_goda (дата обращения: 12.02.2017).
- ¹² *Чернышов А. Г.* Революция и государства в XXI веке : борьба за нравственный императив в политике и общественной жизни // *Власть.* 2017. № 2. С. 7.
- ¹³ См.: Отношение населения страны к средствам массовой информации и их содержанию. Дополнительная справка к результатам исследования, 20.11.2010. URL: <http://www.zircon.ru/upload/iblock/732/101120.pdf> (дата обращения: 12.02.2017).
- ¹⁴ См.: *Дзялошинский И. М.* Информационная открытость власти как основа публичной политики // Электронная библиотека «Гражданское общество». URL: https://www.civisbook.ru/files/File/Dzyalosh_inf_otkr.pdf (дата обращения: 12.02.2017).
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ *Басина Е.* Некоторые аспекты отношения российских граждан к СМИ. URL: http://www.dzyalosh.ru/01-comm/books/vologda/1_basina.html (дата обращения: 12.02.2017).

Образец для цитирования:

Камалетдинова А. И. Участие СМИ в формировании «форумных» свойств мотивации электорального выбора в либерально-демократической политике // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология.* 2017. Т. 17, вып. 2. С. 225–230. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-225-230.

Cite this article as:

Kamaletdinova A. I. Participation of Media in Formation of “Forum” Properties of Motivation of the Electoral Choice in Liberal and Democratic Policy. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology,* 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 225–230 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-225-230.

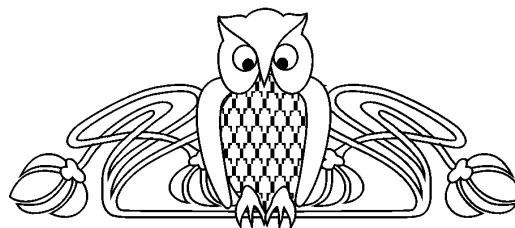

УДК 323.212

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРАУДСОРСИНГ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

П. П. Фантров

Волгоградский государственный университет
E-mail: pavelfantrov@rambler.ru

В статье дана оценка политическому краудсорсингу как технологии гражданского участия по предупреждению угроз безопасности государства, проанализированы сетевые проекты, способствующие решению проблем защиты национальных интересов, выявлена роль краудсорсинговых проектов в системе обеспечения национальной безопасности России.

Ключевые слова: политический краудсорсинг, национальная безопасность, гражданское общество, государственная власть.

Political Crowdsourcing in the System of Ensuring National Security of Russia

P. P. Fantrov

In the article an assessment of political crowdsourcing as technology of civil participation for the prevention and suppression of threats to security of the state is given, the network projects promoting the solution of problems of protection of national interests are analysed, the role of crowdsourcing projects in modernization of system of national security of Russia is revealed.

Key words: political crowdsourcing, national security, civil society, authorities.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-231-235

Краудсорсинговые проекты способны оказывать существенное воздействие на развитие системы обеспечения национальной безопасности и ее модернизацию. О необходимости их использования в целях развития демократических институтов российского общества было сказано Президентом РФ В. В. Путиным: «...механизм коллективного отбора оптимальных решений, или, как называют его эксперты, краудсорсинг, — должен стать нормой на всех уровнях власти... Интернет-демократия должна быть встроена в общий поток развития институтов прямой референдумной демократии»¹. По мнению главы государства, нужно вводить в политическую практику использование краудсорсинга, являющегося современной технологией общественной экспертизы.

Одно из актуальных направлений использования политического краудсорсинга — инициирование и внедрение инноваций, способных модернизировать систему обеспечения национальной безопасности. Эффективная его реализация способствует созданию общественными активистами проектов, направленных на решение проблем

защиты национальных интересов. Авторы Стратегии национальной безопасности Российской Федерации относят к их числу: оборону страны, государственную и общественную безопасность, повышение качества жизни российских граждан, развитие науки и образования, здравоохранение и рациональное природопользование. Здесь возникает ряд вопросов. Как при защите национальных интересов может помочь краудсорсинг? Следует ли передавать некоторые функции системы обеспечения национальной безопасности неопределенному кругу субъектов — представителям гражданского общества? Допустима ли «социализация» системы обеспечения национальной безопасности, когда становится возможным широкое гражданское участие в ней? Многие отечественные исследователи считают, что использование краудсорсинга позволит органам власти совместно с заинтересованными гражданами вполне успешно обеспечивать социально-политическую стабильность государства и его устойчивое развитие². Ведь взаимная отдаленность власти и гражданского общества — одна из главных причин зыбкости политической системы и, как следствие, представляет серьезную угрозу безопасности государства³. На это указывают, например, исследователи проблем взаимодействия власти, бизнес-элит и гражданского общества⁴.

Взаимодействие органов власти и институтов гражданского общества по вопросам патриотического воспитания можно считать одной из важнейших составляющих укрепления российской государственности и обеспечения национальной безопасности России. Российская власть стремится всемерно поддерживать проекты, в том числе и краудсорсинговые, патриотически настроенных некоммерческих общественных организаций. В этой связи В. В. Путин заявил: «Конечно, мы будем поддерживать патриотизм — у нас нет другого объединяющего начала»⁵.

В настоящее время основными операторами грантов для общественных организаций в России являются Федеральное агентство по делам молодежи, Центр новой молодежной политики и Фонд подготовки кадрового резерва «Государственный клуб». Приоритетным направлением поддержки социально-политических инициатив граждан является их вовлечение в общественно-патриотическую деятельность⁶. Среди крупных всероссийских краудсорсинговых проектов по

патриотическому воспитанию можно выделить следующие: «Мы – граждане России», «Страницы России» и «Живая история». Эти проекты созданы в контексте целей и задач государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы». Целевой аудиторией «Живой истории» являются различные возрастные категории – от дошкольников до ветеранов. Этот проект получил немалое количество наград в 2015–2016 гг., став победителем конкурса «Живая история: от поколения к поколению», лауреатом XII творческого конкурса «Камертон» в номинации «Кино-видеофильмы» за фильм «1945. Спасибо за Победу!», победителем конкурса «Конвейер молодежных проектов» в рамках Форума молодежи Уральского федерального округа «УТРО-2016».

Патриотические ценности не позволяют экстремистским светским и религиозным идеологическим течениям проникать в общественную среду. В. В. Путиным на заседании Совета по развитию гражданского общества и правам человека, прошедшем 8 декабря 2016 г., было отмечено, что необходимо бороться с экстремизмом в социальных сетях. Президент обратил внимание на то, что социальные сети «все чаще и чаще используются именно для экстремистской деятельности и в качестве механизма для вербовки людей, и в этой связи государство должно противостоять этому явлению»⁷. Общественные ассоциации могут оказывать существенную поддержку государству, реализуя краудсорсинговые проекты по профилактике экстремизма и терроризма⁸. Их задачами являются: проведение мониторинга межнациональных и межконфессиональных отношений, протестной активности населения; реализация профилактических мер по противодействию экстремизму и терроризму; проведение научных исследований и различных экспертиз, подготовка аналитических и справочных материалов по борьбе с преступлениями экстремистской и террористической направленности. Можно выделить ряд крупных общественных ассоциаций, реализующих проекты по противодействию экстремизму и терроризму: Российский конгресс народов Кавказа, Центр этнорелигиозных исследований, Общественная организация ветеранов органов внутренних дел и внутренних войск России, Региональная общественная организация содействия развитию регионов Севера «Великий Север», Уральская ассоциация беженцев и т. д.

Успешным примером борьбы с экстремизмом и терроризмом является реализация краудсорсингового проекта «МедиаГвардия». Его цель заключается в консолидации усилий интернет-пользователей для совместного выявления интернет-сайтов и сообществ в социальных сетях, которые специализируются на распространении противоправного контента, включая экстремистскую направленность. Данный проект был запу-

щен 13 марта 2013 г. в рамках форума молодежи Северо-Кавказского федерального округа «Противодействие экстремизму и терроризму в сети Интернет». В ходе презентации краудсорсингового проекта лидеры молодежных ассоциаций, руководители крупнейших сетевых порталов совместно с представителями Роскомнадзора и координаторами онлайн-акции в субъектах РФ, которые подключились к мероприятию посредством интерактивной связи, обсудили необходимые условия для успешной борьбы с экстремизмом и терроризмом в Сети⁹.

В 2014 г. проект «МедиаГвардия» выиграл престижную награду за заслуги в области российского сегмента сети Интернет в специальной номинации «Интернет без экстремизма». На начало 2015 г. рабочими группами ВОО «Молодая гвардия Единой России» было выявлено около 19 тыс. сайтов, из которых 2,5 тыс. были закрыты, поскольку в результате проверки в сетевых сообществах обнаружена информация, содержащая пропаганду экстремистской и террористической деятельности, а также нарушающая Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»¹⁰. В 2016 г. активистами проекта было выявлено и заблокировано более 20 тыс. ссылок по ключевым направлениям противоправного контента, включая экстремистский¹¹. Следует отметить, что всего российскими спецслужбами в 2016 г. было обнаружено около 26 тыс. экстремистских и террористических интернет-ресурсов. Так, в одном из сообществ, ячейки которого ликвидировали МВД и ФСБ, состояло более 100 тыс. последователей, которые, помимо прочего, собирали деньги для «Исламского государства». Председателем НАК А. В. Бортниковым отмечено, что количество выявленных экстремистских и террористических сайтов с 2015 г. возросло более чем вдвое¹². Однако реализация краудсорсингового проекта существенно облегчает работу спецслужбам по борьбе с этим приоритетным направлением национальной безопасности. Кроме того, активисты «Молодой гвардии Единой России», помимо борьбы с пропагандой экстремизма и терроризма в сети Интернет, также ведут и профилактическую работу. Например, ими было разработано методическое пособие «Как не попасть в лапы вербовщиков ИГИЛ», которое будет распространяться как в Интернете, так и в вузах страны.

В 2011 г. Лига безопасного интернета создала «Кибердружину», которая объединяет более 20 тыс. добровольцев по всей России и странам СНГ. Благодаря мониторингу Интернета, проводимому кибердружинниками, были выявлены и заблокированы сотни сайтов с пропагандой наркотиков, призывами к суициду и другими видами опасного контента¹³. Данное межрегиональное молодежное общественное движение имеет свое представительство в 37 субъектах РФ. Площад-

кой для «живого» общения участников служит ежегодный Всероссийский слет активистов движения «Кибердружина».

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в качестве приоритетной заявлена задача повышения качества жизни российских граждан. Среди значимых краудсорсинговых проектов в данном контексте следует выделить такие, как «Демократор» (сбор информации о проблемах в различных сферах, их рейтингование по наиболее острым, подача жалоб); «Дом-Двор/Дороги» (сайт по наведению порядка в сфере ЖКХ); «Куда кому» (online публичных обращений и сервис жалоб пользователей); «Рос-Яма» (о качестве отечественных дорог); «Твоя территория» (сбор информации о городских проблемах). Так, «Демократор» является одним из успешных отечественных краудсорсинговых проектов, представляющим собой структурированную и универсальную площадку общественного и открытого взаимодействия граждан, органов государственной и муниципальной власти, общественных организаций, политических партий и движений. Конструктивный потенциал проекта заключается, прежде всего, в эффективной реализации ряда задач: защита прав и свобод граждан; создание универсальной площадки в целях открытого общественного обсуждения проблем общественной безопасности; участие граждан и ассоциаций в процессе принятия решений органами власти; общественный мониторинг деятельности политических акторов. На начало 2017 г. краудсорсинговой платформой воспользовались 1 189 146 человек. При этом за почти 7 лет функционирования проекта по 845 петициям совместными усилиями подписавшихся удалось добиться успеха. Однако они составляют лишь 6% от общего числа зарегистрированных на сайте инициатив¹⁴. Наиболее активными регионами РФ по количеству созданных петиций являются Москва, Московская область и Санкт-Петербург. Их доля в данных регионах превышает 10%.

Сервисы для обсуждений представляют собой интернет-площадки, которые позволяют аккумулировать идеи для решения тех или иных вопросов обеспечения национальной безопасности. К наиболее значимым можно отнести следующие краудсорсинговые проекты: «Обсуждение НПА» (предлагает интерактивное участие независимых экспертов и граждан в обсуждении общественно значимых законопроектов); «Правовое государство» (общественное обсуждение законопроектов); Общероссийский портал GosDiscuss (предназначен для создания «виртуальных» экспертных групп и обычных пользователей для обсуждения проектов решений политических акторов и выступления с социально значимыми инициативами. Экспертные заключения направляются в Государственную думу РФ, Правительство РФ, политические партии и

общественные организации); «Я – избиратель, Я – депутат» (участие граждан в обсуждении законопроектов).

Сетевые проекты, направленные на сбор материальных средств для решения социально значимых проблем, получили название – «краудфандинг» (коллективное финансирование). М. А. Гончарова и Н. Е. Поповничева дают следующую характеристику краудфандингу: «...это инновационный финансовый инструмент технологии краудсорсинга в вопросах практической реализации стратегии устойчивого социально-экономического развития России»¹⁵. Краудфандинг существенно упрощает процедуру и механизм финансирования социально значимых проектов (целевой характер финансирования и большая фактическая «адресность»), а также способствует преодолению недостатка или ограниченности бюджетных средств на их финансирование. К крупным отечественным краудфандинговым площадкам следует отнести: «Виртуальная Рында» (сайт, позволяющий каждому гражданину сообщить о проблеме или желании оказать помощь); «Дедморозим» (сбор средств детям-сиротам); «С миру по нитке» (поиск финансовых средств для творческих или социальных проектов).

Краудсорсинговый проект «ГосБук» начал функционировать для российских государственных служащих и экспертов по инициативе Администрации Президента РФ в рамках реализации государственной программы «Информационное общество (2011–2020 годы)» и представляет собой экспертную сеть, нацеленную на разрешение проблем в сфере государственного управления. Данный проект направлен на модернизацию системы государственного и муниципального управления. Эксперты обсуждают актуальные проблемы информационной безопасности и защиты данных, развитие информационного общества, информационных технологий и регулирования сети Интернет, развитие цифровых секторов экономики. Результатом сетевого взаимодействия органов власти и граждан в области развития науки, технологий и образования посредством применения технологии краудсорсинга могут быть различные виды интеллектуального продукта: решение определенной проблемы, инновационная идея, технология или ее модификация, продукция, услуги и др. К недостатку проекта «ГосБук» следует отнести значительное снижение публикуемых инициатив.

Сфера здравоохранения является одним из приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности России. Реализация проекта «Волонтеры Склифа» позволяет решать многие острые проблемы здравоохранения. Задачами проекта являются оказание методической, консультативной и информационной поддержки волонтерскому движению, вовлечение молодежи в решение социально-значимых вопросов

через волонтерскую деятельность, поддержка молодых специалистов, обмен опытом и тиражирование лучших практик, популяризация здорового образа жизни и донорства, а также формирование качеств милосердия будущего врача. В 2013 г. проект «Волонтеры Склифа» был преобразован во Всероссийское общественное движение «Волонтеры-медики». Примечательно, что немногим ранее Президент России В. В. Путин выступил с посланием к Федеральному собранию РФ, в котором говорилось следующее: «Нам нужно возрождать традиции милосердия. Предлагаю организовать в России широкое движение добровольцев, готовых работать в системе здравоохранения, оказывать посильную помощь»¹⁶. За 2013–2016 гг. волонтеры оказывали помощь в российских больницах более 500 тыс. часов. В составе общественной ассоциации граждан на данный момент числится более 5400 волонтеров¹⁷.

Как известно, коррупция является одной из серьезных угроз национальной безопасности. На базе общественно-политического движения «Общероссийский народный фронт», лидером которого является Президент РФ В. В. Путин, реализуется краудсорсинговый проект «За честные закупки», представляющий собой открытую интернет-площадку для борьбы с коррупцией, неэффективным и расточительным использованием бюджетных средств в сфере государственных закупок. Результатом его работы стала отмена и устранение нарушений в государственных закупках на 231 млрд руб.¹⁸. Успешная работа данного проекта показывает, что часть функций по мониторингу исполнения государственных заказов органы власти вполне могут отдать в ведение общественных организаций. Граждане, пользуясь доступными краудсорсинговыми платформами, при помощи профессиональных юристов Общероссийского народного фронта могут вполне эффективно бороться с коррупцией. Как отмечает отечественные исследователи, «в рамках аппарата государственной власти решение соответствующих задач в таком объеме потребовало бы привлечения больших средств, совместной работы сотрудников нескольких силовых структур. Краудсорсинг же позволяет этого избежать»¹⁹.

Своеобразной альтернативой проекту «За честные закупки» является интернет-ресурс А. А. Навального «РосПил», созданный им в декабре 2010 г. Краудсорсинговый проект «РосПил» ставит перед собой задачу контроля за расходованием бюджетных средств в области государственных и муниципальных закупок. Данный проект получил значительную поддержку граждан. Так, в его сообществе социальной сети «ВКонтакте» состоят более 245 тыс. пользователей. Хотя «РосПил» – формально гражданский проект, он продемонстрировал то, что благодаря реализации технологии краудсорсинга можно

приобрести существенное количество сторонников. Реализация проекта А. А. Навального, помимо политического интереса, не лишена и коммерческого, поскольку многие публикации о махинациях появлялись в разгар информационных кампаний против того или иного «фигуранта» и носят выборочный характер. Кроме того, политологи уже не раз публично ставили под сомнение возможность существования проекта «РосПил» исключительно благодаря жертвованиям обычных граждан²⁰.

Приоритетным направлением политики обеспечения национальной безопасности России является экология живых систем и рациональное природопользование²¹. Гражданские инициативы в этой области служат задачам национальной безопасности. В Указе Президента РФ прямо сказано, что «...в целях противодействия угрозам в области экологической безопасности и рационального природопользования органы государственной власти и органы местного самоуправления во взаимодействии с институтами гражданского общества принимают меры, направленные на повышение технического потенциала и оснащенности сил, участвующих в мероприятиях по предотвращению и ликвидации негативных экологических последствий техногенных катастроф и иных чрезвычайных ситуаций»²². Так, ядром «гражданского сопротивления» пожарам лета 2010 г. стала деятельность сетевых сообществ, которые инициировали и мобилизовали граждан на борьбу с лесными пожарами, в результате чего появились «противопожарные сетевые сообщества». Краудсорсинговый проект «Карта помощи» в 2010 г. получил премию за вклад в развитие отечественного сегмента сети Интернет по направлению «Государство и общество»²³.

Таким образом, реализация технологии политического краудсорсинга способствует повышению уровня национальной безопасности. В России создано множество краудсорсинговых проектов, нацеленных на решение приоритетных задач, заявленных в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Более широкое их внедрение способно положить начало долгосрочному тренду «социализации» системы обеспечения национальной безопасности, когда становится возможным широкое гражданское участие в ней.

Примечания

- 1 Владимир Путин : «Демократия и качество государства». URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1866753> (дата обращения: 16.01.2017).
- 2 См.: Дзагиев М. Ю. Использование краудсорсинга в информационных технологиях при принятии политических решений // Власть. 2013. № 2. С. 48.
- 3 См.: Шестов Н. И., Барашков Г. М. Гражданское обще-

- ство и его аналоговые формы // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2011. Т. 11, № 2. С. 76.
- 4 См.: Концептуальная модель взаимодействия власти, гражданского общества и бизнеса в условиях российского региона / под ред. Г. Н. Комковой. Саратов, 2011 ; Опыт взаимодействия власти, гражданского общества и бизнеса в российских регионах / под ред. Г. Н. Комковой. Саратов, 2010.
  - 5 Путин : Государство будет поддерживать патриотизм как объединяющий фактор. URL: <http://onf.ru/2016/12/23/putin-gosudarstvo-budet-podderzhiivat-patriotizm-kak-obedinyayushchiy-faktor/> (дата обращения: 16.01.2017).
  - 6 См.: Вилков А. А., Колесников К. Ю. Особенности предметного пространства политологического анализа патриотизма // Вестн. МГОУ (Электронный журнал). 2015. № 1. С. 1–10. Doi :10.18384/2224-0209-2015-1–629.
  - 7 Владимир Путин призвал бороться с экстремизмом в соцсетях. URL: <http://bashkortostan.mger2020.ru/nexday/2016/12/09/89799> (дата обращения: 16.01.2017).
  - 8 См.: Панкратов С. А., Морозов С. И. Государство и гражданское общество в поисках инновационных ресурсов преодоления ксенофобии, национализма и экстремизма в современной России // Вестн. ВолГУ. Сер. 4 : История. Регионоведение. Международные отношения. 2013. № 1 (23). С. 149–150.
  - 9 См.: МГЕР запустила проект по борьбе с экстремизмом в Интернете. URL: http://monavista.ru/blog/mger_zapustila_proekt_po_borbe_s_ekstremizmom_v_internete/ (дата обращения: 16.01.2017).
  - 10 См.: «Молодая гвардия ЕР» просит заблокировать «Правый сектор» в соцсетях. URL: <https://ria.ru/society/20150213/1047587944.html> (дата обращения: 16.01.2017).
  - 11 См.: «Молодая гвардия» за год добила блокировки 20 тыс. сайтов с незаконным контентом. URL: <http://vz.ru/news/2016/12/15/849613.html> (дата обращения: 16.01.2017).
  - 12 См.: НАК отчитался о выявлении 26 тысяч экстремистских и террористических сайтов. URL: <https://meduza.io/news/2016/12/13/nak-otchitalsya-o-vyyavlenii-26-tysyach-ekstremistskih-i-terroristicheskikh-saytov> (дата обращения: 16.01.2017).
  - 13 См.: Кибердружина. URL: <http://ligainternet.ru/liga/activity-cyber.php> (дата обращения: 16.01.2017).
  - 14 См.: Демократор : [сайт]. URL: <https://democrator.ru/about/> (дата обращения: 16.01.2017).
  - 15 Гончарова М. А., Поповничева Н. Е. Краудфандинг как инновационный финансовый инструмент реализации стратегии устойчивого социально-экономического развития региона // Национальные интересы : приоритеты и безопасность. 2014. № 47 (284). С. 24.
  - 16 Путин выступил с юбилейным «интернациональным» Посланием в день 20-летия Конституции, которую призвал «скорректировать». URL: <http://mobile.newsru.com/russia/12dec2013/poslanie2013.html#7> (дата обращения: 16.01.2017).
  - 17 См.: Всероссийское общественное движение «Волонтеры-медики». URL: <http://vritmema.ru/vserossijskoe-obshhestvennoe-dvizhenie-volontery-mediki/> (дата обращения: 16.01.2017).
  - 18 См.: За честные закупки. URL: http://onf.ru/project_results/27946 (дата обращения: 16.01.2017).
  - 19 Масланов Е. В., Масланов Д. В., Подсеваткин И. С. Краудсорсинговые проекты : пространство взаимодействия общества и власти // Власть. 2016. № 4. С. 31–32.
  - 20 См.: Доходы фонда Навального выросли на 40% после громких расследований. URL: <http://www.rbc.ru/politics/19/04/2016/5714dbc09a79474c506824f9> (дата обращения: 16.01.2017).
  - 21 См.: Гуляхин В. Н., Фантров П. П. Концептуальное измерение проблем совместной деятельности институтов государства и гражданского общества по обеспечению национальной безопасности РФ // Вестн. ВолГУ. Сер. 4 : История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. Т. 21, № 3. С. 127.
  - 22 О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 16.01.2017).
  - 23 См.: Премия Рунета. URL: <http://www.premiaruneta.ru/laureates/2010/> (дата обращения: 16.01.2017).

Образец для цитирования:

Фантров П. П. Политический краудсорсинг в системе обеспечения национальной безопасности России // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 231–235. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-231-235.

Cite this article as:

Fantrov P. P. Political Crowdsourcing in the System of Ensuring National Security of Russia. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 231–235 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-231-235.

УДК 323.173

РОСТ КАТАЛОНСКОГО СЕПАРАТИЗМА В УСЛОВИЯХ НЕДОВОЛЬСТВА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АВТОНОМИЕЙ РЕГИОНА

А. Р. Зарипова

Казанский (Приволжский) федеральный университет
E-mail: zaripovaigul92@mail.ru

Статья посвящена причинам роста сепаратистских настроений в Каталонии в начале XXI в. В начале нового столетия европейский сепаратизм обрел новое звучание, став серьезным вызовом для большинства многонациональных европейских государств. Процесс регионализации, ускорившийся в испанских национальных автономиях в начале нового тысячелетия, совпал с экономическими трудностями, вызванными финансовым кризисом 2008 г. Внимание автора направлено на выявление того, как недовольство населения автономной области сложившейся моделью межбюджетных отношений в Испании влияет на активизацию сепаратизма в регионе.

Ключевые слова: сепаратизм, межбюджетные отношения, автономная область Каталония, бюджетное выравнивание.

Growth of Catalan Separatism in the Context of Dissatisfaction with Regional Economic Autonomy

A. R. Zaripova

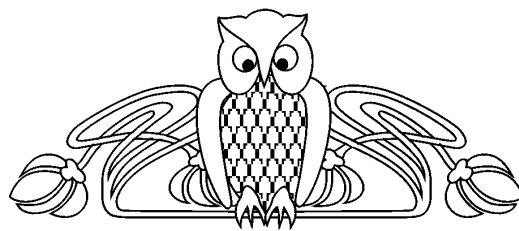
The article is devoted to reasons accentuating separatist sentiment in Catalonia at the beginning of the XXI century. At the beginning of the new century European separatism has a new meaning and became a major challenge for most of the multinational European states. The process of regionalization in Spanish national autonomies coincided with the economic difficulties caused by the financial crisis of 2008. The purpose of this study is to critically examine impact of Catalan's position about fiscal relations between the central and regional authorities on pro-independence sentiment in Catalonia in recent years.

Key words: separatism, inter-budgetary relations, an autonomous region of Catalonia, fiscal equalization.

DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-236-240

В современных условиях глобализации и регионализации национальные государства испытывают нарастающие риски регионального сепаратизма. Сепаратизм становится одной из основных проблем большинства полиэтнических европейских государств. Встает вопрос, в чем кроется истинная причина возрождения сепаратизма в европейских государствах? В отечественной науке данные проблемы рассматриваются, прежде всего, в рамках решения стратегической задачи гармонизации межэтнических отношений в российских регионах¹.

Среди причин стремления европейских регионов к независимости чаще всего называют их культурную и историческую самобытность, но этого, вероятно, недостаточно для того, что-

бы объяснить сепаратистские процессы в ряде европейских государств. Заявления представителей этнорегиональных партий о дискриминационной политике центральных властей также звучат неубедительно. Невозможно отрицать, что регионы, в которых сейчас разворачиваются движения к самоопределению, являются частью плюралистических демократий, которые гарантируют личные и коллективные права и свободы и отличаются высоким уровнем развития представительства интересов национальных меньшинств, а защита их культурных и языковых прав занимает особое положение в политике национальных правительств². Несмотря на существующие политические и экономические риски независимости, ряд европейских регионов выбирает именно путь самоопределения.

Следовательно, можно заявить, что в основе движений к самоопределению, всколыхнувших часть европейских регионов, лежат не только культурно-исторические предпосылки, но и экономические мотивы. По мнению экспертов, на современном этапе развития многие регионы Европы, желающие расширить свою автономию или обрести полную независимость, не только обладают культурными особенностями, но и являются одними из самых богатых регионов и превосходят большинство соседних территорий по средним показателям дохода на душу населения³. Эти регионы чаще всего выступают в роли доноров в системе бюджетного выравнивания. Именно этот факт становится одним из аргументов региональных элит, стремящихся обрести финансовую независимость от центральных властей и оставлять большую часть собранных налогов в региональном бюджете.

«В проектах отделения экономически преуспевающих Шотландии, Каталонии, севера Италии нередко видят способ добиться от центральных властей бюджетных и фискальных льгот или других дивидендов. Многие заметили, что кампания за проведение референдума о статусе Каталонии стала стремительно раскручиваться после того, как Мадрид отказался предоставить Каталонии налогово-финансовую автономию»⁴.

С позиции политической науки проблема сепаратизма исследована недостаточно, дискуссионным остается аспект влияния межбюджетных отношений центральной и региональной властей на активизацию сепаратистских настроений в регионах Европы.

Кейс Каталонии был выбран неслучайно, процесс регионализации, ускорившийся в испанских национальных автономиях в начале нового тысячелетия, совпал с экономическими трудностями, вызванными финансовым кризисом 2008 г. Существующая система бюджетного выравнивания привела к резкому ухудшению финансового положения регионов-доноров, в частности Каталонии, которая является одной из наиболее экономически благополучных испанских автономий. Социально-экономические противоречия, существовавшие в автономной области Каталония, сыграли решающую роль в активизации сепаратизма.

Хотя региональный сепаратизм по своему определению является политическим процессом, любопытно раскрыть его экономические основания. В связи с этим становится актуальным выявление связи между оценкой населением Каталонии испанской системы бюджетного выравнивания и ростом сепаратистских настроений в регионе.

Конституция Испании 1978 г. закрепила за автономными областями право самостоятельно определять расходные статьи регионального бюджета, при этом передав полномочия по распоряжению доходами центральным властям. Такое распределение полномочий привело в итоге к вертикальному бюджетному дисбалансу, т. е. несоответствию между объемом финансовых ресурсов региональных властей и объемом задач и обязанностей, которые накладываются в процессе перераспределения полномочий. Для покрытия возникающего бюджетного дефицита отстающие регионы остро нуждаются в финансовой помощи со стороны центра.

Существующий порядок перераспределения региональных доходов распространяется на все автономные области Испании за исключением Страны Басков и Наварры, которые, благодаря своим традиционно сложившимся формальным правам, пользуются особыми преференциями и имеют возможность определять процент налогов, направляемых в центр.

В частности, формальная система финансирования, сложившаяся в Наварре и Стране Басков, позволяет правительствам регионов устанавливать различные виды региональных и местных налогов, а также собирать и перечислять в бюджет Испании определенную часть (около половины) общеиспанских налогов. При этом уровень самостоятельности Страны Басков в области налогообложения – самый высокий среди испанских автономий⁵.

Утвержденный в 2006 г. новый Статут Каталонии существенно расширил бюджетные права региона, изменив порядок распределения собираемых на его территории налогов. Половина собранных в Каталонии налогов на доходы физических лиц (вместо прежних 33%), налога на добавленную стоимость (вместо 35%), а также

58% специальных налогов (вместо 40%) стали зачисляться в бюджет региона⁶. Но проведенное реформирование бюджетных полномочий автономии не позволило Каталонии обрести такие же широкие права и преференции, которыми обладают Страна Басков и Наварра.

Средства для осуществления бюджетного выравнивания в Испании формируются из подоходного налога, НДС. Оба этих налога влияют на уровень ВВП региона, следовательно, чем богаче регион, тем больше средств он отдает центру. Кроме того, в общеиспанский бюджет идут 58% средств от акцизов с продажи алкоголя, табака и топлива, 100% налога на электроэнергию, налоги на наследство и благотворительность⁷. Само перераспределение происходит через специальные национальные фонды: Фонд общественной гарантии, Глобальный фонд достатка, Фонд конкурентоспособности, Фонд объединения⁸.

Такая сложная и непрозрачная система, с одной стороны, достигает своей цели, сокращая разницу в уровне доходов регионов, с другой – приводит к ситуации, в которой регионы, имевшие наибольшие показатели ВВП, после перераспределения средств оказываются в нижних строках рейтинга регионов по ВВП (табл. 1)⁹.

Эта система, созданная для обеспечения равными условиями жизни жителей всех регионов Испании, стала камнем преткновения в отношениях между центром и региональными властями Каталонии. В 2011 г. Каталония, находившаяся в тройке автономий-лидеров по уровню ВВП на душу населения, по итогам применения механизмов перераспределения региональных средств оказалась позади регионов-аутсайдеров – Эстремадуры и Кастилии-Ла-Манчи, – заняв 10-е место в рейтинге. За период с 2008 г. по 2014 г. долг Каталонии вырос с 6,8% до 28,0% ВВП¹⁰.

Сложившаяся в регионе экономическая ситуация и обострившиеся финансовые проблемы вызвали негативную реакцию среди населения. При анализе социологических опросов, проведенных центром исследования общественного мнения¹¹, было выявлено, что экономическая политика испанских властей воспринимается каталонской общественностью как факт дискриминации автономной области. За период с 2007 г. число каталонцев, негативно оценивающих экономическую ситуацию в автономии, выросло в три раза. Более 45% опрошенных каталонцев называли «несправедливую» налоговую политику Испании главной причиной ухудшения экономической ситуации в регионе.

Стоит отметить, что недовольство экономической ситуацией сопровождается усилением сепаратистских настроений. Каталонский сепаратизм, активизировавшийся в последние десятилетия, имеет глубокие корни. На протяжении своего существования в составе Испании вопрос о независимости для Каталонии оставался всегда актуальным, но в связи с нехваткой по-

Таблица 1

Результат применения модели выравнивания, 2011 г.

До выравнивания		% ¹²	После выравнивания		% ¹³
1	Мадрид	134,2	1	Кантабрия	124,4
2	Балеарские острова	127,7	2	Риоха	120,7
3	Каталония	119,1	3	Арагон	116,3
4	Арагон	114,6	4	Кастилия и Леон	116,3
5	Кантабрия	114,4	5	Эстремадура	114,5
6	Астурия	106,6	6	Астурия	112,6
7	Риоха	103,2	7	Галисия	110,9
8	Кастилия и Леон	101,5	8	Кастилия-Ла-Манча	103,4
9	Страна Басков	93,7	9	Балеарские острова	100,8
10	Галисия	91,2	10	Каталония	99,4
11	Кастилия-Ла-Манча	85,4	11	Мадрид	95,4
12	Мурсия	83,5	12	Андалусия	93,9
13	Андалусия	79,9	13	Страна Басков	93,1
14	Эстремадура	76,2	14	Мурсия	93,1
15	Канарские острова	42,2	15	Канарские острова	88,3

литических ресурсов чаще всего заменялся требованием расширения прав региона в составе Испанского государства. Региональные власти, несмотря на свое желание расширить политические полномочия, ориентировались на мирное сосуществование с центральными властями, стремились к нахождению компромисса. В этот период уровень поддержки сепаратизма среди населения Каталонии не превышал 15%.

Начало XXI в. можно охарактеризовать как поворотный момент в развитии каталонского движения за независимость. С 2010 г. наблюдается постоянный рост сепаратистских настроений в автономной области, около 70% населения поддержали желание региональных властей расширить свои полномочия, считая достигнутый уровень автономии недостаточным. Из них 83% поддерживают курс региональных властей, направленный на достижение независимости автономной области. За представленный период поддержка населением сепаратизма выросла с 23 до 50%.

Анализ собранных данных позволил выдвинуть гипотезу, отражающую взаимосвязь между недовольством населения Каталонии уровнем автономии региона в области межбюджетных отношений с центром и ростом сепаратистских настроений каталонцев.

В качестве основных переменных были выбраны показатели (табл. 2)¹⁴:

- восприятие экономической ситуации в регионе;
- отношение к налогово-бюджетной политике Испании;
- региональный долг Каталонии перед центром;

- уровень поддержки сепаратизма;
- недовольство уровнем автономии Каталонии.

Статистические данные опросов наглядно отражают ценностную коннотацию и оценку населением бюджетной политики Испании в отношении Каталонии.

Для подтверждения выдвинутой гипотезы целесообразно использовать корреляционный анализ, позволяющий измерить статистическую взаимозависимость между двумя или более переменными.

В ходе исследования был применен коэффициент Пирсона, где x_1 – значение одного признака, y_1 – значение второго признака, $\bar{x}$ – среднее арифметическое первого признака, $\bar{y}$ – среднее арифметическое второго признака.

$$r = \frac{\sum_i (x_i - \bar{x}) (y_i - \bar{y})}{\sqrt{\sum_i (x_i - \bar{x})^2} \sqrt{\sum_i (y_i - \bar{y})^2}}$$

Применив формулу, можно получить следующие значения: < 0,2 – очень слабая корреляция; < 0,5 – слабая корреляция; < 0,7 – средняя корреляция; < 0,9 – высокая корреляция; $\geq 0,9$ – очень высокая корреляция¹⁵.

Корреляционный анализ, примененный к выбранным переменным, показал высокий уровень корреляции между переменными «рост регионального долга Каталонии» и «недовольство уровнем автономии» (табл. 3). Это является доказательством того, что ослабление экономики региона, рост регионального долга автономной области в первую очередь, ведут к усилению недовольства существующим уровнем автономии региона. Население Каталонии негативно оценивает межбюджетные отношения Испании и

Таблица 2

Основные переменные, %, на основе опросов Центра исследования общественного мнения

Переменные	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Уровень поддержки сепаратизма	20,0	23,0	25,0	30,0	32,0	48,0	45,0	37,6
Отрицательное восприятие экономической ситуации в Каталонии	55,9	63,0	67,0	79,0	86,0	87,0	78,7	76,5
Долг региона	6,8	17,4	17,8	21,7	25,0	27,0	28,0	–
Недовольство уровнем автономии	61,0	62,0	65,0	66,0	66,7	70,0	69,7	64,0
Негативное отношение к налогово-бюджетной политике Испании	20,0	30,3	33,0	40,0	43,0	46,0	40,0	35,0

Таблица 3

Корреляционные связи между оценкой каталонцами межбюджетных отношений Испании и Каталонии и ростом сепаратистских настроений в автономной области

Переменные	Высокий уровень поддержки сепаратизма	Высокая степень недовольства уровнем автономии Каталонии
Негативное восприятие экономической ситуации в регионе	0,643330344	0,71629
Недовольство налогово-бюджетной политикой Испании	0,692598	0,781924184
Крупный региональный долг Каталонии перед центром	0,737589656	0,84692067

Каталонии и видит выход из сложившейся проблемной экономической ситуации в расширении полномочий региональных властей в области бюджетно-налоговой политики.

В условиях, когда политика центра оценивается населением автономной области как «несправедливая» и ведущая к снижению темпов роста региона, активно поддерживаются идеи о создании независимой налоговой системы, отказе от системы бюджетного выравнивания. Население региона поддерживает стремление региональных властей создать независимую налоговую систему, которая позволила бы Каталонии распоряжаться собранными средствами, самостоятельно определять процент перечисляемых центральным властям налогов.

Высокая детерминационная связь между недовольством каталонцев уровнем автономии региона и увеличением долга автономной области перед центром подтверждает, что усиление зависимости региона от центра из-за невозможности сократить дефицит регионального бюджета становится одним из главных аргументов сторонников децентрализации отношений между Каталонией и Испанией.

В заключение, характеризуя существующее в Каталонии положение дел, можно сказать, что отрицание политики бюджетного выравнивания и оценка ее как ущемления и дискриминации прав каталонцев приводят к стремлению расширить автономию, избавиться от контроля и вмешательства центральных властей в финансовые дела региона. Политика центра, направленная на выравнивание уровня жизни населения во всех автономиях за счет средств регионов-доноров, которым является Каталония, восприни-

мается как лишение дополнительных средств для собственного развития. К тому же распространена точка зрения о том, что экономические проблемы Каталонии являются результатом отказа Испании создать особые условия для развития «каталонской нации», как это было сделано по отношению к Стране Басков и Наварре, чьи полномочия в сфере налоговой и бюджетной политики были расширены центральными властями.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод о том, что негативная оценка каталонцами существующей системы межбюджетных отношений между центральными властями Испании и автономной областью Каталония, в частности, недовольство функционированием испанской системы бюджетного выравнивания, привела к активизации сепаратистских настроений населения и росту поддержки курса на самоопределение Каталонии, взятого региональными властями.

Примечания

- 1 См.: Вилков А. А. Политические аспекты гармонизации этноконфессиональных отношений на региональном уровне // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 1. С. 55–62.
- 2 См.: Zipfel F., Vetter S., Pietzker D. Better off on their own. URL: https://www.dbresearch.com/PROD/DBR_INTERNET_ENPROD/PROD000000000350394/Better_off_on_their_own%3F_Economic_aspects_of_regio.pdf (дата обращения: 10.01.2017).
- 3 Там же.
- 4 Нарочницкая Е. А. Многообразный сепаратизм : Про-

- блема типологии и европейские реальности // Актуальные проблемы Европы. 2015. № 1. С. 38.
- ⁵ См.: *Попов Д. И.* Проблема федеративного выбора в ходе демократического транзита : исторический опыт стран Запада // Вестн. Омск. ун-та. Сер. Исторические науки. 2016. № 3 (11). С. 204.
- ⁶ Там же.
- ⁷ См.: *Boylan B. M.* In pursuit of independence : the political economy of Catalonia's secessionist movement // Nations and nationalism. 2015. № 21 (4). P. 765.
- ⁸ См.: *Дементьева Н. А.* Понятие налогового федерализма в доктрине и законодательстве Испании // Финансовое право. 2014. № 2. С. 34–39.
- ⁹ См.: Catalonia is the 3rd most paying Community and the 10th as per funds received from the Spanish government. URL: <http://international.reagrupament.cat/?p=7731> (дата обращения: 10.01.2017)
- ¹⁰ См.: *Vetter S., Stringa M.* Spain & Catalonia : what next? URL: https://www.dbresearch.com/PROD/DBR_INTERNET_ENPROD/PROD000000000346160/Spain+%26+Catalonia%3A+what+next%3F.pdf (дата обращения: 10.01.2017).
- ¹¹ См.: Baròmetre d'Opinió Política. Centre d'Estudis d'Opinió. URL: <http://ceo.gencat.cat/ceop/AppJava/pages/estudis/categories/lListaCategoria.html?collId=3&lastTitle=Bar%F2metre+d%27Opini%F3+Pol%Edtica> (дата обращения: 10.01.2017).
- ¹² По данным каталонского министерства финансов, в рейтинге экономического ранжирования регионов Испании, исходя из пересчета налоговых выплат на каждого жителя автономной области, Каталония занимает лидирующее 3-е место, с рейтингом 119,1% налоговых отчислений в испанский бюджет, принимая во внимание, что средний показатель по стране равен 100%.
- ¹³ В результате бюджетного выравнивания Каталония в ранжировании регионов по получению субсидий и дотаций из центра занимает 10-е место со средним доходом на душу населения менее 100%, являющихся среднестатистическим показателем по Испании, а именно 99,4%
- ¹⁴ См.: Baròmetre d'Opinió Política. Centre d'Estudis d'Opinió.
- ¹⁵ См.: *Попова О. В.* Политический анализ и прогнозирование. М. : Аспект Пресс, 2011. С. 317.

Образец для цитирования:

Зарипова А. Р. Рост каталонского сепаратизма в условиях недовольства экономической автономией региона // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 236–240. DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-236-240.

Cite this article as:

Zaripova A. R. Growth of Catalan Separatism in the Context of Dissatisfaction with Regional Economic Autonomy. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Sociology. Politology*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 236–240 (in Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2017-17-2-236-240.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баландина Т. М. – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры экономической социологии, рекламы и связей с общественностью, Саратовский государственный социально-экономический институт (филиал) Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. E-mail: balandinatm@gmail.com

Бессчетнова О. В. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин, Балашовский институт (филиал) Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: oksanabesschetnova@yandex.ru

Вилков А. А. – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: vil57@yandex.ru

Воронцов С. А. – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры процессуального права, Южно-Российский институт управления РАНХиГС при Президенте РФ, Ростов-на-Дону. E-mail: raven_serg@mail.ru

Герасимова О. Е. – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, С.-Петербург. E-mail: ol.gerasimowa@yandex.ru

Зарипова А. Р. – магистрант кафедры политологии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: zaripovaai92@mail.ru

Калинкин А. А. – аспирант кафедры социологии регионов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: naiperlit347@gmail.com

Камалетдинова А. И. – аспирант Самарского государственного университета. E-mail: alsoy08@mail.ru

Климова С. В. – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии, рекламы и связей с общественностью, Саратовский государственный социально-экономический институт (филиал) Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. E-mail: klimovasv@yandex.ru

Кошелев А. А. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии молодежи, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: koshelev76@mail.ru

Максимова Е. В. – старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин, Российский государственный университет туризма и сервиса, Черкизово, Московская область; аспирант кафедры социологии, Российский государственный социальный университет, Москва. E-mail: fex0702@mail.ru

Мирзаханов Д. Г. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, Дагестанский государственный технический университет, Махачкала. E-mail: mirzakhanov1962@mail.ru

Митрохин В. А. – доктор исторических наук, профессор кафедры политических наук, Саратовский национальный иссле-

довательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: MitrokhinVA@yandex.ru

Могилевич Б. Р. – доктор социологических наук, профессор кафедры английского языка для гуманитарных направлений и специальностей, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: mogilevich@sgu.ru

Никифоров Я. А. – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии регионов, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: nikiforovy@mail.ru

Петрова Ж. В. – кандидат социологических наук, доцент кафедр «Философия», «Психология и прикладная социология», Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А. E-mail: jannav.petrova@rambler.ru

Петрова И. Э. – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского E-mail: irinapetrovay@yandex.ru

Поликарпов П. Б. – соискатель кафедры социологии молодежи, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: polikarpovpb@mail.ru

Понеделков А. В. – заслуженный деятель науки РФ, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления РАНХиГС при Президенте РФ, Ростов-на-Дону. E-mail: ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Сайганова Е. В. – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии молодежи, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: saiganovaev@yandex.ru

Сычева В. О. – старший преподаватель кафедры туризма и культурного наследия, Институт истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: visicheva@mail.ru

Фантров П. П. – аспирант кафедры международных отношений, политологии и регионоведения, Волгоградский государственный университет. E-mail: pavelfantrov@rambler.ru

Шеляхина Н. В. – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Саратовский социально-экономический институт (филиал) Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. E-mail: s_nataliya@inbox.ru

Шестов Н. И. – доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: nikshestov@mail.ru

Яковлев И. В. – аспирант кафедры политических наук, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского. E-mail: yak-ivan@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Balandina T. M. – doctor of sociological sciences, professor, professor of the Department of economic sociology, advertisement and connection with society, Saratov Socio-Economic Institute of the Plekhanov Russian University of Economics. E-mail: balandinatm@gmail.com

Besschetnova O. V. – candidate of sociological sciences, associate professor of the Department of social sciences and humanities, Balashov Institute (branch) of the Saratov State University. E-mail: oksanabesschetnova@yandex.ru

Gerasimova O. E. – candidate of political sciences, assistant professor of the Department of political sciences, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg. E-mail: ol.gerasimowa@yandex.ru

Fantrov P. P. – graduate student of the Department of international relations, political science and regional studies, Volgograd State University. E-mail: pavelfantrov@rambler.ru

Kalinkin A. A. – graduate student of the Department of sociology regions, Saratov State University. E-mail: naiperlit347@gmail.com

Kamaletdinova A. I. – graduate student of the Samara State University. E-mail: alsoy08@mail.ru

Klimova S. V. – doctor of sociological sciences, professor of the Department of sociology, advertising and public relations, Saratov Socio-Economic Institute of the Plekhanov Russian University of Economics. E-mail: klimovasv@yandex.ru

Koshelev A. A. – candidate of sociological sciences, associate professor of the Department of sociology of youth, Saratov State University. E-mail: koshelev76@mail.ru

Maksimova E. V. – senior lecturer of the Department of state-legal disciplines, Russian State University Tourism and Service, Cherkizovo, Moscow region; postgraduate student of the Department of sociology, Russian State Social University, Moscow. E-mail: fex0702@mail.ru

Mirzakhanov D. G. – candidate of philosophical sciences, associate professor of the Department of philosophy, Dagestan State Technical University, Makhachkala. E-mail: mirzakhanov1962@mail.ru

Mitrokhin V. A. – doctor of historical sciences, professor of the Department of political sciences, Saratov State University. E-mail: MitrokhinVA@yandex.ru

Mogilevich B. P. – doctor of sociological sciences, professor of the Department of English language for humanitarian directions and specialties, Saratov State University. E-mail: mogilevich@sgu.ru

Nikiforov Ya. A. – doctor of sociological sciences, professor of the Department of sociology of regions, Saratov State University. E-mail: nikiforovy@mail.ru

Petrova I. E. – candidate of sociological sciences, associate professor of the Department of general sociology and social work, Lobachevski National Research State University of Nizhni Novgorod. E-mail: irinapetrovay@yandex.ru

Petrova Zh. V. – candidate of sociological sciences, associate professor of the Departments "Philosophy", "Psychology and Applied Sociology", Yuri Gagarin State Technical University of Saratov. E-mail: jannav.petrova@rambler.ru

Polikarpov P. B. – competitor of the Department of sociology of youth, Saratov State University. E-mail: polikarpovpb@mail.ru

Ponedelkov A.V. – honored worker of science of Russia, doctor of political sciences, professor, head of the Department of political sciences and ethnopolitics, South-Russian Institute of Management a branch Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Rostov-on-Don. E-mail: Ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Shestov N. I. – doctor of political sciences, professor of the Department of political sciences, Saratov State University. E-mail: nikshestov@mail.ru

Saiganova E. V. – candidate of sociological sciences, associate professor of the Department of sociology of youth, Saratov State University. E-mail: saiganovaev@yandex.ru

Shelyakhina N. V. – candidate of sociological sciences, senior lecturer of the Department of foreign languages, Saratov Socio-Economic Institute of the Plekhanov Russian University of Economics. E-mail: s_nataliya@inbox.ru

Sycheva V. O. – senior lecturer of the Department of tourism and cultural heritage, Institute of History and International Relations of the Saratov State University. E-mail: visicheva@mail.ru

Vilkov A. A. – doctor of political sciences, professor, head of the Department of political sciences, Saratov State University. E-mail: vil57@yandex.ru

Vorontsov S. A. – doctor of law sciences, professor, professor of the Department of procedural law, South-Russian Institute of Management a branch Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Rostov-on-Don. E-mail: raven_serg@mail.ru

Yakovlev I. V. – graduate student of the Department of political sciences, Saratov State University. E-mail: yak-ivan@yandex.ru

Zaripova A. R. – master's student of the Department of political sciences, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications of the Kazan (Volga region) Federal University. E-mail: zaripovaaigul92@mail.ru